

НЭМАН

9/2016

СЕНТЯБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

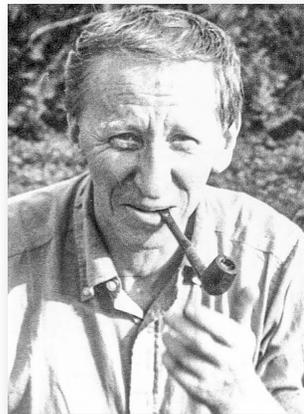
СОДЕРЖАНИЕ

Виктор КОЗЬКО. На крючке. Рыбацкая повесть в рассказах.	
Перевод с белорусского автора	3
Ирина ДОРОФЕЙЧУК. И сочувствие, и нежность. Стихи.	
Перевод с белорусского Г. Авласенко	57
Юлиана ПЕТРЕНКО. Наследница. Рассказ	60
Дмитрий РАДИОНЧИК. Из цикла «Ангелы в сомбреро»	68
Владимир ХИЛЬКЕВИЧ. Время нелюбви. Рассказ	73
Ольга БЕЛОВА. Я теряю себя... Стихи	90
«Всемирная литература» в «Нёмане»	
Джо АЛЕКС. Ты всего лишь Дьявол. Роман.	
Перевод с польского Р. Святополк-Мирского	93
Сюзанн Ричардсон ХАРВИ. Щит юмора верней, чем рвы и стены. Стихи.	
Предисловие и перевод с английского Т. Шпартовой	147
Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. Пантеон женских сердец. Сэй-Сёнагон. Очерк	150
Время. Жизнь. Литература	
Леонид ЛЕВАНОВИЧ. Самородок. Жизнь и творческая судьба Масае Седнева.	
Эссе. Перевод с белорусского И. Кочетковой	165
Документы. Записки. Воспоминания	
Эмануил ИОФФЕ. Кто заменил генерала Поскрёбышева?	177
Литературное обозрение	
<i>Искусство суждения</i>	
Александр БЕРЁЗКО. «Vixi» Алеся Адамовича: исповедь на пороге События ...	193
<i>С точки зрения рецензента</i>	
Денис ВАРИВОНЧИК. Рассказано — будто снова прожито	208
Юлия АЛЕЙЧЕНКО. Древо жизни	210
Кирилл ЛАДУТЬКО. Стихотворения-ласточки возвращаются!..	213
Напоследок	
<i>Литературное содружество</i>	
Жанарбек АШИМШАН: «Художественные идеи живут собственной жизнью...»	
Беседовал Алесь Карлукевич	216
<i>Память</i>	
Наталья СОВЕТНАЯ. «Не знаю, есть ли в этом воля Неба»	220
Авторы номера	224

Джо АЛЕКС

Ты всего лишь Дьявол

Роман

Мерлин. Остановись, невольник черной ночи!

Дьявол. Я сокрушу тебя, несчастный. Здесь смерть свою найдешь ты!

Мерлин. Ты слишком слаб — ведь ты всего лишь Дьявол.

*Отбрось обличье людское и уйди,
змеей пятнистой ползая на брюхе!*

Моих заклятий сила правит даже адом.

Ты первый мощь их ощутишь!

(Гром и молния над скалами. Скала поглощает Дьявола.)

«Рождение Мерлина»

Акт V

Сцена I

По всей видимости, пьеса создана и поставлена в 1612 году. В заголовке первого издания in quarto стоит: «Написана Вильямом Шекспиром и Вильямом Роули».

Глава I

Первое упоминание о Дьяволе

Краем глаза Джо Алекс увидел неподвижно стоящего в дверях Хиггинса, который тихонько кашлянул. В ту же секунду доктор Ямамото поднял нож и легко прыгнул вперед.

Джо Алекс мгновенно уклонился и одновременно попытался перехватить вооруженную руку. Он даже коснулся пальцами ее локтя, но опоздал. Маленькое, почти неуловимое движение кистью, и нож ударил в грудь на уровне сердца. Раздался глухой, тихий треск.

— Безнадежно! — Джо Алекс сел на твердом спортивном мате, обитом темной кожей и покрывающем всю поверхность пола в комнате без мебели. — Я никогда этого не пойму! — Он вытер пот со лба. — Вы лишаете меня радости жизни, доктор. Обучив всем приемам самозащиты, вы в итоге доказываете, что со мной можно справиться, как с ребенком.

— Когда ученик превзойдет учителя, учитель должен вернуться в школу. — Японец развел руками, словно извиняясь перед хозяином за то, что не может позволить ему победить себя. — Но я вас прекрасно понимаю. Это, конечно, вопрос самолюбия. И хотя человеку свойственно стремление к совершенству, мы обычно достигаем его на очень ограниченном участке, если вообще достигаем.

Я, например, при всем желании не смог бы написать ни одной главы любой из ваших столь многочисленных и столь занимательных книг. — При этом он слегка поклонился, и хотя его костюм состоял всего лишь из коротких обтягивающих штанишек, поклон выглядел таким церемонным, будто твердый воротничок манишки фрака мешал ему плавно выполнить движение. — Вы делаете большие успехи, — добавил он после короткого раздумья. — Со всей скромностью — ибо я являюсь вашим тренером, — могу заявить, что вы сумеете избежать даже неожиданного удара ножом и обезоружить любого, кто попытается выстрелить в вас с близкого расстояния. Я, разумеется, имею в виду обыкновенных людей, если можно назвать обыкновенными тех людей, которые в повседневной жизни употребляют нож и пистолет. Тем не менее, в мире существует большая группа специалистов — а к ним я причисляю и мою скромную особу, — которые всегда вас опередят. Но насколько я знаю, никто из этих людей не занимается нападением на мирных прохожих. — Пальцами левой руки он вытащил из обгнута замшей рукоятки лезвие учебного ножа. — Попробуем еще раз?

Стоящий в дверях Хиггинс чуть шевельнулся и кашлянул второй раз. Джо посмотрел в его сторону.

— В чем дело, Хиггинс?

— Я только что принял телефон для вас, сэр.

Джо поднял брови.

— Как! Я ведь сказал, что меня ни для кого нет дома!

— Да, но... — Хиггинс на мгновение заколебался. — Конечно, я не сказал, что вы дома, но я позволил себе подумать, что, возможно, будет лучше поставить вас в известность, кто звонит. У телефона вас ждет сэр Александр Джилберн. Он сказал, что не знаком с вами лично, но поскольку при этом добавил, что у него очень важное дело, то я подумал: быть может, вы сами захотите решить, дома вы или нет... — Он снова кашлянул и умолк.

— Джилберн? — переспросил Алекс. — Не тот ли юрист? Мне кажется, именно его зовут Александр?

— Да, сэр. О нем постоянно пишут в газетах. Это выдающийся адвокат. Именно потому, что он столь известная личность, я позволил себе... Должен ли я ответить, что вас нет?

Джо посмотрел на Хиггинса с тайным восхищением, которое ощущал ежедневно, с тех пор, как этот худощавый тихий, седеющий слуга начал вести хозяйство в его новой квартире. Хиггинс казался абсолютно безошибочным. Он был настолько безукоризненным, что даже вызывал чувство неполноценности. Кроме того, он был необыкновенно образованным человеком.

Джо покачал головой.

— Нет. Думаю, что мне, пожалуй, следует с ним поговорить. — Он взглянул в сторону Ямамото. — Я должен извиниться перед вами, доктор. Насколько я знаю, мистер Джилберн не относится к людям, которые беспокоят по пустякам. — Джо подошел к стене и, сняв с вешалки халат, набросил на плечи. — Интересно, чего может хотеть от меня такой человек?

Вопрос, на который никто из присутствующих по вполне понятным причинам не ответил, растворился без эха среди стен, обитых толстыми матами. Алекс задержался в дверях.

— Не хотите ли стакан апельсинового сока, доктор? Наверняка вы успеете его выпить, пока я вернусь.

Доктор серьезно кивнул головой. Хиггинс посмотрел на потолок и слегка поклонился:

— Со льдом или безо льда, сэр? — Его лицо не изменило своего обычного выражения, но Джо, переступая порог, улыбнулся, — ни титул

доктора, ни безукоризненные манеры японца не были в состоянии убедить Хиггинса в соответствующем общественном положении гостя, который одет в короткие штанишки.

— Безо льда, если можно, — сказал Ямамото и, встав на руки, начал спокойно, без всякого видимого усилия прохаживаться по комнате.

Хиггинс тихо закрыл за собой дверь.

Тем временем Джо подошел к телефону, стоящему на крышке старинного сундука в холле.

— Слушаю. Алекс у телефона.

— Моя фамилия Джилберн, — прозвучал на другом конце провода низкий, красиво модулированный голос. Потом наступила короткая, едва уловимая пауза, будто адвокат после сообщения своей фамилии надеялся услышать какое-либо подтверждение тому, что фамилия эта знакома Алексу. Но Джо молчал, а пауза была настолько короткой, что это почти не имело никакого значения. — Прежде всего, я должен извиниться, что беспокою вас в столь ранний час без письменного предупреждения. Но события, которые... — Снова наступила пауза. — Я вам не помешал?

— Нет, нет. Сейчас я не занят. Чем могу быть полезен?

— Если это не причинит вам излишних хлопот и если вы поверите, что моя навязчивость продиктована действительно серьезными обстоятельствами, я прошу вас уделить полчаса времени для беседы по очень важному для меня делу. Разумеется, повторяю, если...

— Понимаю, — ответил Джо, хотя пока понимал только, что должен будет провести часть этого жаркого дня иначе, чем запланировал. — Не могли бы вы приехать ко мне через час, если это вас устроит?

— Вполне устроит. Чем скорее, тем... — он снова умолк. — Если вы ничего не будете иметь против, я приведу еще одного человека, так же, как и я, заинтересованного темой моей беседы с вами.

Джо еще раз ответил, что не возражает, сэр Александр еще раз извинился за беспокойство и повесил трубку.

Несколько секунд Алекс стоял неподвижно, глядя на умолкший телефон. Несмотря на гладкость произнесения обычных слов вежливости, он уловил в голосе собеседника нотку напряжения.

Джилберн уже много лет слыл одной из самых ярких звезд лондонской адвокатуры. Его считали блестящим защитником по уголовным делам, и до того дня, когда в Объединенном Королевстве была отменена смертная казнь, он спас от виселицы стольких людей, которые, казалось, уже чувствовали прикосновение петли к своей шее, что преступный мир дал ему прозвище «Скорая помощь». Несмотря на это, все знали, что Джилберн никогда не брал на себя защиту преступников, заслуживающих, по его убеждению, высшей меры наказания. И хотя на первый взгляд Алекс и Джилберн стояли на противоположных полюсах, ибо один преследовал, а другой защищал преступников, Джо давно хотел познакомиться с этим необычным человеком, об уме и способности к точным логическим умозаключениям которого он так много слышал. Однако до сих пор их пути ни разу не пересеклись. Чего же мог хотеть от него известный адвокат? Простейшим решением, которое само напрашивалось, могла быть просьба о помощи в одном из дел, которые вел Джилберн. Возможно, обстоятельства были слишком запутаны, а сэр Александр, уверенный в невиновности своего клиента, хотел любой ценой спасти его и не мог сам справиться. Но в голосе, который Алекс только что слышал, звучало напряжение, вызванное скорее каким-то личным переживанием...

«Ну ладно, что это я? Через час все прояснится», — сказал себе Джо и направился в гимнастический зал. Он был задумчив и в глубине души злил-

ся на себя. Алекс всегда был уверен, что его ничем нельзя заинтриговать. Но этот звонок вывел его из равновесия. Такой человек, как Джилберн, не придет поболтать о каких-то пустяках. Дело наверняка серьезное. Но как назло именно сейчас Джо Алекс мечтал, чтобы ничего серьезного не возникло на его пути. Необходимо было уладить массу личных дел, отнюдь не связанных с миром преступлений.

Доктор Ямамото сидел на мате, скрестив по восточному обычаю ноги, и маленькими глотками пил фруктовый сок.

— Я надеюсь, что вы не обидитесь, доктор, если на этом мы закончим наш сегодняшний урок. Меня ожидает серьезная встреча. Впрочем, наши два часа, кажется, уже истекли, не так ли?

Ямамото встал, поставил стакан на подоконник и посмотрел на лежащие там старомодные карманные часы.

— Осталось еще двенадцать минут, — заметил он, — но мы можем восполнить их в следующий раз. Вы, кажется, упоминали вчера, что хотите сделать недельный перерыв в занятиях?

— Да, — подтвердил Джо, — у меня есть кое-какие обязательства по отношению к моему издателю, и я вынужден провести несколько ближайших дней за письменным столом. А потом я хотел бы выехать за границу еще на несколько дней, если позволят обстоятельства.

— Это хорошо, — кивнул японец, — думаю, что нам надо сделать перерыв в занятиях. Я опасаясь возникновения у вас того, что спортсмены называют «перетренировкой», и поэтому предлагаю: давайте назначим нашу встречу не через одну, а через две недели.

Беседуя о дальнейших стадиях проникновения в тайны искусства дзюдо, они направились в сторону ванной с двумя душевыми кабинками. Алекс повернул кран, и они вошли под сильные струи контрастного душа.

— Да! — крикнул Ямамото, заглушая шум воды. — Даже сейчас вы уже можете никого не опасаться! Но неужели у вас действительно возникали опасения? Ведь герои детективных романов не сходят со страниц книг и не бросаются на автора!

— Это верно... — согласился Джо, массируя плечи жесткой волосяной рукавицей. — Но бывает и так, что сначала я встречаю моих героев в жизни и лишь потом, когда они уже становятся безопасными для меня, переношу на страницы книг.

Ямамото вышел из-под душа и, встряхнувшись, потянулся за купальной простыней.

— Я слышал кое-что, но не знаю, сколько правды в том, что о вас рассказывают. Руководя моей школой дзюдо, я поддерживаю контакты с полицией и разными удивительными людьми. О вас много говорят в некоторых кругах.

— Чем больше, тем лучше! — Джо рассмеялся, тоже вышел из-под душа и начал вытираться. — Это очень приятно, когда о нас говорят. Все мы по-своему тщеславны, не правда ли? Даже когда безумно не любим свою работу. Я, например, не написал бы в своей жизни ни одной страницы детективной повести, будь у меня другой источник дохода.

— Это была бы невосполнимая утрата для любителей литературы такого рода. — Японец слегка склонил свою мокрую, коротко стриженую голову. — Но я имел в виду не ваши произведения. Я думал о том исключительном таланте, который вы предоставили к услугам полиции. На мой взгляд, вы относитесь к людям, наиболее уважаемым у нас на Востоке: к тем, кто всегда стремится отыскать истину, независимо от того, в какой области судьба предназначила им трудиться. «Тот, кто ищет правду, — плывет по священной реке». Простите мне эту мудрость, часто цитируемую в

настольных календарях. Говорят, что вы можете разгадать любую детективную загадку.

Джо снова рассмеялся.

— Конечно могу! — сказал он с обезоруживающей простотой. — Пока, во всяком случае, я разгадал все. Быть может, потому, что настоящие преступники гораздо примитивнее тех, которых можно придумать. В воображении автора детективных романов существует теоретически бесконечное множество комбинаций и стечений обстоятельств, затрудняющих решение. Тем временем жизнь значительно сужает рамки преступления и упрощает проблему, а ошибки убийцы становятся его визитной карточкой. Достаточно лишь исключить несколько тех или иных возможностей, и преступник предстает в полном блеске, как манекен вечером, на освещенной витрине. — Джо опять рассмеялся. — Теперь вы, наверно, пришли к выводу, что, быть может, я и плыву по священной реке, но паруса мои вздымает ветер тщеславия. К сожалению, ничего не могу поделать, но именно так складываются до сих пор мои взаимоотношения с миром преступлений. Я твердо убежден, что нет преступника, которого нельзя разоблачить...

Джо развел руками, будто извинился, потом взял расческу и начал причесывать мокрые волосы.

— Однако, — сказал доктор Ямамото, — существует возможность, — он замялся, — я забыл, как звучит это определение... На моей Родине оно неизвестно. Я имею в виду преступление... преступление...

— Идеальное?

— Вот именно! Идеальное преступление... Насколько мне известно, это такое преступление, в котором убийца не оставил для следствия ни малейшей зацепки, не так ли?

— Да. Но такое преступление невозможно. Его должен был бы совершить человек, имеющий абсолютное алиби и такой мотив убийства, который никто не мог бы обнаружить или догадаться о его существовании. А самое главное — нужно, чтобы полиция не могла установить, как было совершено это преступление. В противном случае остался бы след, потому что способ совершения преступления уже сам по себе является очень интересным следом, который сразу же исключает большое количество лиц и бросает подозрение лишь на некоторых. Таким образом, идеальное преступление непременно было бы преступлением, которое *исключает всех возможных убийц*, что уже в самом принципе является абсурдом. Ведь не может возникнуть ситуация, в которой убийство совершено и никто не мог его совершить.

— Признаюсь, я вас не совсем понял. Не могли бы вы привести какой-нибудь пример подобной ситуации?

Алекс на секунду задумался.

— Приведу самый простой. Представим себе, что есть комната всего лишь с одной дверью, которая заперта изнутри на ключ. Окна тоже закрыты, нигде нет ни малейшей щели и никакого тайного хода. И вот внутри этой комнаты убит человек... Ну, скажем, — выстрелом с близкого расстояния. Чтобы избежать ненужной игры воображения, представим, что несколько человек услышали этот выстрел и немедленно взломали дверь. Вот это и было бы идеальное преступление: труп в закрытой изнутри комнате, в которую никто не мог войти и из которой никто не мог выйти... — Джо умолк и набросил на себя халат. — Дело в том, что преступление, обстоятельства которого *исключают всех возможных убийц*, должно *исключить вместе с ними и действительного убийцу*. К счастью, такое преступление мог бы совершить один лишь ДЬЯВОЛ... Конечно, у людей, которые хотят избавиться от кого-нибудь из своих близких, возникают порой совершенно

неслыханные идеи... Но по вполне понятным причинам эти идеи не имеют ничего общего с идеальным преступлением: люди не могут действовать вне законов пространства и времени. Поэтому я не верю в идеальное преступление так же, как не верю в Дьявола!

— Я вижу, вы много размышляли об этом, — улыбнулся доктор.

— Да. Я пытался как-то написать книгу, в которой мой герой-детектив потерпел бы поражение. Я хотел придумать такое преступление, перед которым самый гениальный мозг следователя оказался бы бессильным. И не смог. Я хотел дать разгадку при помощи предсмертного письма, написанного убийцей, который... ну, скажем, умирал от рака и перед тем, как покончить жизнь самоубийством, решил послать в полицию подробное объяснение того, как он совершил убийство. Увы... К сожалению, ничего такого невозможно придумать... Никто еще не написал такой книги и никто никогда ее не напишет.

— Понимаю, — Ямамото склонил голову. — Эта проблема представляется чем-то вроде квадратуры круга.

— Совершенно верно. Должен признаться, что все это стоило мне нескольких бессонных недель. Такая книга была бы беспрецедентной в истории детективной литературы. Наконец я пришел к выводу, что без помощи сверхъестественных сил такое преступление совершить невозможно. Поэтому я оставил его Дьяволу и выбросил свои наброски.

Но Джо Алекс ошибался, ибо уже ближайшая страница в книге его жизни содержала встречу с Дьяволом и с идеальным преступлением.

Но об этом еще не знал даже сам Дьявол.

Потому что Дьявол не верил в Джо Алекса, точно так же, как Джо Алекс не верил в Дьявола.

Глава II

Второе упоминание о Дьяволе

Несмотря на интерес, вызванный звонком Джилберна, Джо, одеваясь, думал не о нем и не о предстоящем визите, а о своих глубоко личных делах, куда в последнее время вкрался все нарастающий хаос.

За окном свирепствовала жара. В Греции в это время года было, вероятно, еще жарче. Но в Греции воздух совсем иной, чем в Лондоне, прозрачный, пахнувший водорослями теплого южного моря и насыщенный неуловимым сухим ароматом, который излучают разогретые солнцем скалы. В Греции была Каролина. Она копалась в земле где-то на Пелопоннесе, разыскивая маленькие глиняные черепки, испещренные непонятными значками.

Ранняя критская письменность, до сих пор не расшифрованная и не понятая, лежащая непроницаемым барьером между современностью и далеким прошлым этого древнего народа, была самым страстным увлечением в жизни этой прелестной девушки, которая, в свою очередь, была самым страстным увлечением в жизни Джо Алекса. Джо не знал, любит ли его Каролина. В Лондоне они были неразлучны, повсюду появлялись вместе, вместе уезжали и вместе устанавливали свою красную шелковую палатку в Альпах, Норвегии, Португалии или Южной Франции. Но когда однажды, после возвращения в Лондон, Джо серьезно заговорил о браке, Каролина быстро и решительно переменяла тему разговора. Она твердо защищала свою независимость, а слово «жена», казалось, вызывало у нее страх. Во всем же остальном ее можно было бы назвать лучшей из жен,

хотя жила она отдельно, и бывали периоды, когда он не видел ее целыми неделями. Это случалось, когда ее целиком увлекала работа. Тогда она закрывалась в своей квартире на ключ и выключала телефон, а ее домработница, старушка миссис Даунби, отвечала через дверь, что хозяйки нет дома и неизвестно, когда она вернется. А все потому, что Каролина Бикон, несмотря на свои двадцать пять лет, была уже известным ученым, с мнением которого начинали считаться седовласые специалисты.

Алекс испытывал холодную ненависть к древним жителям острова Крит и их диковинной письменности. А все потому, что, хотя он и был одним из наиболее известных авторов детективных романов и одним из самых выдающихся теоретиков криминологии, другом и соратником аса Скотленд-Ярда, суперинтенданта Бенжамина Паркера, — самому себе он, Джо Алекс, казался какой-то гротескной фигурой.

Причина этого странного положения вещей была относительно проста: Джо писал детективные повести, но сам их терпеть не мог. А писал он их потому, что они приносили большой доход, и кроме того, — он не умел делать ничего другого.

В начале войны, почти мальчишкой, он поступил в авиацию, а потом, когда военные действия окончились, очутился беспомощным на лондонской мостовой с ничтожной суммой армейского выходного пособия в кармане. Не зная, что делать, он решил рискнуть и написать детективную повесть. Написал и отнес к издателю. С тех пор его жизнь стала одной непрерывной чередой успехов в этой области. В итоге, уже через пару лет это принесло ему неплохое состояние.

Остальное было случайным стечением обстоятельств. Бенжамин Паркер, который во время войны был членом экипажа бомбардировщика, пилотируемого Джо Алексом, случайно обнаружил в своем друге огромный талант следователя, когда они оба стали перед лицом зловещих обстоятельств смерти их общего друга Иэна Драммонда¹. С тех пор Джо принимал участие во многих знаковых расследованиях Скотленд-Ярда и приобрел подлинную славу, распутав, исключительно при помощи логических рассуждений, несколько сложных дел, перед которыми полиция со всем своим аппаратом совершенных методов исследования, архивами и оборудованием оказалась бессильной. Дактилоскопию, химические анализы и прочие современные методы расследования Алекс считал лишь второстепенными факторами в процессе расследования. Он был убежден, что преступление рождается в человеческой душе и только там необходимо последовательно искать решение. А единственной лабораторией, которая может помочь в этих поисках, был его собственный мозг. Обычно мозг этот оставался в одиночестве на опустевшем поле боя, после того как весь арсенал новейших методов исследования не мог уличить ловкого преступника.

И хотя пресса всей страны, включая маститый «Таймс», посвящала Алексу в последние годы достаточно много места; и хотя слава его становилась постепенно универсальной, ибо им интересовались все: от министров до священников и от школьников до одиноких старушек-пенсионерок; и хотя имя его стало обрастать легендами, где правда смешивалась с фантастическими вымыслами, — мисс Каролина Бикон оставалась на удивление равнодушной к его славе. Они знакомы уже три года, и Джо должен был признать, что, по крайней мере, два из них он думал о ней ежедневно.

¹ Иэн Драммонд во время войны был третьим членом экипажа бомбардировщика Алекса. Впоследствии стал крупным ученым-химиком и был убит при загадочных обстоятельствах. Расследование убийства Иэна Драммонда составляет сюжет повести Джо Алекса «Скажу вам, как погиб он...» (Прим. переводчика).

Часто он с тревогой размышлял, не в этом ли безразличии Каролины к его успехам кроется подлинная причина его привязанности и беспокойства. Правда, она даже прочла несколько его книг, но ее умеренная похвала вызвала в нем только чувство жгучего стыда. Она всегда каким-то неуловимым образом давала ему понять, что не считает все это серьезным занятием для интеллигентного человека, возраст которого уже давно перевалил за тридцать. Каролина относилась к его книгам и к сотрудничеству с Паркером как к развлечению, наверно интересному, и наверно полезному, но совершенно несерьезному. И хотя между ними никогда не заходила об этом речь, Джо знал, что ковыряние в своих проклятых черепках Каролина считает настоящей работой, а все, что он делал и чем занимался, могло в ее глазах заполнять жизнь и занимать воображение в лучшем случае пятнадцатилетнего подростка.

Но наилучшим было то, что в глубине души он признавал ее абсолютную правоту. Ибо, вопреки внешней видимости, Джо Алекс был тихим человеком, любящим поэзию и хорошую музыку, он изучал историю древних культур и мифов (за исключением, разумеется, Критских), архитектуру, историю, нравы и все то, что составляет видимый след, оставленный человеком на протяжении веков. И хотя, в определенном смысле, ему жилось хорошо, потому что высокие доходы позволяли путешествовать по всему миру и оставляли много времени для самообразования, — он, однако, отдавал себе отчет в горькой ироничности своей ситуации. Огромного количества собранных наблюдений и выводов он так никогда и не обобщил ни в одном более-менее серьезном труде, хотя, например, в одной из узких тем, определенной им как «История Дьявола на земле», он ориентировался гораздо лучше большинства специалистов, занимающихся верованиями и социальным фоном усиления веры в Злого Духа в различные исторические эпохи и в различных частях света. Если бы в этой области он сумел упорядочить огромное количество своих заметок, снимков и коллекций, — мог бы возникнуть монументальный труд, не имеющий до сих пор прецедента. Но он не сумел. Постепенно Джо стал привыкать к мысли, что навсегда останется лишь свидетелем в этой жизни и не оставит после себя никакого значительного следа. Просто он никогда не умел делать ничего, что давалось бы ему с трудом и требовало больших усилий. А может, к своему несчастью, он слишком много зарабатывал тем, что делал с необычайной легкостью?

Но никому, даже суперинтенданту Паркеру, он никогда не признавался, что почти с такой же легкостью дается ему решение и тех детективных задач, которые подбрасывала реальная жизнь.

Итак, Джо Алекс был знаменит, но не был счастлив. Стоя в эту минуту перед зеркалом и завязывая галстук, он думал о Каролине, о Греции и о том, что в эту минуту лучше всего было бы все бросить, сесть в самолет и слетать к ней туда хоть на пару дней. Два-три дня с Каролиной, под июльским солнцем Средиземного моря — это все, чего ему хотелось. Джо соскучился по ней.

Каролина уехала месяц назад по заданию своего исследовательского института, когда пришло известие об открытии табличек с иероглифами в одной из древних критских крепостей на Пелопоннесе. В Афинах он нанял бы машину... Потом дорога вдоль морского побережья... Мегара, Коринф и длинное белое шоссе, пролегающее через широкую долину на юг, в сторону гор...

Но, к сожалению, издатель ждал. Алекс обещал, что сдаст ему книгу в течение ближайших двух недель, а готовы были пока лишь несколько первых страниц. Джо не любил нарушать обещания. Надо остаться. Но

если бы... Если бы он успел в течение недели закончить, тогда... Ведь план каждой главы, разработанный в мельчайших подробностях, уже готов.

С минуту он задумчиво стоял, тихонько посвистывая. Потом быстро завязал галстук и решительно снял телефонную трубку. Закрыв глаза и стараясь не думать ни об одном из тысячи препятствий, продиктовал телеграмму Каролине:

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ МЕНЯ ВИДЕТЬ ПРИЕДУ К ТЕБЕ НА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ТЧК ПОТОМ ДОЛЖЕН БУДУ НЕМЕДЛЕННО ВОЗВРАЩАТЬСЯ В АНГЛИЮ ТЧК ТЕЛЕГРАФИРУЙ СРАЗУ ЧТО ОБ ЭТОМ ДУМАЕШЬ ТЧК ОЧЕНЬ СОСКУЧИЛСЯ ТЧК ПО ГРЕЧЕСКИМ ПЕЙЗАЖАМ ТЧК ДЖО

Он медленно положил трубку. Жребий брошен. Телеграмма начала свой молниеносный бег над миром. Он снова снял трубку и, набрав номер бюро путешествий, заказал место в самолете на восемнадцатое число. Теперь придется сесть за работу. Семь бессонных ночей над пишущей машинкой, огромное количество черного кофе, машинистка, приходящая два раза в сутки за текстом. А потом, в последнюю минуту он забросит рукопись издателю по пути в аэропорт. Он должен успеть.

Хиггинс тихонько постучал и появился на пороге.

— Сэр Александр Джилберн и мистер Томас Кемпт, — сказал он, подходя и протягивая Алексу небольшой поднос, на котором лежали две визитные карточки. Одна маленькая, почти квадратная, вторая — большая, прямоугольная.

Джо взял их, машинально подумав: большая — Кемпт, маленькая — Джилберн.

Он угадал.

— Спасибо, Хиггинс. Пожалуйста, пригласите джентльменов в библиотеку.

Джо быстро надел пиджак, открыл дверь, соединяющую кабинет с библиотекой, и вошел туда почти в тот же момент, когда Хиггинс ввел гостей из холла.

Сэр Александр Джилберн был высоким, седеющим, но все еще очень интересным мужчиной. На первый взгляд казалось, что ему нет еще и пятидесяти. Джо с легким удивлением отметил, что Джилберн держит в руке массивную трость, и лишь спустя секунду, когда гость сделал шаг вперед, понял, что сэр Александр хромает. Он невольно посмотрел на его ногу и, быстро подняв глаза, приветливо улыбнулся и шагнул навстречу. Известный адвокат был калекой. Стопа его правой ноги находилась в почти круглом, очень коротком башмаке, вздувшемся сверху, будто этот башмак вместе с ногой подвергли какой-то страшной пытке, которая навсегда изменила форму стопы. Но Джо, который интересовался всевозможными физическими отклонениями, знал, что деформация такого рода чаще всего бывает врожденной.

Джо пожал вошедшему руку и указал на одно из массивных клубных кресел, стоящих вокруг низкого круглого столика. Потом повернулся ко второму гостю.

Томас Кемпт был намного моложе Джилберна. Ему можно было дать не более тридцати лет, но вероятнее всего, он был еще моложе. На прямых, широких плечах спортсмена крепко сидела голова красивой формы с темными, коротко стриженными волосами. Его лицо было покрыто загаром, а голубые глаза, блестящие под темными бровями, смотрели спокойно и внимательно. Это было приятное, умное лицо с правильными чертами и энергично обрисованным подбородком; лицо, вызывающее с первого взгляда доверие и заставляющее проникнуться симпатией к этому

человеку. Джо мимоходом подумал, что Кемпт являет собой тот тип мужчин, который вызывает у девушек мысль: «Он был бы хорошим мужем». Серьезность, отвага и спокойная уверенность в себе.

Когда гости сели, Джо задал традиционный вопрос относительно напитков, но оба попросили только содовой. Несмотря на опущенные шторы, жара стала проникать даже в библиотеку, расположенную с северной стороны. Минуту спустя появился Хиггинс с сифоном, льдом и маленькими щипцами. Когда он вышел, Джилберн тихонько откашлялся и посмотрел на Кемпта, который едва заметным движением развел руки, как бы давая понять, что он отказывается от голоса в пользу сэра Александра.

— Возможно, вначале мне следовало бы заметить, что погода для этой поры года уж слишком жаркая, и похвалить вас за изысканный вкус в оформлении интерьера, — сказал адвокат. — Но из того, что мне о вас говорили, я сделал вывод, что вы не принадлежите к людям, которые любят традиционные вступления. Так что, может, я сразу перейду к тому, что мы, в юридической среде, называем существом дела, а вы, люди пишущие, — сюжетом... — Он умолк и, положив руки на трость, которую держал между колен, на секунду задумался. — Знаете — очень трудно... — сказал он вдруг с беспомощной улыбкой, — мы ведь взрослые люди и живем, как-никак, во второй половине двадцатого столетия... — он снова умолк.

На этот раз Джо поднял брови. Он не ожидал, что такому искусственному оратору, как Джилберн, может не доставать слов уже в самом начале.

Молчание длилось почти минуту. Но нарушил его не сэр Александр, а Кемпт.

— Трудность заключается в том, мистер Алекс, что темой нашей с вами беседы будет Дьявол.

При этих словах он не улыбнулся.

Джо опустил поднятые брови.

— Ах, вот как?... Дьявол... — в его голосе не прозвучало ни малейшей ноты удивления. В душе он поздравил себя с этим.

— Да, Дьявол... — сказал Джилберн. Алекс заметил, что адвокат слегка покраснел, выговаривая последнее слово. — И дело даже не только в том, что мы пришли говорить с вами о Дьяволе, — нам придется сознаться, что нас привел сюда страх.

На лице Алекса не дрогнул ни один мускул.

— Я так часто сталкиваюсь с результатами работы Дьявола, — негромко сказал он, — что в конце концов должен был наткнуться и на него самого. Это вполне понятно.

Джилберн беспомощно улыбнулся.

— Я знал, что вы не сможете отнестись серьезно к моим словам. Я сам... в известной мере не могу расценивать их серьезно... — Он тихо вздохнул и развел руками. — Ведь мы все знаем, что Дьявола нет.

Это юмористическое утверждение, высказанное более чем серьезным тоном, прозвучало вовсе не смешно. Было в нем что-то зловещее, будто интонация фразы содержала в себе некий скрытый смысл, противоречащий словам.

Алекс не шелохнулся. Джилберн продолжал:

— Речь идет лишь о том, чтобы вы нас выслушали. Мы оба слышали о вас так много, что целиком отдаемся на ваш суд. Если вы скажете, что наш рассказ — это полный абсурд, — мы не обидимся. Напротив, я лично вздохну с облегчением. Все это настолько бессмысленно, что если бы не страх...

Он остановился, как бы ожидая, что Джо задаст ему, наконец, какой-нибудь вопрос. Но Алекс внимательно слушал и даже не шелохнулся.

— Мы знаем, — сказал Джилберн, — что вы можете счесть нас наивными чудаками, отнимающими у вас время, но когда я закончу свой рассказ, вы наверняка признаете, что нам трудно было бы обратиться с таким делом в полицию. Благодаря моей профессии я знаю очень многих серьезных людей в Скотленд-Ярде, но у меня не хватило бы мужества обратиться по такому вопросу к кому-либо из них. К счастью, Томас, — я хочу сказать, присутствующий здесь мистер Кемпт, — подал мне мысль обратиться за помощью к вам. Так что, быть может, давайте условимся, что вы постараетесь выслушать нас так, будто речь идет о самых обычных, будничных вещах, хорошо?

— Ну разумеется, — сказал Джо, — если только вера в ваши слова не послужит препятствием к спасению моей души. — Он рассмеялся тихо и дружелюбно.

— Не думаю, — Джилберн тоже попытался ответить улыбкой. — Мы пришли сюда с верой, что, быть может, вы возьмете на себя роль архангела с огненным мечом в карающей длани. Если, конечно, существует кто-либо, кого этот меч должен поразить... Потому что и этого мы пока не знаем. Но, может, я излишне опережаю факты... — Он снова задумался на минуту. — Вы когда-нибудь слышали о Дьявольской скале?

— О Дьявольской скале? Кажется, да...

Джо потер рукой лоб, как бы пытаясь помассировать скрытые под ним клетки серого вещества, в которых его память хранила все, что он знал о Дьявольской скале.

— Я никогда не был там, но читал о ней, — вдруг он хлопнул в ладоши. — Да, конечно! Это место находится где-то на границе графства Саффолк, в нескольких десятках миль от Лондона. Оно связано с процессами «охоты на ведьм» в шестнадцатом или семнадцатом столетии и шабашами этих ведьм. Там еще, кажется, есть Дьявольский грот с расщелиной, через которую Дьявол якобы выбирается из ада, не так ли? В свое время я интересовался этим, потому что немного занимаюсь историей отношений человеческих общин к сверхъестественным явлениям в разные времена... Вот, например, этот древний, бродячий миф о входе в подземное царство через щель в земле, очень любопытен. Ведь Дьявола всегда называли владыкой пространства, воздуха — и тем не менее, от истоков истории человечества, он всегда жил под землей. И начиная с Геракла все входили к нему через щели в гротах. Впрочем, в этом есть известная логика. Такая щель вела далеко вглубь, и никто не знал, что находится на ее дне и существует ли вообще дно. Кроме того, из многих щелей выделялись и сейчас выделяются испарения. В Дельфах, тоже было такое место в гроте. Именно там находилась Пифия... Простите, что я отошел от темы... но Дьявол — это мое хобби. Однако вернемся к Дьявольской скале. Насколько я помню, это место было освящено архиепископом, но, по-видимому, это не очень помогло, потому что спустя сто лет Дьявольская скала вновь была признана местом шабашей ведьм, и если не ошибаюсь, достопочтенный Мэтью Хопкинс — «гонитель ведьм», нашел их с десятков в соседней деревушке. И всех их повесили. Вот, кажется, и все, что я могу сейчас припомнить.

— Деревушка называлась Норфорд, — сказал Кемпт, — и так она называется до сего дня. Она расположена между Хертест и Блю Медоуз, на краю горной гряды, которую замыкает Дьявольская скала.

— Да, — Джилберн глубоко вздохнул, — это очень удачное стечение обстоятельств...

— Какое именно? — спросил Алекс.

— То, что вы интересовались Дьяволом и его историей на территории Англии. Независимо от того, к каким выводам вы придете, услышав наш

рассказ, я убежден, что существует какая-то связь между этими далекими временами и тем, что... что может случиться... Прежде чем я начну рассказывать, прошу вас учесть, что в местности, о которой мы говорим, все слышали о Дьяволе и его делах больше, чем в любой другой части страны. Там о нем кружит огромное количество легенд, а все окрестные жители знают множество мест, связанных с ним и с ведьмами, несмотря на то, что уже сотни лет никто не принимает этого всерьез.

— В газете «Таймс» от 24 ноября 1863 года вы можете прочесть, что некий старик был признан колдуном и линчеван толпой в графстве Эссекс. А Эссекс — наиболее цивилизованная часть нашего государства, — сказал Алекс. — Это прямо под Лондоном. Люди разорвали несчастного старика на куски. И все это произошло совсем не так давно... Однако, прошу прощения — я не хотел вас прерывать, хотя постоянно это делаю.

Сэр Александр кивнул головой.

— Я хотел только добавить, что деревушка Норфорд в настоящее время насчитывает не больше жителей, чем в семнадцатом веке. Близость Лондона и моря всегда способствовали быстрому оттоку свободных рабочих рук. Это красивая старая деревенька. Некоторые постройки относятся к шестнадцатому столетию. Подлинное чудо провинциальной архитектуры. Люди, живущие в этих домах, спокойны и трудолюбивы. Там почти не отмечается никаких преступлений. Впрочем, так было всегда. Быть может, потому, что беспокойные души всегда устремлялись к морю и столице. Ведьм, разумеется, тоже уже давно нет. Последнюю из этих несчастных женщин повесили в 1684 году. Я сам родом из тех мест и хорошо знаю историю этого края. Местные жители нынче сильно изменились. Они стали скептиками. Конечно, никто из них ни за какие деньги не пошел бы ночью на Дьявольскую скалу и даже близко не подошел бы ко входу в Дьявольский грот, но это уже совсем другая тема. Я знаю многих образованных людей из больших городов, которые ни за что не провели бы ночь на кладбище, и думаю, что, по крайней мере, девяносто процентов женщин наверняка не сделали бы этого независимо от суммы обещанной награды. Так что в целом отношение жителей Норфорда к их старому Дьяволу можно определить как современное, то есть — безразличное. К тому же деревушка расположена за лесом, уже по другую сторону цепи меловых гор, пересеченных оврагом, на отвесном склоне которого, почти посередине, находится та самая пещера, которую называют Дьявольским гротом. Туда можно добраться лишь по узкой и опасной горной тропинке. Поэтому грот не отмечен в туристических путеводителях. Приблизительно над входом в грот находится вершина крутой, лишенной растительности Дьявольской скалы — наивысшей точки горной гряды. Под ней в овраге течет ручей, и если пройти вниз по его течению, овраг скоро заканчивается, открывая вид на широкую равнину, которая тянется в сторону Кембриджа и близлежащего Фалборна. По другую сторону оврага, на такой же отвесной, хотя и менее высокой скале, находится поместье Норфорд Мэнор. В тринадцатом столетии здесь стоял маленький укрепленный замок, который был впоследствии сожжен и полностью уничтожен во время войны Алой и Белой Роз. В 1602 году эту землю купил сэр Джон Эклстоун, придворный уже стареющей тогда королевы Елизаветы, который на руинах замка построил красивую небольшую резиденцию. Он назвал ее Норфорд Мэнор и велел посадить вокруг резиденции парк. Вскоре после смерти королевы, он оставил двор и поселился в Норфорд Мэнор навсегда. Там и умер. Дом, который с тех пор несколько раз перестраивался, до сих пор стоит на том же живописном месте, где некогда стоял древний замок. С трех сторон стены его переходят в отвесные скалы горной вершины. А напротив дома,

по другую сторону оврага, находится Дьявольская скала и почти на высоте окон — Дьявольский грот на ее склоне. Парк примыкает к резиденции лишь с одной стороны и, расширяясь, плавно опускается в долину, посреди которой стоит мой дом — Велли Хауз, а Эклстоуны и по сей день живут в Норфорд Мэнор. Ввиду того, что наши семьи на протяжении двухсот лет объединяла большая дружба, между нашими домами была проложена частная дорога, которую мой дед, предпоследний владелец Норфорд Мэнора, украсил по обе стороны густыми шпалерами кустов. — Он умолк. — Простите, что описание местности занимает у меня столько времени, но я думаю, что таким образом я заранее внесу ясность в географию места действия. Ну и, в качестве оправдания моего здесь присутствия, хочу добавить, что я, как и мои предки, являюсь большим другом семьи Эклстоун...

При этих словах Джо невольно глянул на Кемпта, который прислушивался к рассказу сэра Александра, время от времени кивая головой в знак того, что тот точно описывает местность. Джилберн, по-видимому, заметил интерес, блеснувший во взгляде Алекса, и поспешил добавить:

— Мистер Кемпт является дальним родственником Эклстоунов, говоря точнее: он внук старшей сестры Джекоба Эклстоуна, умершего около десяти лет назад, мужа нынешней владелицы имения — леди Элизабет Эклстоун. В детстве Томас часто приезжал в Норфорд и сейчас тоже нередко туда заглядывает.

— Джекоба Эклстоуна... — тихо повторил Джо. — Уж не тот ли это Джекоб Эклстоун, который сколотил огромное состояние в Малайзии, когда начал расти спрос на каучук?

— Да, тот самый.

— Его вдова должна быть весьма состоятельным человеком.

— Совершенно верно, — сэр Александр утвердительно кивнул головой. — Она не просто богата, она очень богата. Я хорошо знаю об этом, потому что уже много лет подряд веду ее дела как официальный поверенный.

— Так... О чем это мы говорили? Ах да, о том, что мистер Кемпт и сейчас там бывает...

— У меня там даже есть своя комната, та самая, в которой я жил, когда еще был мальчиком, — улыбнулся Томас Кемпт. — Но не будем говорить обо мне. Я не играю никакой роли в этом рассказе.

— Да... — сэр Александр сосредоточился. — В Норфорд Мэнор живет сейчас только старая леди Элизабет Эклстоун с доктором, медсестрой и несколькими слугами. Недавно ей исполнилось семьдесят. После смерти мужа она серьезно хворала, а два года назад ее полностью разбил паралич. Кроме того, в Норфорд Мэнор находится ее сын Ирвинг Эклстоун. У него есть квартира в Лондоне, но поскольку он занимается литературным трудом, то предпочитает этот тихий деревенский дом. Кроме него там бывают его дочь Джоан и ее муж Николас Робинсон. По образованию Ирвинг Эклстоун — историк. Но его хобби сходно с тем вашим, о котором вы упоминали, — история религии, и в частности демонология. На это его пристрастие, несомненно, еще в детстве повлияло окружение. Пока его отец сколачивал капитал в Малайзии, леди Эклстоун жила вместе с детьми в Норфорд Мэнор. Разумеется, у Ирвинга была няня из деревни Норфорд. Ее рассказы в сочетании с окружающим пейзажем и атмосферой, вероятно, серьезно повлияли на его воображение... В Норфорд Мэнор у Ирвинга хорошо оборудованный рабочий кабинет и...

— Да... — сказал Алекс. — Я читал несколько его книг. Это подлинный авторитет...

— Так говорят. Он читает цикл лекций в Кембридже и считается крупнейшим экспертом по истории цивилизации. Но его основная область —

история Дьявола на земле. Однако, возвращаясь к обитателям... У Ирвинга была еще младшая сестра Патриция. Она очень рано вышла замуж и жила с мужем в Южной Африке. В начале этого года ее муж умер, и она вернулась в Норфорд Мэнор... Месяц назад она тоже умерла... — Он опять остановился, глубоко вздохнул и продолжал: — Итак, в Норфорд Мэнор живут: старая парализованная леди Эклстоун, ее врач, доктор Арчибальд Дюк, медсестра Агнес Стоун и несколько человек прислуги. Приблизительно полгода проводит там ее сын Ирвинг Эклстоун, а ее внучка, дочь Ирвинга, Джоан Робинсон вместе со своим мужем Николасом Робинсоном приезжает туда довольно редко. Обычно, лишь тогда, когда Николас захочет работать на пленэре, что случается с ним нечасто, потому что он — художник-абстракционист и в природе, по его собственным словам, ищет лишь динамику цвета. Кроме того, в Норфорд Мэнор бывает иногда присутствующий здесь мистер Кемпт, дальний родственник этой семьи, ну и, наконец, я захожу туда по дружбе и по службе, поскольку веду финансовые дела старой леди и проверяю время от времени реестр домашних расходов. Ни Ирвинг, ни Джоан не занимались бы этим; и не потому, что не хотели бы, а просто в силу своей полной неопытности в житейских делах. Больше там никого не принимают, а с тех пор, как старая леди Элизабет разбита параличом, ее даже прежние друзья перестали навещать.

— Понимаю... — Джо покивал головой. — Большой тихий дом на безлюдье. Никого чужого вокруг. Все свои. Когда вы упомянули о Николасе Робинсоне, я внезапно понял, откуда берутся в его удивительных полотнах такие сочетания цветов. Да, это очень интересно: абстрактная живопись, основанная на цветовой гамме английской деревни. Он очень талантливый человек, как мне кажется. Однако между тем, что хотят сказать художники-авангардисты и тем, что видим в их произведениях мы, простые смертные, существует огромная пропасть, и я могу ошибаться. Во всяком случае, это очень интересный художник...

— Здесь ваше мнение совпадает с мнением мистера Кемпта. Что касается моей скромной личности, то с большим сожалением вынужден признать, что я совершенно ничего не вижу в его картинах, а если уж быть до конца откровенным, я бы сказал, что, вероятно, они выражают абсолютное ничто. Временами я подозреваю, что никто из этих молодых художников не смог бы нарисовать обычного человека, едущего верхом на обычном коне, на фоне обычного заката солнца.

В ответ Алекс несколько смущенно улыбнулся, будто давая понять гостю, что хоть он и уважает его взгляды, но в этом конкретном случае не может согласиться с его мнением.

— М-да... — Джилберн на мгновение закрыл глаза, а затем открыл их и выпрямился в кресле.

Джо с облегчением почувствовал, что только сейчас и начинается настоящий рассказ.

— Итак, все это началось, когда Патриция после смерти мужа вернулась в Норфорд Мэнор...

Он опять замолчал, а Джо, который теперь не спускал с него глаз, увидел, что черты его лица внезапно изменились. Трудно было определить, в чем состояло это изменение, ибо внешне лицо оставалось прежним. Но по нему как бы пробежала темная туча — отражение какой-то глубокой печали.

— Поскольку мы пришли к вам за советом, а быть может, даже за помощью, — сказал Джилберн тихо, — я обязан быть абсолютно откровенным... Так вот... Патриция и я... когда мы были молоды... — Видно было, что ему очень трудно говорить об этом. — Я ее любил, а она... Казалось, ничто

не должно было помешать... Правда, я старше ее на семь лет, но мы росли вместе, ибо наши дома почти соприкасались в этой безлюдной глуши... И вопрос этот был уже давно решен, когда она познакомилась с одним молодым офицером и совершенно неожиданно вышла за него замуж. Она сделала это внезапно, без всяких раздумий и сразу же уехала с ним, потому что его пароход отплывал через несколько дней... Но уже из Кейптауна она написала мне письмо. Конечно, я постарался принять все произошедшее как можно спокойнее... Что ж, ведь она моложе меня, а он — тот офицер — был здоровым и, наверно, симпатичным парнем, а я... — он взглянул на свою ногу, — я, к сожалению, калека от рождения. Конечно, я ее понял. В сущности все было очень банально и не требовало объяснений. Ей только что исполнилось восемнадцать. В этом возрасте много серьезных решений принимается очень легко, а сочувствие другим еще не очень знакомо в эти годы. Так что я полностью оправдал Патрицию и не чувствовал к ней зла. Удар этот, однако, оказался для меня очень тяжелым. Но, возможно, он содействовал моей карьере, потому что я должен был заглушить чем-то свою боль и углубился в работу, стараясь забыть прошлое. На протяжении всех этих лет я не женился. Я знал только, что спустя год после свадьбы ее муж заболел какой-то тропической болезнью и был демобилизован из армии. Он болел много лет. Кажется, это был один из видов сонной болезни. Занимаясь финансовыми делами Эклстоунов, я знал, что старая леди Элизабет каждый месяц посылала дочери определенную сумму на соответствующее содержание дома. Но Патриция ни разу не приезжала в Англию. Быть может, она была слишком горда, а может, не могла оставить там его одного. Годы шли, и наконец этот человек умер. Однако, как бы для полной демонстрации иронии судьбы, за несколько месяцев до приезда дочери старую леди Эклстоун разбил паралич, и когда Патриция вернулась, мать с дочерью уже не могли даже просто поговорить. Но она вернулась. И уже в день ее возвращения я понял, что, несмотря на прошедшие двадцать лет, я люблю ее так же горячо, как прежде. Теперь ей было уже тридцать восемь лет, а мне — сорок пять... Между нами состоялся длинный разговор. Разумеется, она была лояльна по отношению к покойному мужу, но я догадывался, что, возможно, она ушла бы от него раньше, если бы не его болезнь. Такие женщины, как она, не уходят в подобной ситуации. В конце концов, мы оба поняли очень многое. Мы решили пожениться, когда закончится срок ее траура. Наше решение всех очень обрадовало. Мы виделись ежедневно. Пока, наконец, почти месяц тому назад, случилось...

Он умолк, будто вдруг задумался о чем-то и забыл, что здесь не один. Затем, как бы осознав, что Алекс и Кемпт ожидают его дальнейших слов, тяжело облокотился на трость и продолжал спокойным бесстрастным голосом:

— Я проводил ее домой после нашей совместной прогулки. Затем вернулся к себе по аллее, соединяющей наши дома. Наступил вечер, и я занялся делами, которые привез из Лондона, чтобы как можно больше времени находиться ближе к Патриции. Я работал до поздней ночи и задремал под утро. Меня разбудил телефонный звонок из Норфорд Мэнор... Джоан сообщила мне, что тетя Патриция умерла. Она покончила самоубийством у себя в комнате. Комната была заперта на ключ. Ключ лежал перед ней на письменном столе. В разбитом стакане, который выпал из ее руки, находился цианистый калий. Вероятно, Патриция привезла его из Африки. Она не оставила никакого письма. Абсолютно ничего.

Алекс, сосредоточенно размышляя, кивнул головой. Во время рассказа сэра Александра он пытался воссоздать психическое состояние самоубийцы: смерть любимого человека, после длительной, подорвавшей

ее нервы болезни... Возвращение в страну детства... Снова появляется влюбленный калека, тот самый калека, которого она бросила в молодости... Вначале инстинкт берет верх, и Патриция хочет ухватиться за последний шанс вернуться к жизни в мир обычных людей. Но в конце концов побеждает сознание, что уже слишком поздно, что у нее уже не хватит лицемерия для притворства и что мир без того единственного не стоит жизни.

Но почему она не оставила никакого письма?.. Правда, это еще ничего не доказывает. В таких обстоятельствах люди пишут или не пишут, — это зависит от характера, от причин самоубийства, от... Но ведь она сделала это совершенно сознательно: приготовила яд, заперла дверь на ключ и положила этот ключ на письменный стол... Почему?.. И почему она не написала письмо, записку, хоть пару слов? Была ночь, и у нее оставалось много времени; она покидала родных и человека, который так много лет любил ее верно и без всякой надежды... Она должна была написать... Это было бы просто, логично и неизбежно в ее состоянии... Ключ лежал на столе... Почему?

Джо быстро поднял голову, потому что сэр Александр продолжал рассказывать.

— Быть может, я и сумел бы ее понять... Но вечером ничего не указывало на такой исход, совершенно ничего. Я даже был очень доволен минувшим днем. Ее угнетенное состояние уменьшилось. Мы говорили о том, что сразу после свадьбы уедем на год в кругосветное путешествие. Я хотел, чтобы большое количество свежих впечатлений вытеснило из ее памяти воспоминания о прошлом. Она согласилась сразу, и я чувствовал, что ее очень радует мысль о предстоящем путешествии... Нет, я никак не могу этого понять. В ее поведении не было ничего... ничего похожего на склонность к самоубийству. И все же... Ведь ее никто не убил. Дверь была закрыта изнутри. Никаких следов. Полиция приехала утром. Были найдены только ее отпечатки пальцев на стакане и на ручке двери. Окна в комнате забраны железными решетками, как, впрочем, все окна дома, которые выходят в сторону пропасти...

— Значит, — тихо сказал Алекс, — надо, вероятно, принять версию, что это несчастье следует отнести исключительно к печальному решению покойной?

— Да. Наверно, вы правы... — сэр Александр кивнул головой, но выражение его лица противоречило словам. — То же самое сказала и полиция, но...

— Но ведь вы еще ничего не сказали мне о Дьяволе, не так ли?

— Я сказал вам лишь, что в комнате не найдено никаких следов. Так вот, там был след: полукруглый отпечаток, как бы маленькой подковы или большого козьего копыта...

— Где?

— На странице открытой книги, которая лежала на письменном столе. След был даже немного загрязнен, как будто его оставила нога животного, которое перед тем прошло по влажному песку.

— А это не мог быть какой-нибудь старый отпечаток?

— Нет. Эту книгу я купил днем раньше в Лондоне и привез с собой. Затем я прочел ее и встретился с Патрицией, которая вечером взяла книгу домой. Ночью Патриция умерла. А раньше этого отпечатка не было. Я не мог его не заметить, читая книгу. Кроме того, зернышки этого песка я передал в лабораторию для анализа... Такого песка нет по нашу сторону оврага. Нет его, впрочем, и по другую сторону, и даже нигде в окрестности. Его можно найти только в Дьявольском гроте.

— Я вижу, что вы провели частное расследование. А вы говорили об этом отпечатке полиции?

— Конечно. Но что могла сделать полиция в этом случае? Версия о самоубийстве напрашивалась сама собой, учитывая обстоятельства, в которых найдено тело умершей, и возможный мотив, которым могла быть длительная душевная депрессия. Кроме того, я сам не знаю, что может означать этот след. Впрочем, раньше, еще перед смертью Патриции, происходили некоторые странные вещи, которые полиция тоже не приняла во внимание. Да мы и сами не знали, как к этому отнестись. Это выглядело таким неважным по сравнению с фактом ее смерти, а может, мы тогда просто забыли об этих случаях. И лишь потом... Вот это и не дает мне покоя... Видите ли, за три дня до смерти Патриции мы все вместе пошли на прогулку в Дьявольский грот. Патриция хотела снова увидеть его спустя столько лет. Ведь она вернулась в страну детства. Конечно, мы взяли канат, которым обязались для безопасности, на случай, если у кого-нибудь подвернется нога при подъеме по узкой, обрывистой тропинке. Однако до входа в грот мы добрались без всяких приключений. Там мы зажгли электрические фонарики и направились вглубь к знаменитой расщелине, которая лежит несколько ниже, внутри грота. К этой щели ведет скальный коридор длиной около пятидесяти ярдов. Но дорога там опускается плавно, и разница горизонтов составляет примерно несколько футов. Таким образом, через несколько минут продвижения вниз мы вышли из-за поворота и очутились внутри скалистой пещеры, в другом конце которой, в самом низу, и находится расщелина. Именно возле этого места дно пещеры усыпано очень мелким светлым песком, занесенным сюда ручьями подземных вод. И на этом песке мы увидели... — он заколебался.

— Отпечатки копыт, разумеется, — тихо сказал Джо.

— Кто вам об этом сказал? Да, мы нашли отпечатки копыт.

— Так я и предполагал после того, что вы рассказали раньше. Кто-то когда-то сказал, что Дьявол — отец логики. — Джо стал серьезным и наклонился вперед. — Пожалуйста, расскажите мне все, что можете сказать об этих отпечатках, буквально все, даже ничего не значащие подробности. Были ли они похожи на отпечатки копыт какого-нибудь животного?

Кемпт, который до сих пор молчал, внезапно отозвался.

— Нет. Они не были похожи ни на какие следы животного. Отдаленно они напоминают козьи, но по размерам значительно больше их и менее округлы, так, будто принадлежали гигантскому козлу с заостренными спереди копытами, по своему строению резко отличными от копыт всех известных животных.

— Как вы это выяснили?

— Мы показали фотографию отпечатков в Институте зоологии, где нас приняли наполовину с недоверием, наполовину с изумлением. Эти отпечатки не соответствовали никаким известным там следам копыт. Отсюда как будто следует, что животное, оставившее такой след, просто не может существовать.

— Слава Богу... — сказал Алекс, но больше не добавил ни слова, несмотря на изумленные взгляды обоих гостей. Затем, помолчав, спросил: — Не было ли у этих отпечатков каких-нибудь характерных особенностей? Например: царапин, шрамов, шероховатостей; вы понимаете, что я имею в виду?

— Да, — продолжал отвечать Кемпт, — они несколько отличались друг от друга. Кроме того, у каждого из них было что-то вроде когтя, торчащего сзади копыта... Я понимаю, что это может показаться смешным, но я лишь рассказываю о том, что мы видели собственными глазами и в чем

убедились. А самым удивительным было то, что эти отпечатки находились только в непосредственной близости к расщелине, так, будто животное вынырнуло оттуда и снова вернулось обратно. Ни на дне пещеры, ни в коридоре следов не было.

— А может, грунт в пещере не позволял их обнаружить?

— Местами да — там кое-где выступает голая скала. Но она повсюду покрыта влажным мхом, а животное было, очевидно, очень тяжелое, потому что в песке оставило глубокие следы.

— А вы не могли затоптать ведущие к выходу следы, когда шли всей группой к расщелине?

— Возможно. Но я шел впереди и все время освещал путь фонариком. У меня мощный фонарик. Впрочем, у сэра Александра и у Ирвинга были такие же сильные фонари. Так что в гроте было совершенно светло, и по вполне понятным причинам я смотрел себе под ноги. Я не мог бы их не заметить. К тому же там слишком мало места, чтобы глаз мог отвлечься в сторону.

— Сколько человек видели эти следы?

— Все, кто вошел в грот: Патриция, Джоан, Николас, сэр Александр, Ирвинг и я.

— А какое впечатление произвели тогда эти следы на женщин?

— Жуткое! — коротко ответил Кемпт и замолчал. Потом добавил, словно воспоминания вынудили его к объяснению: — Я не суеверен. Я вообще не верю в сверхъестественные явления. Но это меня поразило. Конечно, тогда мы все пытались шутить. Но никому это, впрочем, не удавалось, даже Ирвингу.

— А каково было ваше первое впечатление, сэр Александр?

— В первый момент я не воспринял это как что-то необычное. Может, просто потому, что я до тех пор никогда не думал в таком аспекте о каком-либо явлении. Одно только поразило меня сразу: в грот не могло попасть никакое животное, за исключением, может, только горной козули. Узенькая скалистая тропинка — отнюдь не то место, куда могло бы забраться какое-нибудь парнокопытное. А насколько мне известно, горных козульт нет в радиусе многих сотен миль от Норфорда. Не знаю даже, существуют ли они вообще в Англии. Это меня удивило больше всего, и я долго думал об этом в тот день, но скорее как о любопытной мелочи, относящейся к категории якобы необъяснимых явлений, какие иногда встречаются в нашей жизни. Я далек от мысли относить те явления, которых я сам не могу объяснить, к явлениям сверхъестественным... Помню, я даже размышлял над тем, не мог ли кто-нибудь спустить какое-нибудь животное в грот на канате. Но зачем? Кроме того, отпечатки копыт были только в непосредственной близости от расщелины. Может, в пределах ярда, но не далее двух. Дальше точно не было никаких следов на песке. Томас Кемпт и Николас Робинсон тоже были заинтригованы. Вместе с Ирвингом Эклстоуном они обшарили потом весь лес на вершине горы поблизости от Грота. Они даже поднялись на вершину Дьявольской скалы. Но нигде не нашли никаких следов...

— А не пришло ли кому-нибудь на ум, что животное действительно могло выйти из этой расщелины и снова возвратиться в нее? Была ли она когда-нибудь обследована?

— Это исключено, — сэр Александр покачал головой. — Лет десять назад там была группа спелеологов. Расщелина все время сужается, идя вниз, сперва под сильным уклоном, а затем вертикально вниз. В конце она становится такой узкой, что человек уже не мог бы в нее протиснуться, а в свете ламп исследователи установили, что скалы сходятся, образуя узкую воронку, в которую, по-видимому, когда-то стекала вода.

— Ясно, — кивнул Джо, — я понимаю. А что случилось потом? Вы забыли об этом событии?

— О нет! — воскликнул Кемпт. — Вы не знаете дядю Ирвинга! За свою жизнь он написал столько статей и книг о суевериях и предрассудках, связанных с Дьяволом, о мрачной эпохе, которая осудила тысячи ни в чем не повинных женщин на жестокую смерть, не имея никаких доводов существования Дьявола, что, увидев лишь тень такого рода довода, он рыскал по лесу до позднего вечера. Ему во что бы то ни стало хотелось доказать нам, насколько простое и естественное объяснение должен иметь феномен, обнаруженный нами в пещере. И — ничего. Решительно ничего. Патриция и Джоан вернулись через овраг домой, а мы все снова отправились в грот. Конечно, мы по-прежнему шутили. Но Ирвинг упрямо твердил, что объяснит нам все, только ему надо еще раз спокойно присмотреться к этим следам. Мы вошли в грот и, присев на корточки, внимательно исследовали следы. Они были отгиснуты на влажном песке так отчетливо, как в воске. Можно было в мельчайших подробностях рассмотреть каждую деталь в контурах отпечатков. У этих копыт оказалось несколько характерных черт. В одном из них находилось косое углубление посередине, а второе имело небольшую выпуклость на переднем крае, вроде нароста. Это повторялось на всех следах...

— А остальные два копыта?

— Других двух копыт не было, — спокойно сказал сэр Александр Джилберн. — Именно это и было нашим самым поразительным открытием. Мы оба могли бы это подтвердить под присягой, а вместе с нами Николас Робинсон и Ирвинг Эклстоун, хотя последний уже спустя пару часов стал убеждать нас, что мы пали жертвой коллективной галлюцинации или чьей-то дурацкой шутки. При этом, мне кажется, что говоря о шутке, он имел в виду своего зятя Николаса Робинсона.

— А что склоняет вас к связи между следами в гроте и смертью вашей невесты? Не был ли один из отпечатков похож на след, обнаруженный вами на книге, которую вы дали Патриции за несколько часов до ее смерти?

— Да, — адвокат кивнул. — Я твердо убежден, что этот след абсолютно идентичен с одним из следов в гроте, с тем, который имел косое углубление посередине. Конечно, на книге оно видно менее отчетливо, но у меня есть фотографии обоих следов и...

— Вы сделали эти снимки или полиция?

— Я. Полиция тоже обратила внимание на след и выслушала меня, но я не мог тогда сказать ничего вразумительного. Впрочем... — он развел руками. — Как можно было доказать этим деловым, конкретно мыслящим полицейским, что следы копыт в Дьявольском гроте имеют какое-то значение? Кроме того, я был тогда потрясен и не мог собраться с мыслями. Мне казалось, что она действительно могла совершить самоубийство... — Он поднял голову и посмотрел на Алекса с выражением внезапного ужаса в глазах. — Ведь ничего другого и не могло случиться? — Он тут же успокоился. — Извините меня, джентльмены... Все это так... — С минуту он искал какие-то слова, потом, видимо, на найдя их, смирился и умолк, глядя на Алекса глазами, в которых не было ни страха, ни интереса, а лишь отчаяние.

Джо прервал молчание, обращаясь к Кемпту.

— И это все? Не случилось ли перед смертью Патриции или, быть может, позже чего-нибудь, ну, скажем, необычного?

Задавая вопрос, Джо был убежден, что уже не услышит ничего, что может бросить свет на то происшествие, которое... Нет. Он еще не хотел рассматривать это происшествие как... Не было еще никакого ключа...

кроме, конечно, этого единственного... Ответ Кемпта направил его мысли совсем в другую сторону.

— Да, — сказал молодой человек, — случилась еще одна странная вещь. То есть, я хочу сказать, это случилось дважды. Но давайте я расскажу по порядку. Это было накануне смерти Патриции. Когда горничная вышла утром в столовую, чтобы унести на кухню оставленные нами поздно вечером чашки, она увидела, что портрет, который висит там, повернут лицом к стене. Это произошло уже после нашей прогулки в грот, и поэтому все мы подумали, что это чья-то шутка. Дело в том, что на этом портрете изображен тот самый знаменитый гонитель ведьм и основатель Норфорд Мэнора — сэр Джон Эклстоун. Джоан еще сказал тогда, что Джон Эклстоун, который так преследовал почитателей Дьявола, повернулся теперь к нам спиной, потому что мы не только не сумели выследить Дьявола, хотя он оставил столь явственные следы, но и по-прежнему не хотим поверить в его существование. Ирвинг Эклстоун пробормотал, что, вероятно, это Николас перевернул портрет, потому что, наверно, не может смотреть на что-либо нормально нарисованное и имеющее какой-то смысл. Было еще несколько шуток на эту тему. Видите ли... ведь никто из нас не знал, что Патриция умрет в эту ночь.

— Хотя кто-то все же мог предвидеть это событие... — тихо сказал Джо и щипчиками бросил в стакан кусочек льда.

— Я вас не понимаю, — Кемпт поднял брови.

— Я тоже... — Алекс едва заметно усмехнулся. — Я тоже не понимаю себя в эту минуту. Но я напрасно перебил вас. Это уже все?

— Нет. Чье-то внимание привлекла одна необычная деталь. Дело в том, что рама портрета была покрыта густым слоем пыли, а при повороте портрета к стене эта пыль не только не была стерта, но даже оказалась нетронутой ни на одном месте рамы.

— Кто это заметил?

— Я не помню... — Кемпт наморщил лоб, стараясь припомнить. — Кажется, медсестра мисс Стоун. Но я не уверен. Может, мне так кажется просто потому, что эта женщина всегда окружена аурой какой-то клинической чистоты. Да, да, я вспоминаю. Это была мисс Стоун! Она подошла к портрету и сказала: «Боже, как он запылен! И подумать только, что мы все должны этим дышать!»... Это замечание, быть может, покажется вам странным в подобных обстоятельствах, но мисс Стоун человек не очень сообразительный. Зато она испытывает ненависть ко всему, что не является абсолютно чистым, выглаженным, накрахмаленным и стерильным. Думаю, впрочем, что при ее профессии это нельзя считать недостатком.

— Несомненно, — Джо кивнул головой. — Но ведь на этом все не кончилось. Кто-нибудь сказал еще что-то?

Джилберн уже третий раз в течение этого визита посмотрел на Джо с изумлением.

— Хотя не знаю, для чего вам это может понадобиться, но я охотно сделаю все, что в моих силах... К сожалению, я не обратил на это внимания. Было утро, я только что вошел в Норфорд Мэнор, а его обитатели стояли все вместе в библиотеке, некоторые еще в халатах, и шутили. В первую минуту я даже не понял, о чем идет речь. И лишь после смерти Патриции, перебирая в памяти подробности каждого часа, предшествующего трагедии, я стал размышлять и об этом случае.

— Зато я его хорошо припоминаю, — Кемпт закурил сигарету и потушил спичку в маленькой капельке воды, случайно оказавшейся на дне пепельницы. Он поднял голову и посмотрел прямо в глаза Алексу. — Я знаю, что вы ищете, задавая эти вопросы. Но прошу вас поверить, что я, то

есть, мы оба, обсуждали это уже сотни раз. Мы искали малейшую зацепку, хоть какой-нибудь повод, по которому кто-либо мог бы желать Патриции зла. Мы принимали во внимание даже чье-то маниакальное безумие. Но, во-первых, мы не понимаем, каким образом Патриция могла быть убитой, если ключ находился внутри комнаты, а во-вторых, все это не имеет смысла и не имеет почвы, на которую можно опереться... По крайней мере, для нас не имеет. Потому мы и пришли к вам. Но вы сейчас спросили, что произошло после того, как мисс Стоун заметила пыль. Так вот. Николас сказал, что мы могли бы узнать шутника по отпечаткам его пальцев, и хотя он не специалист, однако учитывая, что каждая рука имеет другие папиллярные линии, уверен, что как художник он сумел бы, используя простое увеличительное стекло, сразу же узнать, кому эти линии принадлежат. При этом он, смеясь, подошел к портрету. Не прикасаясь к раме, он стал ее осматривать, но через минуту улыбка сошла с его лица. Дело в том, что пыль оказалась повсюду нетронутой. В этом мы все убедились. Все выглядело так, будто портрет перевернулся сам.

— А позже, после трагедии, вы рассказали об этом полиции?

— Нет, кажется, нет. Думаю, что все забыли об этой шутке под влиянием того, что произошло.

Алекс некоторое время молчал.

— Я хотел бы вернуться к самому портрету, — сказал он, наконец. — Портрет изображал того самого сэра Джона Эклстоуна, который владел поместьем в семнадцатом веке, не так ли?

— Да. Портрет относится к той же эпохе.

— Говоря о портрете, вы отметили, что сэр Джон был гонителем ведьм, верно?

— Да... — Кемпт оживился. — Все в Норфорде об этом хорошо знают. Именно тогда, когда сэр Джон купил эту землю и построил на ней дом, на престол вступил король Яков, и вместе с началом его царствования началась эта безумная охота на ведьм. Именно тогда знаменитый инквизитор Мэтью Хопкинс посетил графство Саффолк. Как сейчас предполагают, сэр Джон, который находился тогда в остром конфликте с деревенским советом старейшин, решил воспользоваться близостью Дьявольского грота, расположенного между деревней и его резиденцией, чтобы с его помощью свести счеты с крестьянами. Во всяком случае, именно по его приглашению Мэтью Хопкинс прибыл в Норфорд, и документы свидетельствуют, что в том же году было казнено четырнадцать женщин из этой несчастной деревушки. Их повесили на рыночной площади в Блю Медоуз.

— Мы всегда были культурным народом, — заметил Алекс. — Во всей Европе, даже в Шотландии, ведьм сжигали на кострах, а у нас только вешали... Симпатичный старичок, этот ваш сэр Джон. А что было потом?

— Разумеется, ничего. За ведьм, по вполне понятным соображениям, никто никогда не вступался. А учитывая тогдашнее состояние умов, я не ручаюсь, что их собственные семьи не были уверены в правильности судебного приговора. Сэр Джон и его люди свидетельствовали перед трибуналом в Блю Медоуз, что они своими глазами видели этих четырнадцать женщин летящими на метлах по направлению к Дьявольскому гроту в ночь перед днем Святого Иоанна. Такое обвинение было равносильно смертному приговору. Сохранилось даже описание казни, принадлежащее перу некоего Силби, дьякона из Блю Медоуз. Я обнаружил там поразительные вещи. В последнюю минуту перед казнью одна из осужденных женщин обратилась к толпе, наблюдавшей это зрелище, и заявила, что действительно является любовницей Люцифера, который отомстит за нее, за ее смерть, и месть эта постигнет род Эклстоунов вплоть до десятого колена.

— А Патриция, урожденная Эклстоун, была прямым потомком сэра Джона именно в десятом поколении, — тихо произнес сэр Александр. — Это страшная и жестокая бессмыслица лишила меня покоя... Я не знаю, можно ли даже рассуждать об этом деле подобным образом, но никак не могу удержаться от этого.

— Мне не нравится коллективная ответственность, — сказал Джо. — Люцифер поступил бы гораздо лучше, отомстив немедленно самому сэру Джону, не так ли?

Кемпт пожал плечами:

— Но это еще не все.

— Надеюсь... — тихо сказал Алекс, еще тише, чем раньше. — Ведь что-то еще должно было случиться в последнее время, не так ли?

— Да... — сэр Александр устало склонил свою красивую седеющую голову. — В воскресенье утром горничная снова нашла портрет сэра Джона повернутым лицом к стене.

Глава III

«Скажите, что я отправился к Дьяволу...»

Он посмотрел на Алекса с таким беспомощным выражением лица, что Джо беспокойно шевельнулся. К своему изумлению, вот уже несколько минут он больше думал не о том, что ему рассказывали, а о месте в самолете, которое заказал час назад. Да, это был Дьявол. Алекс уже знал точно, что где-то там, в далеком Норфорд Мэноре, действует темная сила, которая... И тем не менее, ему так хотелось улететь отсюда в солнечный тихий край, где он мог бы сидеть с трубкой на камне и любоваться стройной фигурой Каролины, снующей среди развалин в джинсах и старом свитере...

Джо выпрямился и быстро спросил:

— А вы пошли в пещеру, как только увидели, что портрет второй раз перевернулся?

— Да, — Кемпт встал и начал ходить по комнате. — Мы пошли туда.

— И обнаружили следы?

— Да, такие же, как месяц назад.

— Гм... — Джо умолк.

Довольно долго никто не прерывал молчания.

Кемпт, опустив голову, медленно прохаживался по кабинету. Потом остановился перед Алексом.

— Теперь вы знаете все.

Джо понял, что утверждение содержит одновременно и вопрос.

— А вы кто по специальности? — спросил он внезапно.

— Я? Архитектор. Но какое это имеет...

— Вы показали мне эскиз здания, общего вида которого вы сами не знаете, потому что, глядя из тьмы окружающей вас ночи, вы лишь поняли, что это действительно строение, и заметили некоторые фрагменты его очертаний. Но ведь мы с вами не знаем, кто это здание строит — или уже построил — и для чего? Мы лишь знаем, что кто-то действует и преследует какую-то цель. А привел вас ко мне страх. Вы просто боитесь, что второй поворот портрета может означать очередное появление смерти в Норфорд Мэнор. Но ведь мы еще не имеем ни малейшего представления о том, есть ли какая-то связь между первым поворотом портрета и смертью миссис Патриции Линч, и не является ли это простым стечением обстоятельств? С этими копытами тоже не все ясно. В конце концов, все это может иметь естественное и простое объяснение.

— Да... — шепнул сэра Александр. — Если бы так... Но ведь, кроме того...

— Знаю. Простите, что прервал вас и заговорил на эту тему открыто, но ситуация вынуждает нас быть искренними. Женщина, которую вы любили, умерла, и вы были уверены, что она совершила самоубийство, что она не любила вас. Теперь вас охватили внезапные сомнения. А может, любила? Может, она любила вас всегда, даже там, в Африке, сидя у постели больного мужа? Может, она все же хотела поехать с вами в это путешествие, о котором вы мечтали всю жизнь? И вот, не имея возможности вернуть к жизни возлюбленную, вы страстно желаете, хотя, быть может, сами себе в этом не признаетесь, чтобы это было не самоубийство, а убийство.

В тишине библиотеки слово это прозвучало и унеслось, оставляя позади себя пустоту. Самое главное было сказано. Теперь Джо знал, что дальнейшего зависит только от него. Он мог ограничиться этим утверждением. Он мог сказать себе, что сэра Александр Джилберн цепляется за нелепости и суеверия только затем, чтобы укрыться от правды. А этой правдой мог быть простой и прискорбный факт, что женщина, которая уже однажды оставила его, когда ей было восемнадцать лет, ушла от него вторично, но он не хотел верить этому, а хотел верить в то, что она его любила, и лишь злодейское убийство, совершенное неизвестным врагом, помешало им соединиться. Таково было самое простое объяснение его дальнейших поступков. Ведь все, о чем он рассказывал, было лишь туманными, неправдоподобными ссылками на некие отпечатки дьявольских копыт и портреты, которые сами ночью поворачивались лицом к стене. Ни один здравомыслящий человек не мог бы...

— Вы совершенно правы. — Сэра Александр тяжело вздохнул и выпрямился.

Кемпт перестал ходить по комнатам и присел на подлокотник кресла, барабанив пальцами по колену.

— Направляясь сюда, — продолжал адвокат, — я был почти убежден, что, в конце концов, вы должны прийти к этому выводу, если вы умный человек. А ведь я знал, что вы человек умный. Но суть в том, что факты, которые касаются меня лично, не исчерпывают этого дела. Если кто-то действительно убил Патрицию, то следует признать, что этот некто может убить и следующую жертву. И я серьезно опасаясь, что подтверждение правильности этих моих подозрений не доставит мне большого удовольствия. Вы меня понимаете?

— Конечно. Но я не очень понимаю, что я могу для вас сделать. Ведь мы действительно не знаем, совершила ли миссис Патриция самоубийство? Точнее, мы знаем, что она его совершила, ибо это вытекает из расследования, проведенного полицией. В том, что вы до сих пор рассказали, не содержится никаких оснований для возобновления следствия, о чем, впрочем, вы, как юрист, знаете лучше меня. Поэтому я хотел бы спросить откровенно: какова конкретная цель вашего визита ко мне? Полагаю, вы не ждете, что я, как Шерлок Холмс, сидя у себя дома в удобном кресле и располагая лишь обрывками информации, при полном незнании места происшествия, сумею сказать: «Убил тот-то и тот-то, так-то и так-то...» Я выслушал ваш рассказ об очень печальном и (прошу извинить меня за это определение) очень интересном для меня случае. Слушая ваш рассказ, я подумал о нескольких возможностях иных решений, чем те, которые сами напрашиваются. Но, в конце концов, это ничего не продвигает вперед и наверняка не даст ответ на вопрос: может ли еще кто-нибудь быть убитым? Такой вопрос всегда является необоснованным, если мы не знаем мотива, по которому еще кто-либо может быть убит, а кроме того, мы не знаем, был

ли вообще кто-нибудь убит. Пока что вы знаете лишь о смерти близкого вам человека и о нескольких необычных событиях, которые имели место приблизительно в то же самое время. Теперь я хотел бы знать, зачем вы пришли ко мне и чего ожидали от разговора со мной? Если бы я должен был сам себе ответить на этот вопрос, я сказал бы, что вы пришли просить меня, чтобы я выяснил, как в действительности умерла миссис Патриция Линч и не угрожает ли опасность еще кому-нибудь в Норфорд Мэнор. К сожалению, то, что я услышал, не дает никаких оснований, чтобы я мог как-то вмешаться. В нашей стране существует закон, и все мы обязаны ему подчиняться. Представители этого закона преследуют преступников и защищают людей невиновных. Я всего лишь скромный автор детективных романов и никогда сам не принимал участия ни в каком расследовании, если меня не приглашали участвовать в нем представители полиции. Я не мог бы этого сделать и сейчас. Просто — я всегда хотел служить закону, но не выступать вместо него. И потому прежде всего я хотел бы узнать, почему вы, сэр Александр, имея столь многочисленные связи среди высокопоставленных деятелей полиции, не воспользовались ими, а пошли ко мне?

— И этого вопроса я ожидал от вас, — Джилберн опять вздохнул. — Но о чем, собственно, я мог бы уведомить полицию? О том, что мы нашли в гроте отпечатки копыт, или о том, что кто-то ночью повернул портрет в доме Эклстоунов? И какой ответ на это я мог бы получить от полицейских? Самые недалекие из них пожали бы лишь плечами, а те, кто поумнее, пришли бы к тому же выводу, что и вы: я любил женщину и не могу смириться с мыслью, что она совершила самоубийство вместо того, чтобы выйти за меня замуж. Все, что я мог бы представить в качестве доказательства того, что в Норфорд Мэнор происходит что-то непонятное, звучит настолько иррационально, что у меня не хватило мужества пойти с этим к кому-нибудь из известных мне чиновников. После длительного раздумья я решил обратиться в частное детективное агентство. Я подумал, что эти люди выслушают меня как обычного клиента и сделают все, что смогут, независимо от того, что обо мне подумают. Потому что, в сущности, мне это безразлично. Поскольку в Лондоне мы несколько раз встречались с присутствующим здесь мистером Томасом Кемптом и вместе обсуждали этот вопрос, я сообщил ему о моем намерении, и тогда Томас, который, по его словам, не только прочел все ваши книги, но и очень много знает о вас (хотя и я сам, конечно, немало о вас наслышан), посоветовал попытаться сначала прийти к вам и все рассказать. И если вы заинтересуетесь нашим необычным рассказом, тогда, быть может, нам удастся уговорить вас на то, чтобы... — он заколебался. — Может, это с моей стороны слишком смело, но я человек весьма состоятельный, и если бы вы могли посвятить какое-то время пребыванию в Норфорде, я бы, конечно... любая компенсация...

Джо улыбнулся.

— Я тоже, как вы это назвали, являюсь человеком весьма состоятельным. А кроме того, я не занимаюсь розыском преступников ради выгоды. Это вообще не может входить в расчет.

Джилберн склонил голову.

— Я не хотел вас обидеть. Но, согласитесь, трудно просить незнакомого человека, чтобы он бескорыстно посвятил свое время и...

— Кроме того, имеется еще одно препятствие, — сказал Джо. — У меня есть срочные обязательства по отношению к моему издателю, а сразу же после окончания работы над книгой я должен выехать в Грецию. Я уже заказал авиабилет на восемнадцатое. Очень сожалею, поверьте, право.

По выражению лица было видно, что он действительно сожалеет.

— Жаль, — сказал Кемпт, вставая. — У меня было впечатление, что вы единственный, кто мог бы нам помочь. Впрочем... — он подошел к Алексу и встал напротив, глядя ему прямо в глаза, — вы всего этого можете и не понять, потому что вы там не были. Но в самой атмосфере Норфорд Мэнор есть что-то такое, чего мы боимся, как самого Дьявола. И прошу поверить, мистер Алекс, меня не покидает ощущение, что если чего-то не предотвратить, вскоре может случиться нечто ужасное. К сожалению, я всего лишь обычный архитектор и не знаю, что именно следует предотвратить и что страшное может случиться. Но это ничего не меняет!

— А на чем основаны ваши опасения? Только ли на этом повороте портрета?

— Не знаю! Не только. На всем. На поведении живущих там людей, на разговорах за столом, на нашей мнимой веселости. Ведь мы все притворяемся, будто ничего не случилось и ничего не может случиться. Но я верю, что над Норфорд Мэнор нависло что-то ужасное. И если бы не то, что я так многим обязан этим людям, я бы не вернулся завтра туда и остался в Лондоне. Но я вернусь, потому что должен. Вы можете считать меня истеричным идиотом после того, что я сейчас сказал, но это никак не изменит того, что надвигается.

— Гм... — пробормотал Джо. Он хотел еще что-то сказать и уже открыл было рот, но не сказал. В отличие от Джилберна, Кемпт ведь не любил эту женщину, которая умерла, вернувшись после многолетнего добровольного изгнания. Он был настолько молод, что, вероятно, почти или даже совсем ее не помнил. Кроме того, он отнюдь не выглядел слабо-нервным человеком. А ведь у Кемпта возникло то же самое предчувствие, что и у Джилберна: во мраке поднимается вооруженная преступная рука, которая нанесет удар, если...

Алекс поднял голову и посмотрел на Джилберна.

— Не знаю, насколько это пригодится вам или кому-нибудь другому. Но если бы вы нашли для меня какой-нибудь спокойный угол в вашем доме, где можно поставить пишущую машинку и никому не мешать, возможно, я бы смог приехать к вам на пару дней... Но я, в самом деле, не думаю, что это может кому-нибудь помочь. Ведь я...

— Значит, вы все-таки приедете! — Джилберн сорвался с кресла и, опираясь одной рукой на палку, протянул другую Алексу. — Благодарю вас, — сказал он коротко. — Через час я уезжаю, чтобы все приготовить. Вы найдете просторный пустой дом, тишину, необходимую для работы, и прекрасный вид из окна на старую каштановую аллею.

Он умолк. Его радость была настолько искренней и непосредственной, что даже Джо, который уже начал жалеть о своем согласии, улыбнулся.

— Только у меня к вам одна маленькая просьба. Я прошу вас никому не открывать ни моей профессии, ни фамилии. Это вызвало бы ненужное замешательство. Люди, которые знают, что кто-то наблюдает за ними и прислушивается к их беседам с какой-то определенной целью, ведут себя, как правило, неестественно. Может, лучше всего будет, если вы пригласите меня как своего знакомого, который собирает материалы для книги о процессах ведьм. Это было бы хорошим оправданием моего появления в этом малопопулярном уголке страны, а кроме того, позволит мне свободно проявлять интерес к вопросам, которые меня интересуют. Пусть меня зовут Джеймс Коттон, если не возражаете. Это касается вас, сэр Александр. Потому что мистера Кемпта я вообще никогда в жизни не видел и познакомлюсь с ним только на месте. Кроме того, мой интерес к процессам ведьм облегчит мне доступ в Норфорд Мэнор через мистера Ирвинга Эклстоуна. Не будет ничего необычного в том, что, находясь поблизости от столь знаменитого

ученого, я пожелаю посетить его, планируя издание книги из той области, где он является признанным авторитетом. Все остальное мы обсудим после моего приезда, если возникнет необходимость. Вас это устраивает?

— Конечно! — сэр Александр еще раз сердечно пожал ему руку. — Меня бы это устроило даже в том случае, если бы вы приехали ко мне в качестве китайского императора. Я так хочу, чтобы вы оказались там как можно скорее. Это дело... это дело... — Он махнул рукой. — Да вы и так все понимаете... Я очень надеюсь, что вам удастся дать нам окончательный ответ...

— Я постараюсь изо всех сил, — сказал Джо, прощаясь с ними и проклиная в душе сэра Александра Джилберна, Томаса Кемпта, всех дьяволов, запыленные портреты предков, своего издателя и больше всего самого себя за полное отсутствие твердости характера. Ведь несмотря на то, что его заинтриговали события в Норфорд Мэнор, он не имел никакого права и никакой возможности выехать, если бы отвечал за свои поступки, как должен отвечать взрослый и благоразумный человек. Да, но если бы Джо был благоразумным человеком, то, наверно, работал бы он сейчас продавцом в магазине готовой одежды или обуви. Благоразумные люди всегда побеждают свое воображение. Если оно у них есть.

В холле он еще спросил:

— Этот портрет был повернут лицом к стене в воскресенье утром, верно?

— Да, — ответил Кемпт.

— А кто находился тогда в Норфорд Мэнор? Те же лица, которые были там, когда это случилось впервые?

— Те самые.

— И те же лица спали в доме, когда умерла миссис Линч?

— Те же самые.

Он попрощался с гостями, вернулся в библиотеку и тотчас сел за стол, на котором стояла пишущая машинка, приготовленная к работе. Джо хотел сегодня сделать как можно больше, чтобы иметь достаточно свободного времени на новом месте.

Он писал всего час, и когда спустя некоторое время Хиггинс вошел, чтобы сообщить о том, что ланч подан, он обнаружил Алекса вытянувшимся в кресле и почти невидимым за обложкой огромной книги в переплете из пожелтевшего пергамента. Очень толстая книга была напечатана шрифтом шестнадцатого столетия с разноцветной буквицей. Она называлась: «Pseudomonarchia Daemonium».

— Хорошо, — сказал Джо, не поднимая головы. — Сейчас иду.

Но он не пошел, и Хиггинс был вынужден постучать второй раз, докладывая, что суп остыл, а кухарка плачет над пригоревшим бифштексом. Алекс вздохнул, вскочил, положил тяжелый том на столик и сказал без всякого видимого смысла:

— О мой Бог, мой великий, добрый Бог!

И направился к двери, что-то тихо бормоча. Потом остановился перед Хиггинсом.

— Сколько дьяволов имеет к своим услугам Люцифер, Великий князь ада? — спросил он, приставив к груди Хиггинса выпрямленный палец, словно дуло пистолета.

— Боюсь, что не знаю, сэр, — невозмутимо серьезно ответил Хиггинс.

— Семь миллионов четыреста пять тысяч девятьсот двадцать шесть! — воскликнул Алекс. — Так сообщает преподобный Джон Уир. К этому нужно добавить семьдесят два простых князя и самого шефа.

Итого будет сколько?.. Семь миллионов четыреста пять тысяч девятьсот девяносто девять. Верно?

— Совершенно верно, сэр. Вы подсчитали точно.

— К счастью, я буду иметь дело только с одним. Но зато с таким, который даже юриста сумел напугать.

— Я позволю себе заметить, что это, вероятно, и будет тот самый шеф, о котором вы упомянули, сэр.

— Возможно, возможно... Я сегодня уезжаю, Хиггинс. Вернусь через пару дней, во всяком случае, восемнадцатого утром буду дома точно... не позже.

— Слушаюсь, сэр. Дом в любом случае будет вас ждать, сэр. А если кто-нибудь начнет о вас спрашивать, сэр? Что я должен ответить? Быть может, сообщить какой-нибудь адрес, сэр?

— Да, скажите, что я отправился к Дьяволу.

И тихо посвистывая, Джо Алекс направился в столовую.

Глава IV

Начало дороги в ад

После ланча Джо вернулся в библиотеку, но уже больше не писал и не читал. Он долго сидел неподвижно, опершись головой на спинку кресла и глядя в окно невидящим взглядом. Потом прикрыл веки и сказал вполголоса:

— Да, но тогда никто бы не повернул портрет... Там нет детей или подростков, а взрослый человек не может так поступить, просто не может. Значит, она действительно убита? Нет, не обязательно. Может иметь место интересная цепочка случайно сложившихся обстоятельств. Это довольно неправдоподобно, но возможно... Тогда, конечно, ничего никому не грозит, а я потеряю массу времени и поеду в Грецию, не закончив книгу, или буду заканчивать книгу, но не поеду в Грецию. Разумеется, произойдет первое. Но зачем я размышляю об этом, раз уже пообещал? А пообещал я потому, что убежден: дело тут нечисто... Я даже уверен в этом, хотя не сумею объяснить кому-нибудь, например, Паркеру, почему я уверен. А Паркер наверняка спросит меня: почему?.. Ну ладно! Это неважно...

Джо открыл глаза, встал и медленно прошелся по библиотеке, проведя пальцами по корешкам книг.

— Ну, а если все же иначе?.. — пробормотал он. — Тогда может состояться грандиозный спектакль. Дьявол и его аудитория. Все свои. Здравствуй, шестнадцатый век! Но почему именно я? А потому, что он должен нанести удар, если все обстоит так, как я думаю... А ведь, пожалуй, все так и есть, как я думаю...

Он вышел в холл и снял телефонную трубку. Потом, не глядя на диск, набрал номер:

— Да... с суперинтендантом Паркером... Спасибо. Это ты, Бен?.. Да, я. Нет, ничего. Хотел бы с тобой повидаться... Да, сейчас. У тебя в офисе. Да, мне очень нужен Скотленд-Ярд. Как видишь, такое тоже в жизни случается... Что?.. Нет, нет, спасибо! Буду у тебя через пятнадцать минут.

Он вызвал Хиггинса, продиктовал список вещей, которые хотел бы видеть в своем обычном дорожном чемодане, и велел приготовить еще один чемодан — пустой. Потом вышел.

Машина стояла в тени дерева, растущего на тротуаре напротив дома. Несмотря на это, внутри было жарко. Джо сел и опустил стекло. Он ехал,

тихо посвистывая и наслаждаясь теплым, слабым ветерком, обдувающим плечи и шею. Его худошавое лицо, обычно безмятежное, стало серьезным и выражало все нарастающую озабоченность. А когда он подъехал к Вестминстеру и остановил машину перед выходящим на реку огромным зданием, которое семьдесят лет назад Норманн Шоу так живописно спроектировал для главного управления Лондонской полиции, лицо его стало просто угрюмым.

Дежурный полицейский сразу провел его в кабинет Паркера, который находился за одним из тысячи поворотов коридора на втором этаже. При виде гостя суперинтендант поднялся из-за стола.

— Мы давно тебя здесь не видели, Джо. Надеюсь, ничего страшного не случилось? — рассмеялся он и придвинул гостю стул.

Но Джо не ответил улыбкой. Его бледное, слегка веснушчатое лицо было мрачным, и он не делал ни малейшего усилия, чтобы это скрыть.

— Нет, ничего страшного не случилось. Если, конечно, не считать того, что ты, как и все чиновники, имеешь отвратительную привычку говорить о себе во множественном числе, когда к тебе зайдешь на работу. А потом — этот стул. Я понимаю, что такую мебель можно подсовывать на допросах. Посидев на таком стуле десять минут, сознаешься в чем угодно, лишь бы поскорее усесться на уютный тюремный табурет. Откуда вы берете такие жуткие вещи? — Он встал, отодвинул от себя стул и присел на угол стола, сдвинув лежащие на нем бумаги. Паркер рассмеялся и хотел что-то сказать, но Джо добавил: — И еще один вопрос. Каким чудом вы попадаете утром в свои кабинеты? Я миновал по пути к тебе, по крайней мере, сто одинаковых дверей. Каждый раз бывая тут, я пытаюсь угадать, которая же из них твоя, и всегда ошибаюсь.

— Привычка... — сказал Паркер. — Верблюды тоже знают, где их дом, даже когда находятся в центре пустыни. Это ответ на второй вопрос. Ответ на первый звучит так: такие стулья закупило для нас Британское королевство пятьдесят лет назад, и ничто не в силах убрать их отсюда, пока они не износятся. Полиция весьма бережливое учреждение. Мы не тратим зря ничего, даже времени, хотя, быть может, и употребляем, говоря о себе, множественное число, как и все правительственные чиновники.

Алекс, закинув ногу на ногу, с минуту балансировал на краю стола.

— Означает ли этот тактический намек, что я не должен мешать тебе в установлении достопамятного факта, свидетельствующего о том, что мистер А. Б. Шоукросс, «Импорт мехов и ценных звериных шкур», преступно уклонился от уплаты вышеупомянутому Британскому королевству суммы в размере двух фунтов четырех шиллингов и одиннадцати пенсов налога с оборота, подделав при помощи резинки и химического карандаша счет от мистеров «Бенби и Бенби», которые приобрели у него медвежью шкуру для украшения кабинета директора фирмы?

— Бог мой, когда ты успел это прочесть? — Паркер подошел к столу и собрал бумаги. — Спасибо, Джо. Ты учишь меня прилежному исполнению служебных обязанностей. А с завтрашнего дня мне это еще больше понадобится.

Он открыл ящик стола, вынул оттуда маленькую плоскую бутылку и два стаканчика.

— О! — сказал Алекс. — А я думал, ты на службе.

Несмотря на шуточный тон, в его голосе прозвучало удивление. Он взял стаканчик из рук Паркера и выпил виски одним глотком.

— Это как раз то, что мне сейчас нужно. Однако вернемся к теме: у вас что, какие-то перемены?

— Джо, — сказал Паркер торжественно. — Я начал работать здесь за шесть лет до начала войны. И кроме перерыва на время военных действий, когда, как ты знаешь, я был вынужден легкомысленно доверить свою жизнь бортового стрелка твоему пилотажному искусству, я не пропустил ни одного рабочего дня и ни разу не нарушил служебный устав. Признаюсь со стыдом, что устав этот казался мне порой бессмысленным в некоторых его пунктах, но я всегда подчинялся ему...

— Что же здесь удивительного? — вздохнул Алекс. — Такие, как ты, всегда строили пирамиды... для других.

— Возможно, но я исходил из менее фундаментальных предпосылок. Просто мне казалось, что те, кто стоят на страже закона, не должны его нарушать...

— «А на висках пастушки милой горит веноч из белых лилий...» — пропел Джо, но Паркер не дал себя перебить.

— И вот вчера моего непосредственного начальника, уважаемого мистера Джошуа Беллоуза, перевели на более высокий пост в Министерство, а я назначен на его место в должности заместителя начальника Департамента уголовного розыска. С завтрашнего дня я буду исполнять свои обязанности в кабинете этажом ниже, а когда ты придешь меня навестить, то сядешь уже не на стул, а в кресло, и поставишь свои стопы на служебный ковер второго класса. Ковры же первого класса лежат только в кабинетах начальников отделов.

Он рассмеялся и снова наполнил стаканчики.

— Поздравляю, Бен! — лицо Джо прояснилось впервые в этот день. — Это действительно прекрасная новость. Передай от меня миссис Паркер и мальчикам, что я за тебя очень рад. Не знаю более заслуженного повышения!

— Ты как всегда преувеличиваешь...

Паркер встал и обошел стол. Он раскраснелся и выглядел настолько счастливым, что Джо, который любил его больше всех известных ему людей, за исключением, может, лишь Каролины, ласково похлопал его по плечу.

— Я знаю, как многим тебе обязан, Джо... — сказал Паркер серьезно. — Если бы не ты, я пару раз дал бы маху, а может, и того хуже: допустил бы осуждение невиновного человека.

— Ерунда, — сказал Алекс. — Просто я, как частное лицо, могу работать с развязанными руками. А имея в распоряжении помощь всего вашего аппарата и доступ к вашим архивам, нахожусь в превосходной ситуации.

— Кстати, чуть не забыл! — Паркер вернулся к столу и перелистал бумаги. — Я же вынул из ящика перед твоим приходом... Ага, вот! — он взял продолговатую белую карточку. — Это твое удостоверение. С сегодняшнего дня ты официальный криминальный эксперт Скотленд-Ярда.

Алекс взял удостоверение и осмотрел его.

— А зачем это мне? — спросил он.

— Приближаются выборы, и мы опасаемся, что какая-нибудь оппозиционная газета может поднять шум. Пресса тебя любит, но когда начинается предвыборная кампания, все симпатии идут побоку. А так никто не посмеет написать, что частные лица допускаются к следствию. Так что: посвящая тебя в почетные полицейские!

— Ну что ж, это может когда-нибудь пригодиться... — Алекс спрятал удостоверение в карман. — Но я пришел сюда не для того, чтобы получить бумажку, которую, вероятно, никогда никому не покажу... — Вопреки своим недавним словам, он сел на неудобный стул и посмотрел на друга. — Бен, я сегодня уезжаю. Я еду в Велли Хауз, в графстве Саффолк, и буду жить

несколько дней в доме сэра Александра Джилберна, поблизости от деревни Норфорд. Ты знаешь, где это?

— Нет, — Паркер отрицательно покачал головой, — никогда не слышал об этой местности. Зато слышал о сэре Александре Джилберне. И даже знаком с ним лично.

— Тогда сейчас ты мне о нем расскажешь, если можно. Но сперва я попрошу тебя о другом. Дело в том, что меня интересует не столько сэр Александр, сколько местность Норфорд Мэнор, находящаяся по соседству с его домом. Исходя из простейших логических выводов, в прошлом месяце там была убита одна женщина. Полиция пришла к выводу, что это самоубийство. Я, впрочем, не виню полицию, поскольку убийца, как мне кажется, личность весьма хитрая и ловкая.

— Ты уверен в том, что говоришь?

— Не только, — покачал головой Джо. — Я просто убежден, что так было. Я еще не знаю героев этой мрачной драмы, кроме двоих. Но... — И он рассказал Паркеру о визите Джилберна и Кемпта.

Когда Джо закончил свой рассказ, его друг кивнул головой.

— Да, это выглядит серьезно. Хотя я не могу сказать, что убежден в полной невозможности самоубийства.

— Во-первых, — Алекс загнул палец правой руки, — почему она не оставила записки этому бедняге? Во-вторых, зачем она вынула ключ из замка и положила на стол? В-третьих, откуда взялись следы в гроте и на книжке? В-четвертых, зачем перевернут портрет?.. В-пятых... в-пятых — есть огромное богатство, владелица которого доживает парализованная, сломленная годами и болезнью, отгороженная от мира обездвиженностью и отсутствием возможности общения. В-шестых... Сомневаюсь, угадаешь ли ты.

— Нет... — Паркер покачал головой. — И эти пять пунктов, которые ты перечислил, тоже меня не убедили. Бывает и большее скопление отягчающих обстоятельств, а потом они порой оказываются либо случайным совпадением, либо теряют свою силу, если рассмотреть их в другом порядке, чем того хочет разыгравшееся воображение. Но что в-шестых?

— А то, что портрет снова перевернут на минувшей неделе.

— Ну и что из этого? Это могла быть просто шутка.

— Возможно. Но по пути сюда я продумал все это дело еще раз. В Норфорд Мэнор нет ни одного ребенка и ни одного подростка. Исключительно взрослые люди. Несколько недель назад в доме умерла дочь владелицы поместья. Не могу представить, чтобы шутка, которая имела место за несколько часов до смерти Патриции Линч, могла быть кем-то повторена. Взрослые люди относятся к трауру иначе, чем дети. Ребенок мог бы недооценить ситуацию, наконец, просто не понимать ее. Дети не принимают близко к сердцу ничего и никого, кроме самих себя. А кроме того: что это за шутка? В чем она заключается? Кто и почему должен был увидеть нечто смешное в том, что портрет основателя Норфорд Мэнор повернут лицом к стене?

— А ты видишь какую-либо причину, по которой это могло кому-то понадобиться?

— Вижу.

— И какую же?

— Сначала подумай о чем-то другом: о довольно странном факте отсутствия отпечатков пальцев человека, который перевернул этот портрет. Совершенно невозможно предположить, что человек, который сделал это перед смертью Патриции Линч, мог опасаться, что кто-то будет снимать отпечатки его пальцев. Да и кто это мог сделать? Для этого нужна специ-

альная передвижная лаборатория, пусть маленькая, это правда, — но тем не менее, должен был бы приехать полицейский эксперт. Из этого можно сделать лишь один вывод: портрет перевернул человек, который знал, что в этом доме вскоре будет совершено убийство. А знать об этом могли только Патриция Линч, если бы она действительно собиралась совершить самоубийство и по неизвестным нам причинам перевернула портрет, или... ее будущий убийца.

— Да, это разумно, — Паркер, который некоторое время улыбался, стал серьезным. — Это довод или почти довод того, что миссис Линч была убита. Поскольку портрет после ее смерти был повернут снова, ясно, что не она была тем лицом, которое не хотело оставлять отпечатки своих пальцев. Конечно, в нашем рассуждении могут быть некоторые небольшие проблемы... Но что вообще означает это идиотское переворачивание портрета?..

— Очень многое. — Алекс поднялся со стула. — Столь многое, что у меня даже мороз пробегает по коже, когда я об этом думаю. Вот это и есть наихудшее.

— Что именно?

— То, что ни этот поворот портрета, ни следы копыт в гроте и отпечаток одного из них на книге в комнате умершей пока ничего не значат.

— Ты не мог бы говорить чуть яснее? Я всего лишь скромный чиновник, и хотя по долгу моей неблагодарной службы вынужден разгадывать множество загадок, не хотелось бы, чтобы еще и мои друзья мне их загадывали.

— Это никакая не загадка, Бен. Просто мы должны обратить внимание на тот факт, что убийца сделал целый ряд непонятных ходов, которые были совершенно не нужны для убийства Патриции Линч. Мало того, он перевернул портрет уже после ее смерти и, пожалуй, преднамеренно вызвал немедленный всплеск подозрительности у Джилберна и Кемпта. Не забывай, что именно этот второй поворот портрета и явился непосредственной причиной их визита ко мне. Убийца, которому удалось внушить миру, что его жертва совершила самоубийство, добровольно отказывается от своей безопасности и как бы предупреждает окружающих, что он существует и что собирается нанести следующий удар. Зачем?

— Не требуй от меня ответа, — пробормотал Паркер, — думаю, что сейчас ты и сам от себя его не потребуешь.

— Не совсем. Потому что, когда убийца совершает абсолютно ненужные поступки и возобновляет их после смерти жертвы, я вынужден прийти к выводу, что в его планы входит не только одно это убийство. Вот почему я сказал, что самое худшее — это с виду бессмысленное переворачивание портрета и появление следов копыт в гроте. Я уверен, что убийца действует необычайно точно и логично, а его бессмысленные на вид поступки окажутся в конце наиболее целенаправленными. Все как будто указывает на то, что удар будет нанесен уже в ближайшем будущем. Именно поэтому, хотя это и нарушает все мои планы на ближайшее время, я еду в Норфорд. И еду туда с очень тяжелой душой, потому что мне хотелось бы успеть вовремя и предотвратить удар. А между тем, это может оказаться вовсе не таким простым, тем более что убийца, похоже, не опасается никого и ничего. Это дьявольская история, Бен.

— Как и всякая история, в которой принимает участие Дьявол, — сказал Паркер. — А зачем ты приехал сюда? Тебе что-нибудь нужно от нас? Признаться, я уже несколько минут думаю, не должна ли полиция вмешаться во все это.

— Во что именно? — спокойно спросил Алекс. — В мои предположения? Патриция Линч покончила жизнь самоубийством. Так, по край-

ней мере, утверждает заключение властей, и вероятно, сейчас не удалось бы собрать достаточного количества доказательств для его пересмотра. А какие у тебя есть основания полагать, что один житель Норфорд Мэнор хочет убить другого жителя Норфорд Мэнор? Одни лишь мои гипотезы. На этом основании ты не только не можешь возобновить следствие по делу смерти Патриции Линч, но даже просто допросить кого-либо. Не потому, что ты не имеешь права это сделать, а просто потому, что, допрашивая людей, нужно их о чем-то спрашивать. А о чем бы ты их спрашивал? Что бы ты искал? Все пока серо, туманно и бессмысленно, а главное, совершенно друг с другом не связано. Чудовищность этого дела заключается в том, что факты могут сложиться в логичное целое лишь тогда, когда свершится следующее преступление. Но тогда, можешь быть уверен, — они сложатся так, как хочет того убийца. Ведь само то, что он не скрывает факты, а напротив, старается сообщить о них как можно большему числу лиц, может означать лишь то, что: а) они несущественны для дела и тогда не имеют никакого смысла или б) они существенны, но таким образом, что помогут убийце в его планах. Конечно, есть еще третья возможность: весь этот кошмар создан безумцем или кем-то симулирующим безумца и желающим создать полный хаос. Так что не говори, что полиция должна решительно вмешаться. Сам видишь, как сейчас трудно хоть приблизительно описать, что там произошло и происходит.

— Но ведь мы не можем допустить, чтобы убийца спокойно действовал рядом, а мы сидели сложа руки, Джо! Я отлично понимаю, что не могу приехать туда в полицейском автомобиле с воюющей сиреной, наручниками в кармане и разработанной операцией по задержанию преступника. Но ведь можно установить негласное наблюдение и надзор за объектом, где действует возможный преступник. Иначе он может не только совершить преступление, но и навсегда остаться безнаказанным.

— Конечно. Но разве мое посещение Норфорд Мэнора не будет как раз таким негласным наблюдением и надзором над местом, где он действует? Неужели ты думаешь, что я принял бы приглашение Джилберна, если бы видел какой-нибудь иной выход из этой ситуации? Но главное, что поражает меня в этом деле уже с самого его начала, — это смерть человека, окруженная бессмысленными фактами, относящимися к давно минувшей эпохе. И отсутствие какого-либо ключа. Но корни этого дела находятся там, на месте, и я думаю, нет смысла говорить больше на эту тему, пока я не окажусь там и не сориентируюсь в ситуации. А пока хотел бы получить из архива Скотленд-Ярда все возможные данные о сэре Джилберне, Томасе Кемпте, Ирвинге Эклстоуне, Джоан и Николасе Робинсонах, а также, если это возможно, мне бы хотелось, чтобы вы тщательно изучили прошлое доктора Арчибальда Дюка и сестры милосердия Агнес Стоун. Если в биографии кого-нибудь из этих лиц есть что-либо, что покажется неясным или важным для нашего дела, прошу немедленно мне сообщить, хорошо? И наконец, последняя в списке, но отнюдь не последняя для нашего дела проблема: парализованная старушка, Элизабет Эклстоун. Я хотел бы знать о ней как можно больше. Быть может, вся эта история имеет свои корни где-то в прошлом. Может, это месть? Эклстоуны достигли богатства без больших скандалов и драматических конфликтов, но ведь не все попадает в печать. Кроме того, это времена довольно давние. Муж миссис Элизабет действовал главным образом в Малайзии. А ведь ты знаешь, сколько человеческой крови пролилось в битве за каучук и какие чудовищные вещи происходили на плантациях. У людей, сколотивших в колониях миллионы, не может быть чистых рук ни по отношению к туземцам, ни по отношению к конкурентам. Там все решал закон джунглей, и если Эклстоун победил,

то наверняка ему пришлось совершить пару поступков, которые не совсем совпадают с нашими представлениями о поведении джентльмена. Это все может иметь значение... хотя против этого свидетельствует тот факт, что человек этот умер много лет назад, а его вдова давно удалилась от дел... Я думаю, однако, что решение следует искать в другом месте, тем более что Дьявол, о котором я думаю, — фигура, весьма тесно связанная с окрестностями Норфорда. Но сейчас еще ничего не ясно, и мне хотелось бы иметь полную картину как можно скорее.

— Ты совершенно прав... — Паркер снял трубку и связался с архивом. Он сообщил невидимому собеседнику фамилии, записанные на листке, и попросил выполнить работу срочно. Потом положил трубку. — Если когда-нибудь кого-то из этих лиц хотя бы в минимальной степени коснулся уголовный кодекс или они оказались в кругу подозрений, касающихся какого-либо дела, связанного с преступностью, мы узнаем об этом через десять минут.

Они сели и закурили. С минуту Паркер молчал. Он был мрачен, и Джо с удовольствием думал, что его друг все же, наверно, очень хороший полицейский, если трудное дело смогло омрачить его радость по поводу столь значительного служебного повышения.

— Я все еще не уверен, хорошо ли это, что у меня нет никакой концепции по поводу того, как взяться за это дело, если исключить твое в нем участие, — сказал, наконец, Паркер. Движением руки он остановил Алекса. — Знаю, знаю, что это простейший выход, но я не могу сидеть спокойно, думая о том, что, быть может, в эту минуту Дьявол потирает руки и спокойно приближается к своей жертве. Твоей поездки туда недостаточно, тем более что ты хочешь скрыть свою фамилию и преступник даже не будет предупрежден о твоём присутствии. Значит, факт твоего приезда не остановит его. А ведь самое важное, мне кажется, не допустить следующего преступления, если, разумеется, твоя гипотеза верна, а надо признаться, я не вижу в ней слабых мест. Плюс ко всему, ты даже не будешь жить в этом доме.

— Тут уж, к сожалению, ничего не поделаешь... — Джо развел руками. — Я сделаю все, что смогу, чтобы предотвратить удар. В то же время я не очень представляю, что может сделать полиция по отношению к еще не совершенному преступлению. Не зная при этом, кто и кого хочет убить. Даже если бы ты с сегодняшнего вечера приставил к каждому жителю Норфорд Мэнор ангела-хранителя в мундире, Дьявол подождет. Это мы проходили еще в воскресной школе: Дьявол всегда ждет, пока ангел-хранитель зазевается. Кроме того, у меня сложилось довольно необычное впечатление, что он хочет, чтобы в Норфорд Мэнор началось расследование, и очень заинтересован в том, чтобы полиция занялась смертью Патриции Линч.

— И это тоже совершенно непонятно, — сказал Паркер.

— А у меня есть одна маленькая гипотеза на этот счет... — тихо сказал Алекс. — Но она пока так же туманна, как и все мои остальные предположения. Я знаю точно лишь одно: приезд полиции в Норфорд Мэнор никого бы не уберег от Дьявола, а даже, в известной мере, помог бы ему в его замыслах. А знаю я это от самого Дьявола, который в воскресенье снова перевернул картину и снова оставил отпечаток своих копыт в гроте.

Паркер тряхнул головой.

— В таком случае мы имеем дело с исключительной личностью в преступном мире.

— А кто же тебе сказал, что Дьявол принадлежит к заурядным личностям? — Алекс мрачно усмехнулся.

В ту же минуту зазвонил телефон. Паркер снял трубку и некоторое время молча слушал. Наконец сказал:

— Благодарю, Питер, — и положив трубку, обратился к Алексу: — Ни одно из названных тобой лиц не фигурирует в наших архивах. Ты, конечно, понимаешь, что это значит:

— Понимаю. Это значит, что мы имеем дело с исключительно добропорядочными гражданами. Этого следовало ожидать. — Он встал. — Остается еще прислуга. Но о ней, пожалуй, лучше всего расскажет начальник местной полиции, верно?

— Верно, — Паркер тоже встал. — Будем надеяться, что ничего не случится. — Он вздохнул. — Меня беспокоит еще кое-что. Когда ты будешь на месте, тебе наверняка захочется выяснить, кто совершил первое преступление, ибо в таком случае мы автоматически сможем предотвратить второе, отправляя нашего Дьявола в ад при помощи столь надежных и определенных законом средств, как веревка и высокая поперечная балка. Но следует также принять к сведению и то, что такая перспектива покажется Дьяволу отнюдь не самой забавной и он может прийти к выводу, что ты должен оказаться в аду раньше него.

— Я еду туда под псевдонимом...

— Да, но, по крайней мере, двоим среди немногих действующих лиц этой истории известно, кто кроется за этим псевдонимом. А ведь кто-то из Норфорд Мэнор, согласно нашим предположениям, и является Дьяволом. Не говоря уже о том, что им может быть один из твоих сегодняшних гостей или кто-то из них может просто проговориться. Кроме того, Дьявол может знать тебя по твоим многочисленным фотографиям в газетах и на обложках твоих книг. Твой издатель имеет, к сожалению, привычку таким образом рекламировать своих авторов. Ты очень популярен. Следует об этом помнить.

— Я спокоен за себя. Даже если любая из этих возможностей реализуется, я не думаю, что Дьявол захочет нанести удар мне.

— Откуда ты можешь это знать?

— На основании того предположения, которое я уже высказывал. Если Дьявол хочет заманить полицию на место преступления, то ведь он это делает не затем, чтобы убивать полицейских, а для того, чтобы их руками совершить убийство какого-то ни в чем не повинного человека.

— Не выношу, когда ты с такой уверенностью говоришь о вещах, на счет которых у нас обоих нет пока даже самого туманного представления. — Паркер по-прежнему хмурился. — Я принимаю твою гипотезу потому, что она эффектна и может оказаться правдивой. Но ведь в действительности все может обстоять совершенно иначе. В конце-то концов, это же могло быть и самоубийство, верно?

— Если господа Кемпт и Джилберн обманули меня, что кажется совершенно невозможным, или скрыли от меня что-то, что более вероятно, хотя и не совсем правдоподобно, то, по моему скромному убеждению, Патриция Линч была убита.

— Тогда зачем преступник снова раскапывает это дело? — Паркер вытер со лба пот.

— Чтобы привлечь к нему внимание полиции, направить ее на ложный след и обвинить кого-то невиновного. Будь я Дьяволом, то всегда поступал бы таким образом. Извращение истины — основное развлечение властелина ада. Неслучайно его еще называли Князем Притворства.

— Кого? — спросил Паркер, тяжело опускаясь в кресло. — О ком ты говоришь?

— О Дьяволе. Все время только о Дьяволе. Но скажи мне еще: на территории какого отделения полиции находится Норфорд?

Паркер вздохнул, снова вытер лоб и усталым движением вынул из ящика большую, сложенную несколько раз, карту страны. Она была разбита на маленькие разноцветные поля. С минуту он двигал по ней пальцем.

— Блю Медоуз... Маленький городок. Сержант и четыре констебля. Как же этого сержанта зовут? — Он снял с полки толстую книгу, похожую на телефонную. — Так... Блю Медоуз... Вот. Сержант Хью Кларенс. Я его даже знаю. Это был наш человек из Ярда. Ему прострелили легкое, и начальство перевело его в деревню с хорошим климатом. Умный парень.

— Это хорошо. — Джо встал. — Я задержусь у него на пару минут по пути в Велли Хауз. Может, он расскажет мне что-нибудь об окрестностях, этот Хью Кларенс. — Джо полез в карман. — Этого удостоверения будет достаточно? Смотри-ка, оно начинает быть полезным, прежде чем я успел его хорошо разглядеть.

— Конечно. Только есть ли в Англии полицейский, который бы о тебе не слышал?

— Я совсем забыл, что придется сообщить ему настоящую фамилию. Я еще никогда не пользовался чужой.

— Привыкнешь... — угрюмо пробормотал Паркер. — Ко всему можно привыкнуть, даже к Дьяволу. Тогда он становится менее эффективным, но зато более опасным, потому что становится очень похожим на человека. — Он подмигнул Алексу, который протянул ему руку.

— Спасибо за добрый совет. — Джо задержался в дверях. — Стари-на Платон утверждал, что стремление судорожно держаться за чувства и невозможность оторваться от них является наибольшей помехой в поисках истины.

— Твой приятель Платон забыл, что в Афинах тоже была тайная полиция, не говоря уже об эринниях¹. Это были добрые старые времена, когда преступников еще терзали угрызения совести... — Он снова стал серьезным. — Если я тебе там понадобится — появлюсь через час. Звони сюда. Здесь всегда знают, где меня найти. Оружие взял?

— Ну разумеется. Буду стрелять без предупреждения во всех встречаемых граждан с рогами.

Они вышли. Паркер в молчании проводил его до самого выхода и, оглянувшись в дверях, смотрел вслед удаляющейся машине. И хоть, расставаясь, они шутили, Джо заметил в зеркальце заднего вида, что новый заместитель шефа Департамента уголовного розыска Скотленд-Ярда смотрел ему вслед озабоченным взглядом.

Глава V

Здравствуй, Дьявол!

Шоссе плавно наискосок поднималось вверх, а потом опускалось вниз и тянулось, словно асфальтовая рука, к виднеющемуся вдали сказочно красивому городку, который лежал в глубине зеленой долины, выделяясь четкими линиями белых и красных домиков.

БЛЮ МЕДОУЗ — 1 миля — прочел Алекс на указателе, мелькнувшем с левой стороны дороги. Он сбавил скорость и въехал в городок. Дорога привела его к маленькой чистой рыночной площади, вокруг которой стояли дома, построенные, вероятно, во времена открытия Америки.

¹Эриннии (гр.) — богини проклятия, кары и мести. Преследуют и карают преступников.

«Здесь были повешены те четырнадцать женщин, — вдруг подумал Джо. — Именно здесь, на этой рыночной площади, в городе Блю Медоуз... Сэр Джон Эклстоун, несомненно, тоже присутствовал и, наверно, спокойно смотрел в лицо жертвам своего лжесвидетельства... А одна из женщин заявила, что она — любовница Люцифера, который отомстит за нее пусть даже в десятом поколении рода Эклстоунов... Итак, мы прибыли на неприятельскую территорию».

Он поглядел по сторонам и нашел на одном из новых строений надпись: «Отделение полиции». Джо медленно подъехал, остановил машину и вышел. Дверь оказалась открытой. Внутри, за деревянной перегородкой, стоял письменный стол, а за ним, в небольшом кресле, которое Джо с удовлетворением распознал как точную копию кресла в кабинете Паркера, сидел молодой человек в расстегнутой полицейской куртке с нашивками сержанта. При виде входящего Алекса сержант встал и подошел к перегородке.

— Добрый день, — сказал Джо. — Это вы сержант Кларенс?

— Да, это я. Чем могу служить?

— Я — эксперт Скотленд-Ярда, моя фамилия Алекс, — быстро и негромко сказал Джо. — Я хочу с вами поговорить, но желательно не здесь. Прошу вас выйти со мной. Я сяду в машину, а вы громко расскажете мне, как проехать в Велли Хауз.

— Я вас понял.

— Я проеду часть пути в указанном направлении и буду ожидать вас за первым же поворотом, который находится вне пределов видимости жителей городка.

— Хорошо, сэр, — ответил молодой человек так спокойно, будто поручения этого рода ему приходится выполнять каждые полчаса. — Я лишь должен подождать прихода моего заместителя... Вот как раз и он. — Сержант указал на приближающегося полицейского. — Сэр, сверните вон в ту улочку направо. Она выведет вас на проселочную дорогу и спустя примерно четыреста ярдов вы увидите рошу по обе ее стороны. Прошу вас подождать меня там, а я сейчас возьму велосипед и приеду через несколько минут.

Они вышли из помещения, и сержант начал громко объяснять приездему, как нужно ехать. Джо так же громко поблагодарил его и двинулся в путь.

Миновав городок и оставив за поворотом последние дома, он увидел густой перелесок. Дорога утопала среди молодых деревьев. Джо остановил машину, вышел и, подняв капот, начал протирать тряпкой свечи.

Минуты текли медленно. Джо с радостью вдыхал чистый, насыщенный запахом листьев воздух. Наконец он услышал позади голос:

— Не нужна ли вам помощь?

Сержант, уже одетый в полную служебную форму, подъехал и сошел с велосипеда. Оба склонились над двигателем.

— Я хочу, чтобы вы сообщили мне всю имеющуюся у вас информацию о самоубийстве миссис Патриции Линч, которая лишила себя жизни месяц тому назад в Норфорд Мэнор. Вы, кажется, тогда уже были здесь, сержант?

— Так точно... — сержант снял шлем и нерешительно надел его снова. — Мне очень неприятно, сэр. Ведь именно я несу ответственность за это заключение, потому что вел расследование по этому делу. Предполагаете ли вы, сэр, что она была убита?

Джо внимательно посмотрел на него.

— Прошу меня извинить, — прибавил быстро сержант. — Вероятно, я не должен был об этом спрашивать. Но если я невольно допустил...

— Да, я предполагаю, что она была убита... — сказал Алекс. — Но это информация, которой вы, сержант, не поделитесь абсолютно ни с кем. Я, разумеется, не уверен полностью... Но сейчас я не хотел бы говорить с вами об этом. Возможно, позже...

— Самоубийство было столь очевидным! — сказал Кларенс. — Но несмотря на это, я все же вызвал эксперта по дактилоскопии и фотографа из нашего управления в графстве. Они лишь подтвердили то, что и так было очевидно. Эта дама потеряла мужа и находилась в состоянии психической депрессии...

— Насколько мне известно, она собиралась выйти замуж и отправиться в кругосветное путешествие... — Алекс выпрямился и вытер руки тряпкой. — Но я ведь знаю меньше вас. Не могли бы вы доставить мне завтра все данные о прислуге в Норфорд Мэнор и Велли Хауз?

— Разумеется, сэр.

— А также ваши заметки, относящиеся к самоубийству. И снимки, если это возможно.

— Хорошо, сэр.

— Я не хотел бы, чтобы кто-нибудь видел нас вместе. Где бы мы могли встретиться, оставаясь никем не замеченными?

— Таких мест очень много вокруг Велли Хауз. Вся территория густо покрыта деревьями. Может, условимся встретиться на опушке леса? Это примерно полмили от дома сэра Александра Джилберна. Вы увидите этот лес сразу же, как выедете сейчас из рощи. Прошу вас ждать меня там, а я приеду на велосипеде. Мы часто здесь патрулируем, поэтому мое появление никого не удивит. Я буду в четыре часа дня, так как не знаю, удастся ли мне получить снимки раньше. Они находятся в графстве, в управлении полиции. Я уже послал за ними, но...

— Что? — Джо поднял брови. — Вы уже послали?

— Да, сэр. Перед вашим приездом звонили из криминального отдела в Лондоне и поручили мне конфиденциально подготовить все данные относительно этого происшествия. Когда вы подъехали, я как раз сидел и пытался набросать на бумаге все, что, помню. Разумеется, я сохранил и свои служебные записи, так что, если они вам пригодятся...

— Наверняка. Итак — завтра в четыре. И прошу вас, сержант, придумайте, как это все соответственно упаковать. Мне ведь придется вернуться с пакетом в дом, где я буду жить.

— Я все понял. До свидания, сэр.

Машина двинулась. Полицейский, неспешно нажимая на педали, направился в сторону городка.

Роща вскоре кончилась, и открылись зеленые пастбища с пятнышками пасущихся овец. Вдали Джо увидел темную полосу леса на склоне цепи гор. В центре этого пейзажа устремилась ввысь острая белая скала. Тут же, рядом, отделенная голубой пустотой неба, над лесом возвышалась другая скала, значительно ниже первой, едва видимая над кронами деревьев. И хоть автомобиль Алекса находился на расстоянии нескольких миль, оттуда внезапно сверкнул солнечный зайчик.

«Кто-то закрыл открытое прежде окно... — подумал Джо. — Это там находится Норфорд Мэнор, дом над пропастью. А высокая белая скала напротив — это и есть Дьявольская скала. Итак, мы на месте... Здравствуй, Дьявол!»

Дорога углубилась в лес, но вопреки ожиданиям, не стала подниматься вверх, а свернула к невидимой долине. Через минуту Джо увидел длинную стену и притормозил. В стене показались каменные ворота. Их охраняли два гранитных льва. Подняв поросшие мхом головы, они пристально гляде-

ли куда-то вдаль поверх крон деревьев. Старинная, рельефная, высеченная в граните надпись над воротами гласила: ВЕЛЛИ ХАУС.

Значит, это здесь. Ворота были открыты. Очевидно, в этом тихом, спокойном месте никто никого не опасался.

Алекс очень медленно повел свою машину по гравиевой дорожке со свежими следами колес. Временами ветви деревьев с обеих сторон почти смыкались, скользя с тихим шорохом по кузову автомобиля. Парк возле дома сэра Александра был не слишком ухожен, если им вообще кто-нибудь занимался.

Через некоторое время аллея плавно повернула, и Джо неожиданно оказался на широкой солнечной поляне, на другом конце которой стоял красивый старинный дом, вероятно, периода Реставрации, несущий в своих безупречных формах отпечаток идеи Иниго Джонса¹ или кого-нибудь из его наиболее способных учеников. Аллея пересекала лужайку и бежала прямо к дому, перед которым заканчивалась широкой петлей подъезда. Джо достигнул.

Вероятно, его ожидали, потому что двери дома тут же отворились и на дороге показался пожилой мужчина. И лишь спустя несколько секунд вслед за ним появился сэр Александр со своей неразлучной тростью.

Джо остановился напротив двери и легко выпрыгнул из машины.

— Приветствую вас в Велли Хаус, мистер Коттон, — сказал Джилберн, многозначительно улыбаясь в знак того, что не забыл фамилию своего гостя. — Надеюсь, ваша поездка была приятной?

— Просто чудесной! — воскликнул Алекс. — Какая восхитительная местность! Еще в пути я начал сожалеть, что никогда здесь не был.

— Знаю, знаю. Я сам приехал всего лишь час назад и уже успел немного отдышаться. — Джилберн жестом пригласил Джо в дом. — Прошу вас не беспокоиться о багаже и машине. Остин займется. Ваша комната уже приготовлена.

И пропустив гостя вперед, он вошел в прихожую. Джо задержался, слыша позади звонкий стук трости с металлическим наконечником. Пол прихожей был вымощен огромными, вытесанными из серого песчаника плитами, которые за многие годы постоянного мытья побелели и стали светло-пепельными. Прихожая оказалась темной, широкой и пересекала весь дом. На ее противоположной стороне, сквозь затейливую вязь решетки, покрывающей стеклянную дверь, виднелись густые зеленые заросли. Лучи низко стоящего солнца били оттуда и освещали великолепный камин, выдержанный в строгих пропорциях раннего английского барокко. Слева, исчезая во мраке, тянулась вверх узкая лестница. Стук трости прекратился, и Джо услышал за своей спиной дыхание Джилберна.

— Боже, как здесь тихо! — сказал Джо с внезапной, почти детской непосредственностью. Это было первое, самое острое впечатление. После тысячи разноголосых лондонских звуков тишина здесь сама по себе казалась преддверием тайны.

Он осмотрелся, прищурив глаза, ослепленный блеском сверкающего впереди солнца. Алекс был рад оказаться в деревне, но одновременно, почти автоматически, подумал: «Ничего удивительного, что эти тихие деревенские поместья видели и видят столько преступлений. Трудно отогнать ненависть, когда бродишь наедине с ней по огромным, пустым комнатам и темным безлюдным аллеям среди мертвой тишины. Ничто не отвлекает мысли и не дает

¹ Иниго Джонс (Inigo Jones; 1573 — 1652) — английский архитектор, дизайнер, художник и сценограф, который стоял у истоков британской архитектурной традиции.

забытья. В городе человек никогда не бывает столь одиноким. Кроме того, другой ритм жизни рождает другой ритм мышления. Долгие, бессонные ночи, тишина которых нарушается лишь боем часов и голосами невидимых хищных птиц... Ну и конечно, если здесь кого-то ненавидишь...»

— Сейчас мы осмотрим приготовленную для вас комнату. — Джилберн обогнал его и подошел к ступеням. — Надеюсь, она вам понравится. Если же нет, — мы, конечно, найдем другую... — Он улыбнулся грустной тихой улыбкой, и Джо с невольной симпатией взглянул на этого сильного, энергичного человека, который сделал столь блестящую карьеру, а по сути дела был всего лишь одним из несчастных обитателей этого мира, навсегда лишенным того, что любил.

Хозяин начал медленно подниматься по крутой лестнице. Джо шел за ним, размышляя о том, куда девался Остин с чемоданами. Лестница круто свернула на половине этажа, а затем протянулась к длинному темному коридору. По обе стороны коридора находились небольшие, разделенные на много прямоугольников окна. Здесь царил полумрак, а тишина была бы еще большей, не будь одно из окон приоткрытым. Сквозь щель проникали тихий легкий ветерок и шелест листьев растущего под окном каштана.

Джилберн остановился перед дверью, расположенной напротив лестницы. Дверь была распахнута. Внутри комнаты Алекс увидел старого Остина, который как раз ставил на пол его чемоданы. Посмотрев внимательно вглубь коридора, Джо только сейчас увидел, что там есть другая, еще более узкая лестница, некогда предназначавшаяся для прислуги. Очевидно, даже сейчас, когда большой старый дом был почти безлюдным, этот ритуальный маршрут для слуг оставался неизменно обязательным.

— Апартаменты далеки от великолепия, — сказал Джилберн, стоя на пороге, — но я надеюсь, что здесь вам будет удобно. Над кроватью и у стола расположены кнопки вызова. Если вам что-нибудь понадобится, нажмите кнопку, и к вам тотчас явится Остин или его жена, Кэтрин. Ванная находится вон там, — он указал на маленькую дверь в одной из стен комнаты. Ее каменный, увенчанный полукруглым орнаментом портал казался образцом совершенства.

Джо огляделся и вздохнул.

— Хотел бы я иметь хоть одну такую комнату, — сказал он искренне. — Я бы не выходил из нее. Наверно, эта мебель стоит здесь со дня постройки дома? — он указал на высокое ложе с поднятым вверх темно-голубым балдахином. Возле ложа стояли две скамьи, изготовленные примерно в середине шестнадцатого столетия; их мнимая легкость при явной массивности ножек и спинок из тонкого дуба с первого взгляда выдавали работу большого мастера. У окна стоял большой, тяжелый, прямоугольный стол на крестовинах. По всей вероятности, он был старше самого дома. Должно быть, за этим столом ели, а быть может, и писали, еще до того, как Вильям Шекспир закончил свой первый сонет. Внутри белого, мраморного камина, забранного черной решеткой, виднелся темный обожженный щит с гербом. Джо глянул вверх. Балки делили потолок на пять секций, что было характерно для периода первой половины семнадцатого столетия. Средняя, овальная секция представляла Дедала и Икара, летящих над морским побережьем. Стало быть, уже в те времена это был не просто деревенский дворянский дом, а дворец, принадлежавший людям, которые хотели подчеркнуть свою силу и богатство.

— Как интересно... — Алекс глянул на потолок, а потом на сэра Александра. — На фреске не видно даже тени трагедии, которая должна сейчас разыграться. Это большая редкость в средневековой живописи. — Он подошел к окну и выглянул. — Господи, как здесь красиво... — Он хотел

добавить, что лишь мысль о преступлении лишает его удовольствия от пребывания здесь, но успел прикусить язык. Старый Остин поставил его чемоданы и пишущую машинку возле кровати под балдахином и остановился в выжидательной позе.

— Нужно ли вам сейчас еще что-нибудь? — спросил Джилберн. — Остин может распаковать вещи и разложить их.

— Нет, нет! — Джо оторвал взгляд от деревьев недалекого леса и посмотрел на хозяина. — Я всегда сам забочусь о себе. Этому меня научила война. — Он улыбнулся Остину, который ответил ему улыбкой, но, как расценил Джо, это не было проявлением симпатии, а лишь рефлексом хорошего слуги.

— В таком случае мы вас оставляем, — Джилберн глянул на Остина, который легко поклонился и прежде, чем Джо успел его поблагодарить, исчез за дверью. — Когда примете ванну, прошу вас сойти вниз. Я буду ждать в холле. Думаю, что перекусим, а потом вы, вероятно, захотите задать мне какие-нибудь вопросы, не правда ли?

— Наверно, — Джо развел руками. — Я только не уверен — какие.

Хозяин удалился с улыбкой. Некоторое время Алекс слышал затихающее постукивание его трости. Затем все утихло, и Джо остался один.

Первым делом он извлек пишущую машинку из чехла и установил ее на столе. Потом подошел к ванной, открыл дверь и тихо присвистнул. Если комната была обставлена самой изысканной антикварной мебелью, которая могла бы украсить любой музей, то ванная являла собой подлинное чудо. Вся, от пола до потолка, она была выложена мелким белым голландским кафелем, на котором нежными голубыми линиями были изображены мифологические сцены, вероятнее всего, из Овидия. Каждая плитка кафеля изображала отдельную сцену, и это оказались самые красивые дельфты¹, какие Джо видел в своей жизни. С чувством легкого замешательства, почти растерявшись среди этой роскоши рисунков, он повернул кран с горячей водой и стоял, разглядывая каждую плитку, пока не наполнилась ванна.

Погружаясь в воду, Джо мельком подумал, что если сэра Александр Джилберн кого-нибудь убил или намеревался это сделать, то им никак не могла руководить жажда наживы. Самой обстановки одной лишь этой комнаты, если ее продать, хватило бы ему до конца жизни на вполне приличное содержание. Но факт, что столь ценные и красивые вещи находятся в безлюдном месте, почти не охраняемые, на попечении двух уже немолодых людей, сам по себе был поразительным.

Когда Джо, уже освеженный и переодетый, подошел к окну, завязывая галстук, он увидел далеко над лесом сверкающий в лучах заходящего солнца дом, словно повисший в воздухе. Отсюда был виден поднимающийся легким клином парк, а вернее, верхушки его деревьев. Направо, возле самой стены дома, земля обрывом шла отвесно вниз. Остальной вид закрывали деревья. Еще дальше направо, по другую сторону оврага, выростала напротив Норфорд Мэнор высокая, остроконечная скала. Деревья подбирались к ее вершине, но в какой-то момент, как бы отказавшись удерживаться на отвесной стене, уступали место растительности. Вероятно, именно там много столетий назад стоял по ночам Дьявол и смотрел раскосыми, прищуренными глазами на раскинувшийся внизу мир, спящий под лунным светом. А в лес, на вершину горы, шелестя метлами, слетались на безумные танцы и дьявольские ласки норфордские ведьмы... Где-то, чуть ниже, должен находиться грот.

¹ Голландские керамические изделия XVII—XVIII вв. (Delft — город в Голландии).

Джо завязал галстук, глянул мимоходом в маленькое серебряное зеркальце, висящее на стене, и направился к двери, размышляя над происхождением шабашей ведьм. Скорее всего, это эхо древней греческой традиции. Вакханки и фавны... Сходство с козлорогими... Божок Пан... Мистерии во время праздников, посвященных богу Дионисию... Какие-то общины переносили их из века в век. А быть может, просто обаяние античной литературы повлияло таким образом на воображение людей эпохи Возрождения?

В многовековой истории все имели своего Дьявола, кроме эпикурейцев, но в средневековье его пока называли лишь черным или злым ангелом... Этот средневековый Дьявол бывал порой простаком, иногда глуповатым, он даже позволял себя обманывать. Это еще не был тот Дьявол, за связи с которым женщины потом горели на кострах или повисали на веревке, куски которой палач продавал в качестве талисмана против зла, а точнее — против Злого Ангела.

Алекс закрыл дверь комнаты и начал спускаться по лестнице, перебирая в памяти известных ему литературных Дьяволов: Веселый Дьявол из Эдмонта... Мефистофель... Хромой Бес...

Он достиг поворота и посмотрел вниз. Хромая и постукивая тростью, к нему приближался сэр Александр Джилберн, тихий и спокойный, с грустной улыбкой на лице.

Глава VI

Джо Алекс начинает понимать

— Я чувствую себя родившимся заново, — сказал Джо весело.

Хозяин провел его в расположенную напротив лестницы большую столовую, где они сели по разные стороны огромного стола, за которым свободно могли пообедать три дюжины персон.

— Не зная ваших кулинарных вкусов, я велел приготовить пару гренок, фасоль и фруктовый сок. Крепкие напитки с некоторых пор всегда стоят на столе, ибо, признаюсь, — Джилберн улыбнулся с мнимой веселостью, — что в последнее время я пью несколько больше, чем следовало бы.

Он умолк. Алекс тоже не отзывался, ожидая, пока уйдет старый Остин. Как только двери за слугой закрылись, Джилберн сказал:

— Я постарался собрать все, что может вас заинтересовать. В библиотеке отложены все книги и документы, касающиеся деятельности Дьявола в этих краях, а также то, что я собрал после смерти Патриции. Здесь же находится та книга с оттиском копыта и снимки следов, которые появились в гроте месяц назад, а также в прошлое воскресенье.

— А как называется книга, которая... на которой Дьявол оставил свой след? — непринужденно спросил Джо, намазывая хлеб.

— Что? — Джилберн, казалось, на долю секунды растерялся, потом спокойно ответил: — «Пигмалион» Бернарда Шоу.

Алекс кивнул головой, потом указал взглядом на стоявшую посреди стола небольшую пузатую бутылку, в которой находилась совершенно прозрачная зеленая жидкость.

— Никогда в жизни не видел напитка такого цвета...

— Ах, это... — казалось, Джилберн снова был удивлен скачками мысли своего гостя. — Кэтрин, жена моего старого Остина, родом, как и он, из деревни Норфорд. Деревня, помимо того, что была родиной тех четырнадцати повешенных некогда несчастных, славится тем, что почти каждая местная женщина хорошо знает все лекарственные травы и умеет при-

готовить из них все, что пересказала по памяти и передала по наследству ее бабушка или мать. Между прочим, они делают изумительные настойки из трав, имеющие вкус и запах, совершенно неизвестные в других местах. Вот это, например, вытяжка из можжевельника и особого сорта шишек, собранных в строго определенную пору года. Я не могу сообщить вам точный рецепт, потому что Кэтрин, хотя и является верным и преданным мне человеком, никогда не говорит о своих рецептах ни с кем, кроме своей дочери. Впрочем, я и не настаивал.

Джилберн взял бутылку и наполнил рюмки.

— За успех ваших исследований и их счастливый исход.

Говоря это, Джилберн не улыбнулся. Алекс поднес рюмку к губам и выпил после секундного колебания. В первый момент он не почувствовал ни вкуса напитка, ни его крепости. Но спустя некоторое время слегка запекло во рту, и он ощутил аромат леса, отдаленно напоминающий тот, которым пахнут средства для приготовления хвойных ванн, только острее и менее косметический. «Более мужской», — как определил про себя Джо.

— Великолепный напиток! — сказал он. — Совсем не похож на обычную можжевелевую настойку. Надо полагать, что при таком совершенстве по традиции к ним перешли также несколько недурных способов травить своих врагов.

— Наверно. Хотя я никогда не слышал ни об одном случае отравления в нашей местности.

— Быть может, эти яды столь совершенны, что врачи выписывают обычные свидетельства о смерти, — улыбнулся Алекс. — Но прошу вас не думать, будто я постоянно говорю обо всем с профессиональным уклоном. Оставим этих добропорядочных женщин их отварам и ступкам. Наш маленький домашний Дьявол либо действует один, либо имеет куда более просвещенных сообщников, если вообще их имеет и если вообще действует.

— Я тоже так думаю.

— Вот-вот, — Джо поднял брови. — И именно это меня больше всего удивляет.

— Что? — спросил Джилберн с удивлением.

— То, что вы внутренне соглашаетесь с версией об убийстве, но не сказали мне ни единого слова о том, кого вы подозреваете в совершении этого убийства, или по крайней мере, у кого мог быть хоть какой-нибудь мотив.

— Но я не имею ни малейшего понятия, кто бы мог это сделать и действительно не знаю, кто бы мог иметь хоть какой-нибудь мотив.

— И тем не менее, вы думаете, что она убита. Следует помнить, что, убивая человека, преступник должен иметь то, что называется сильным мотивом, настолько сильным, что он заставляет его преодолеть страх перед наказанием. Многие люди, вероятно, убивали бы других по совершенно незначительным поводам, если бы не боялись, что, убив кого-то, они сами понесут суровую кару от руки общества. Каждый потенциальный убийца, будь он даже без всякой совести и морали, должен об этом подумать. Я сейчас говорю о преступлении с заранее обдуманном намерением. А ведь такого рода убийство, да еще с использованием предметов дьявольского реквизита, должно было быть тщательно и в деталях продумано, и действовал при этом разум быстрый, живой, ловкий, хотя и совершенно безнравственный. Поэтому я вас спрашиваю, видите ли вы какую-нибудь причину, ради которой кто-нибудь мог бы убить миссис Патрицию Линч?

Джилберн на минуту задумался.

— Нет, никакой, — сказал он тихо. — Я думал об этом уже сто раз. Здесь, в моем кабинете, сидя в одиночестве с карандашом в руке, я записывал всевозможные комбинации людей и мотивов, которыми они могли

руководствоваться. Нет, не знаю. Она не была богатой, у нее не было наследников, не было личных врагов и, насколько я знаю, она не совершила в своей жизни ничего такого, что заставило бы кого-нибудь желать ее смерти.

— «Насколько я знаю»... Значит, у вас нет стопроцентной уверенности. А что вы знаете о тех годах, которые она провела в Африке?

— Очень немного. Из ее слов следовало, что она вела там скромную, бесцветную жизнь, а годы проходили без всяких потрясений до момента, когда он... ее муж умер. Впрочем, если бы вы знали Патрицию, вы сразу поняли бы, что у нее просто не могло быть смертельного врага. Она была необыкновенно доброй женщиной.

Джо подумал, что эта необыкновенная доброта не помешала ей когда-то бросить влюбленного в нее Александра Джилберна и сделать его несчастным на всю жизнь. Но вслух он, конечно, об этом не сказал.

— Возможно, она была несколько упрямой, как все Эклстоуны, — продолжал хозяин дома, — но это все. Впрочем, могу поручиться в одном: Патриция ничего не опасалась. Я слишком долго работаю в судебных органах и встречал слишком много различных людей, чтобы не заметить страха в поведении человека. Это чувство, которое труднее всего скрыть. А кроме того... должен признаться, что я рассматривал это дело и с такой точки зрения. Ведь даже если бы во время ее пребывания в Африке и случилось что-то вызвавшее чью-нибудь ненависть к ней, то умерла-то она в закрытом на ночь доме, стоящем над скальной пропастью, доме, куда никто чужой не имел доступа. Этот аргумент кажется мне решающим.

— Да... — Джо помолчал. — А не появился ли тогда в окрестностях кто-нибудь чужой? Ну, скажем, какие-нибудь туристы? Люди, производящие обмер земли? Собиратели бабочек? Бродяги? Странствующие ремесленники? Словом, кто-нибудь чужой, безотносительно причины его появления.

— Нет. Никто. Я проверил это самым тщательным образом, вместе с полицией. Никого чужого в окрестностях не было. А как вы, вероятно, заметили, это не то место, где чужой мог бы пребывать длительное время, необходимое для убийства, оставаясь при этом совершенно незамеченным. Впрочем, помимо отпечатков копыт в гроте, все, что случилось, произошло в доме, и притом ночью, когда дом всегда заперт. Когда вы увидите Норфорд Мэнор, вы сразу поймете, насколько неправдоподобно выглядит версия, будто кто-нибудь мог войти туда незамеченным. В отличие от почти всех сельских поместий, этот дом располагает входом лишь с одной стороны, — к этому архитектора вынудило его расположение. Для поставщиков продуктов много лет назад пробита маленькая дверь в стороне от главного входа, но она тоже крепко запирается на ночь, и чтобы попасть в дом, нужно пересечь комнату кухарки, которая тоже закрывает свою дверь на ночь. Кроме того, здесь же рядом, в гуще деревьев, находится домик садовника, у которого в то время была еще собака, всегда сидевшая ночью на цепи перед домом.

— Была? Значит, сейчас ее уже нет?

— Нет. Собака недавно издохла. Она съела крысиную отраву, которую тут постоянно разбрасывают, потому что крысы любят это древнее здание, и хотя война с ними продолжается уже триста лет, они держатся стойко.

— Но в день смерти миссис Патриции, или точнее, в ту ночь, собака была еще жива и находилась, как обычно, на цепи перед домом?

— Да... Я даже подумал о ней во время похорон Патриции. Вы знаете, бывает, что какие-то нелепые мысли приходят человеку в голову в самые трагические моменты, когда, казалось бы, человек не может думать ни о

чем другом, кроме своего несчастья. Так вот, я подумал тогда, что эта собака не выла, хотя Патриция умерла. Обычно считается, что собаки знают, когда кто-нибудь умирает, и своим воем дают об этом знать.

— Не обязательно... — Джо покачал головой. — Они ведут себя определенным специфическим образом, когда умирает их хозяин, а некоторые якобы даже проявляют беспокойство, находясь в это время на большом расстоянии. Эта особенность до сих пор недостаточно выяснена наукой. Собаки могут также выть при виде покойника или почуяв запах крови, но их вой и беспокойное поведение, когда они не могут увидеть, услышать или почуять нечто необычное, относится к суевериям вроде того, что если ветер воет, то кто-нибудь в округе повесился... Значит, потом эта собака издохла. Да, это бы указывало, что она погибла случайно, если только...

— Если только... что? — тихо спросил сэр Александр голосом, который вдруг показался Алексу слегка охрипшим.

— Если только смерть этой собаки не входит в план, разработанный убийцей с целью совершения следующего преступления.

— Но кто? Выходит, это может быть лишь кто-то из домочадцев?

— Вот именно. И тут мы возвращаемся к мотиву убийства. Миссис Патриция Линч, будучи дочерью такой богатой особы, как Элизабет Эклстоун, должна была стать обладательницей значительного имущества. Кроме того, ее касаются, вероятно, и наследственные права. Вы знакомы с завещанием миссис Элизабет Эклстоун, если оно вообще существует?

— Да. Существует. Я знаю его. Ведь я являюсь ее юристом. Но даже самого поверхностного знакомства с этими людьми и с этим завещанием достаточно, чтобы отбросить любые предположения. По воле случая завещание было засвидетельствовано именно в этой комнате. Впрочем, я являюсь его единственным хранителем и исполнителем.

— У вас есть его копия?

— Да.

— А я мог бы на нее взглянуть?

— К сожалению... — сэр Александр развел руками, — в завещании есть оговорка, требующая соблюдения абсолютной тайны до дня смерти старой леди, и я обязан ей следовать. У меня нет никаких моральных оснований для нарушения этой оговорки, ибо миссис Элизабет Эклстоун вызвала меня к себе, чтобы составить завещание, еще два года назад. Тогда она была в полном умственном и частично физическом здравии, и ничто не предвещало того страшного и полного паралича, который впоследствии превратил ее в живой труп и лишил возможности какого-либо контакта с миром и людьми. У нее осталось лишь зрение и ничего больше... Но вернемся к завещанию. Она вызвала меня и поручила составить документ с выражением ее последней воли. Затем она условилась со мной, что прибудет сюда на следующий день и подпишет этот акт в присутствии двух свидетелей, которые будут приведены к присяге о неразглашении. Я думаю, она не хотела, чтобы в Норфорд Мэнор знали даже о самом факте составления завещания. Сестра милосердия привезла ее сюда в кресле на колесиках. Между нашими домами дорога ровная и твердая, а миссис Элизабет тогда еще любила длительные прогулки по свежему воздуху. Я думаю, что эта девушка, Агнес Стоун, должна быть очень крепкой, чтобы целыми милями толкать впереди себя тяжелую коляску со своей госпожой. Старая леди прибыла сюда и подписала составленное мной завещание, которое я вскоре соответствующим образом оформил в Лондоне. Оригинал находится в ее банковском сейфе вместе с драгоценностями, а копия — у меня, в огнеупорном сейфе, стоящем в моей спальне.

— Я спросил о завещании, прежде всего потому, что, когда вы посетили сегодня утром мою лондонскую квартиру, то упомянули, что каждый месяц от имени миссис Эклстоун вы переводили определенную сумму денег ее дочери, которая находилась тогда в Африке. Это происходило уже после смерти Джекоба Эклстоуна, верно?

— Да.

— Так вот это меня удивило. Вообще-то, в нашей стране существует обычай, который, кажется, даже узаконен и по которому человек после смерти оставляет часть наследства своей жене, а остальную часть — своим детям, если только не входят в расчет особые права наследственного майората¹. Поскольку из ваших слов вытекало, что дочь столь богатого человека, как Джекоб Эклстоун, оказалась после смерти зависимой от благосклонности матери, я предположил, что отец, по-видимому, лишил ее наследства из-за неудачного брака, заключенного без согласия родителей. Не так ли?

— Нет... — Джилберн решительно покачал головой. — Джекоб Эклстоун сильно переживал из-за такого поступка дочери, но он слишком любил своих детей, чтобы лишить кого-нибудь из них наследства, не будучи к этому вынужденным. А факт, что Патриция предпочла мне кого-то другого, трудно было бы посчитать преступлением. — Он горько усмехнулся. — Дело обстоит совсем иначе. Элизабет и Джекоб были очень хорошими, любящими супругами, они полностью доверяли друг другу. В то время, как он провел большую часть жизни в Малайзии, выжимая из несчастных каучуковых деревьев свое богатство, она занималась здесь домом, воспитывала детей и, в известном смысле, управляла всем именем, инвестируя капитал и даже нанимая людей, необходимых мужу в колониях. Словом, она была его правой рукой на территории Англии. Таким образом, они достигли значительно большего, чем если бы она была лишь домашней курицей, поглощенной кухней и детской комнатой, или дамой, транжирящей состояние мужа на наряды и драгоценности. Джекоб доверял ей настолько, что, умирая, оставил ей все свое состояние, поручив в нескольких словах ее рассудительности и доброй воле заботу о детях, их содержание и передачу им сумм, которые она сочтет необходимым, если кто-нибудь из них захочет посвятить себя бизнесу или работать в промышленности. Таким образом, Элизабет Эклстоун стала полноправной владелицей всего состояния, а ее взрослые дети трактовались как младенцы, которые станут совершеннолетними лишь в день смерти матери...

— А это не привело к каким-либо разногласиям в семье?

— Напротив. Патриция в момент смерти отца находилась далеко, а поскольку он умер от сердечного приступа во время инспектирования одной из плантаций и был похоронен в Куала-Лумпур, она даже не присутствовала на его похоронах. Впрочем, мать посылала ей вполне приличную сумму на содержание дома в Йоханнесбурге, а Патриция в той ситуации, в которой она находилась, по-видимому, не имела никаких причин для увеличения своих расходов. Лишь однажды, когда появилась надежда на результаты применения очень дорогого препарата для лечения мужа, она написала матери и немедленно получила от нее сумму, в два раза большую, чем просила. И если прибавить к этому ежегодные, весьма солидные чеки

¹ Майорат — законодательная норма, запрещающая раздел земельного надела между наследниками. Во избежание феодального дробления родовых земель в Средние века и в начале Нового времени во многих странах Европы действовали законы, требовавшие передачи земельного надела одному наследнику, а младшие были вынуждены идти на государственную службу, заниматься коммерцией, принимать постриг или становиться разбойниками.

на день рождения и на Рождество, то вы поймете, что Патриция не испытывала ни малейших денежных затруднений. Что касается ее брата, Ирвинга Эклстоуна, живущего сейчас в Норфорд Мэнор, то его вообще не интересуют деньги. Его не интересует даже дочь. У него лишь одна страсть, и этой страстью, как вы знаете, является Дьявол, а человек, который даст Ирвингу старинную рукопись, иллюстрированную хвостатыми и рогатыми фигурками, или пригласит выступить с лекцией на тему о галлюцинациях Люцифера во время его пребывания в Виттенбергском монастыре, окажет ему самую большую услугу, какую ему можно оказать.

— А его жена жива? Вы не упомянули о ней, говоря, что у Ирвинга есть дочь.

— Нет. Она умерла при рождении Джоан. Ирвинг женился, когда был очень молод. Он сделал это, как я полагаю, под давлением матери, обеспокоенной его одиночеством и фанатичным отношением к книгам. После смерти жены маленькой Джоан занялись гувернантки и бабушка, он же воспринял смерть жены и рождение дочери не более как два непредвиденных обстоятельства, отрывающие его от любимых древних рукописей. Если говорить о его финансовых делах на данный момент, то теперь, так же как и раньше, еще до смерти отца, счета его портных, стоимость проживания в Лондоне, зарплата прислуги и так далее немедленно оплачиваются. Миссис Эклстоун никогда и ни в чем его не ограничивала. В этом, впрочем, не было никакой нужды, ибо Ирвинг вообще не расходовал бы на себя деньги, если бы его время от времени не заставляли покупать новые башмаки или галстук. Он вообще не думает о таких вещах. Единственные его большие расходы — это книги. Он скупает старинные издания, иногда даже по очень высоким ценам, а его демонологическая библиотека относится к самым богатым в мире, если не самая богатая. Но даже если бы все эти книги были отлиты из чистого золота, состояние Эклстоунов не ощутило бы ни малейшего видимого потрясения. Кроме того, практичный ум старой леди подсказывал ей, что собирание столь значительной книжной коллекции является примерно тем же, что скупка акций, а быть может, чем-то даже более надежным, поскольку коллекция сама по себе стоит массу денег, и цена ее возрастает с каждым новым томом. Кроме того, Ирвинг ведь и сам имеет немалые доходы от своих книг и лекций. Он специалист с мировой известностью, и если даже, по моему мнению, ему и недостает чуточку артистизма, которым должен обладать каждый великий исследователь, то знания его все же очень велики, а учитывая, что ему еще нет и пятидесяти, — просто феноменальны. Но понятно, что человек, имеющий одно-единственное увлечение, конечно, легче может достичь совершенства в избранном предмете.

— А его дочь, миссис Джоан Робинсон, и ее муж Николас, они оба что — тоже испытывают непреодолимое отвращение к деньгам? — Джо улыбнулся. — Это странно, но мне кажется, что вы верите в полное безразличие всех людей к огромному богатству, лежащему на расстоянии их вытянутой руки.

— Когда я закончу рассказ, вы поймете, что я действительно так думаю и имею основания верить в это. Если речь идет о Джоан, то она не является наследницей до тех пор, пока живы ее бабушка и отец. А завещание содержит определенные условия, по которым наследницей она и вообще может никогда не стать. Но я не хотел бы говорить о завещании по причинам, о которых я уже упомянул. Джоан действительно не заботится о деньгах, хотя бы потому, что ее муж Николас зарабатывает их теперь очень много, и я думаю, что они имеют гораздо больше денег, чем могут истратить. Джоан добрая, искренняя и, быть может, даже слишком прямолинейная девушка,

и лишь тем похожа на отца, что у нее тоже есть только одно увлечение, которое превратилось в настоящую страсть, отодвигающую все остальное на задний план.

— Живопись?

— О, нет. Джоан интересуется живописью настолько, насколько хорошая молодая жена должна интересоваться тем, чем занимается ее муж. Сама же она обладает иным, дарованным ей природой талантом, если, конечно, можно это назвать талантом в полном смысле этого слова. Я имею в виду ее способность быстро бегать. Джоан — чемпионка нашей сборной по бегу на короткие дистанции и претендентка на золотую медаль на ближайших олимпийских играх.

— Что? — удивился Алекс. — Так это та самая Джоан Робинсон?! Имя и фамилия создают вместе такую распространенную комбинацию, что я никак не связал дочь мистера Ирвинга с девушкой, которую несколько раз видел на соревнованиях. Это прекрасная бегунья. Не знаю, лучшая ли она в мире, но наверняка одна из нескольких лучших. А что она тут сейчас делает? Ведь до Олимпийских игр осталось два месяца. Я думал, что перед столь важными соревнованиями спортсмены проходят специальные тренировки в каких-нибудь особых лагерях...

— Об этом вы должны спросить саму Джоан, — Джилберн развел руками. — Я, к сожалению, не специалист в этих делах и лишь иногда хожу на футбол, если хочу в субботу подышать свежим воздухом после какого-нибудь тяжелого судебного процесса. Но мне кажется, что у нее есть личный план тренировок, а эти леса действуют на нее очень благотворно. Бегаёт она очень много, и по дорожкам, и по лесу. Если вы захотите перед сном прогуляться со мной в сторону Норфорд Мэнор, мы наверняка ее встретим, потому что в это время она всегда бегаёт по аллее, где мы будем идти.

Сэр Александр Джилберн встал.

— Не могли бы вы теперь показать мне ту книгу и снимки оттисков в Гроуте? — спросил Алекс, тоже вставая из-за стола. — Я хотел бы, наконец, как-то упорядочить для себя все эти детали. Вы уже обдумали какой-нибудь план моего появления в Норфорд Мэнор?

— Завтра утром я позвоню Ирвингу и скажу ему, что ко мне приехал знакомый адвокат, демонолог-любитель, мистер Джеймс Коттон, который просто мечтает с ним познакомиться и взглянуть на его коллекцию. Кстати, вы должны знать, что у него в доме есть три большие комнаты, доверху набитые всякими дьявольскими атрибутами, а некоторые из них потрясают даже дилетанта. Я убежден, что он проглотит крючок, не моргнув глазом, и немедленно вас пригласит... А теперь я покажу вам эту книгу и снимки. — Он снял трость со спинки кресла и, постукивая ею, двинулся в сторону широкой двойной двери, ведущей в библиотеку.

Джо отправился за ним. Лицо его выражало столь глубокую задумчивую отрешенность, словно он спал наяву.

Глава VII

«Я знаю лишь одного такого человека...»

Джилберн открыл большой, запертый на ключ шкаф, вынул оттуда книгу и подал Алексу, который осторожно взял ее и открыл там, где между страниц лежала узкая закладка. Книга была карманного формата, в мягком переплете, как и все дешевые издания «Penguin Books». Закладка находилась между страницами сто десять и сто одиннадцать. Там было очень

мало текста. Одну страницу частично занимали две иллюстрации, изображающие дам, а почти всю правую страницу занимал портрет джентльмена с тростью.

— Это иллюстрации Топольского, не так ли? — Джо глянул на титульный лист. — Да. Какой прекрасный художник... — Говоря это, он с интересом разглядывал полукруглый грязный след чего-то, похожего на оттиск небольшой лошадиной подковы заостренной формы, напоминающей готическую арку. Алекс поднял открытую книгу и посмотрел на свет: — Оттиск совершенно четкий, а это значит, что либо этот предмет был очень тяжел, либо его придавили с большой силой... Вы говорили, что, когда он был влажным, вместе с ним к бумаге прилипли крупницы песка?

— Да.

— И вы отдали их на экспертизу?

— Да. Вместе с образцами, собранными в Гроуте, в тех местах, где мы нашли следы. Специалисты геологической лаборатории подтвердили полную идентичность образцов, причем песок однозначно определен ими как взятый из одного и того же места. Они проверяют это при помощи дополнительного анализа, определяющего химический состав веществ, сопутствующих крупницам песка, прилипшим к ним или связанным с ними каким-нибудь образом. После этого я собрал песок с целого ряда мест в парке и прилегающих зонах, там, где он больше всего напоминает по цвету и зернистости тот песок в гроте, но анализ оказался полностью отрицательным. Это еще больше убедило меня, что в лаборатории знают, что говорят...

Он передал Алексу несколько листов бумаги, содержащих лабораторные заключения. Джо посмотрел их и кивнул головой.

— Да, понятно... — сказал он. — Если следы найдены в гроте и на книге, это означает, что они являются результатом каких-то разумных действий. Кто-то ведь сделал все это, заранее предвидя, что заинтересованные лица будут вынуждены собрать пробы, образцы и тщательно проанализировать их. И следы эти возникли только ради этого. Других причин я не вижу.

— Но кто же?

— Дьявол, разумеется, — Алекс взял увеличенные снимки следов в Гроуте. Здесь оттиски выглядели гораздо четче, а яркий свет вспышки, при которой были сделаны снимки, выявил каждую, даже мельчайшую деталь, оттиснутую в гладком мокром песке.

Джо сравнил их с оттиском на книге. Они были очень похожи, если не идентичны. Только сейчас он заметил, что в одном месте, прямо за краем отпечатка следа, текст «Пигмалиона» был как бы поцарапан чем-то острым. Алекс тихонько провел пальцем по бумаге.

— И я это заметил, — Джилберн показал место на фотографии. — Посмотрите: у него здесь сзади что-то вроде когтя, и этим он легко вминает землю, а в книге поцарапал бумагу.

— Вижу... — Джо вернул оба снимка. — Мы все время вынуждены рассматривать одну и ту же сторону проблемы. — Он подошел к окну и некоторое время смотрел на высокую пожилую женщину, которая шла, выпрямившись, с маленькой мотыгой на плече, огибая большую клумбу, усаженную дикорастущими кустами белых роз. Потом повернулся и посмотрел на хозяина, который уже закрыл шкаф и стоял неподвижно, ожидая следующих слов Алекса. — А продвигаясь дальше в рассмотрении этой стороны, мы должны неустанно задавать себе вопрос: зачем кому-то хотелось, чтобы мы видели в этих событиях руку... или точнее, ногу Дьявола? Он ведь не мог рассчитывать на то, что какой-либо современный

разумный человек со средним образованием поверит ему, правда? Тогда чего же он хотел?

Минуту оба молчали. Сэр Александр открыл рот, как бы желая что-то сказать, но не произнес ни слова.

— Есть еще одна возможность, — продолжал Джо спокойно, — которая объясняла бы все очень просто: не кто иной, а сама миссис Патриция Линч по неизвестной нам причине сделала оттиски в Гротe, потом в книге, а потом покончила жизнь самоубийством. Конечно, она должна была еще перевернуть портрет. А затем, после ее смерти, кто-то снова должен был сделать отпечатки в гроте и снова перевернуть портрет? Все так очевидно, не правда ли?

— Что вы этим хотите сказать?

— То, что миссис Линч, скорее всего, была убита. Но я ведь точно этого не знаю. Я не знаю также, почему ее должны были убить. Вы, по всей вероятности, не знаете никого, кто имел бы мотив ее убить. Я же, принимая во внимание известные мне неполные данные, знаю лишь одного такого человека... — Он помолчал. — Нет, не одного — двух. Но это всего лишь теоретические предположения, хотя в определенном смысле они мне очень нравятся, потому что одно из них, по всей вероятности, верно.

Джилберн побледнел.

— Неужели вы действительно, уже сейчас, в эту минуту знаете, пусть даже приблизительно, кто убил Патрицию и что вообще ее кто-то убил?!

— Если здесь не имеет места совершенно непредвиденное стечение обстоятельств, то, пожалуй, да... — тихо сказал Джо. — Но такое стечение обстоятельств все же возможно. И прошу поверить, я говорю это отчасти для того, чтобы не распыляться. В конце концов, я должен кое-что понять. Сейчас я стараюсь уточнить детали, которых не понимаю, потому что, как вы знаете, человек лишь тогда может ответить на вопрос, когда понимает суть этого вопроса, а в этом странном деле трудно даже задать кому-либо какой-то конкретный вопрос.

— Кого вы имеете в виду? — быстро спросил Джилберн.

— О, я не могу называть фамилий. Я ведь абсолютно ничего не знаю. У меня есть только определенная концепция...

— Вы имеете в виду меня? — спросил сэр Александр, явно стараясь скрыть охватившее его волнение.

Джо не ответил.

— Да! Вы имеете в виду меня! Вы приняли во внимание, что когда-то давно я мог поклясться отомстить ей, а потом, когда она вернулась, я разыграл комедию с моим предложением, для создания себе алиби... а потом убил ее... Но вы не имеете права так думать! Клянусь вам — я не убивал ее. Вы должны мне поверить, иначе вы никогда не найдете настоящего убийцу!

Он смотрел на Алекса глазами, в которых таилось столько же боли, сколько изумления.

— Я хотел бы обратить ваше внимание на две маленькие детали... — сказал Джо. — Во-первых, я не сказал ни одного слова о том, что подозреваю вас. Это вы так отреагировали, когда я высказал свою маленькую концепцию о двух подозреваемых. Во-вторых, если бы вы убили Патрицию Линч, желая отомстить ей за то, что она когда-то покинула вас, то... Однако не будем говорить об этом. В этом деле очень много вопросительных знаков. А моя концепция может оказаться бессмысленной. Мне не следовало затрагивать эту тему сегодня, в вашем присутствии. Я допустил ошибку...

Но Алекс сказал это таким тоном, словно сам не верил, что допустил ошибку. Однако сэр Александр не слышал его. Он стоял, вглядываясь в

лес за окном, а по его лицу пробежала легкая дрожь, которая внезапно показалась Алексу похожей на колебания земной коры, терзаемой в глубине сейсмическими катаклизмами, лишь слабый след которых достигает поверхности. Он мягко прикоснулся к руке хозяина.

— Пойдемте, — сказал он тихо. — Я здесь затем, чтобы выяснить правду, а мне кажется, что и вы говорили о своем желании ее отыскать.

Джилберн поднял голову.

— В конце концов, вы поступаете именно так, как я хотел. Вы с первой же минуты рассматриваете все возможности. А если иногда это мне неприятно, так ведь важна наша общая цель, а не мои мелкие эмоции...

Он взял трость и двинулся к двери.

Алекс пошел за ним. На лице его появилось то же мрачное выражение, что и тогда в полдень, когда он вел машину в сторону здания Скотленд-Ярда. И сейчас Джо боялся. Боялся за жизнь неизвестного ему человека, которого вскоре мог убить неизвестный убийца, потому что Джо Алекс знал, что нет никакого способа предотвратить надвигающееся преступление, если этот убийца решит нанести удар очень скоро, быть может, уже сегодня... И в эту минуту, впервые в жизни, он хотел ошибиться. Хотел, чтобы одна зловещая логическая конструкция, которую он успел выстроить, даже еще не приблизившись к Норфорд Мэнор и ни к одному из его обитателей, рухнула бы и заставила его посмеяться над самим собой. Но он боялся, потому что давно уже знал силу своих логических построений. Хотя, конечно, могло существовать и какое-то совсем иное решение.

Глава VIII

Графство, истерзанное ведьмами

Джилберн поднял трость и указал на отдаленную точку над кронами деревьев.

— Это Норфорд Мэнор. Нас отделяет от него ровно одна миля. Сейчас дом кажется далеким, но бывают дни, когда у меня возникает ощущение, что он за ночь придвинулся. Все зависит от поры дня, времени года и прозрачности воздуха. Там, справа, находится Дьявольская скала. Когда пойдем в ту сторону, мы не будем видеть ни ее, ни дома, потому что дорога идет через лес, и только когда окажемся у входа в парк, мы увидим ее снова. Вид будет несколько неожиданный, потому что парк заложен очень импозантно. В сторону дома ведет вверх террасами аллея могучих грабов, между которыми расположены клумбы и цветочные поля. Очевидно, сэра Джон хотел таким образом восполнить небольшие размеры резиденции, три стороны которой представляют собой обрывы над пропастью.

Они молча двинулись, обходя клумбу с розами. Джо еще раз взглянул в сторону дома на пригорке. Ему были видны второй этаж и остроконечная крыша, покрытая позеленевшей листовой медью. Он сосчитал маленькие, белые окна, в которых отражались вечерние облака, ползущие с юга. Да, дом действительно был невелик.

Они обошли клумбу и очутились на тропинке, пересекающей зеленый луг, поросший нестриженной травой и полевыми цветами. Луг тянулся до самой стены ограды. В конце тропинки Джо заметил в стене прямоугольник калитки.

— Моя мать любила этот луг... — сказал Джилберн, и словно не отдавая себе отчета в присутствии гостя, продолжал так, будто беседовал наедине с собой. — Она хотела, чтобы он всегда оставался таким, как сейчас. Только

здесь она сеяла разные полевые цветы, которые растут и поныне... Я тоже люблю этот зеленый простор — он дает дому дыхание. Впрочем, я бы и не смог здесь что-нибудь изменить... Патриция тоже любила этот луг. — И как будто спохватившись, что гость может быть удивлен этим его монологом, прибавил более деловым тоном: — Дикорастущие сады мне нравятся больше хорошо ухоженных парков. И этим я, вероятно, отличаюсь от большинства наших земляков, хотя на континенте английским парком называют парк в его естественном состоянии. Но англичанин не успокоится, пока не подрежет несколько веток и не испортит куска земли этим ужасным приспособлением, которое мы именуем машиной для стрижки газонов.

Джо произнес несколько общих фраз.

Солнце опустилось так низко, что его лучи не касались сада. Только Норфорд Мэнор и Дьявольская скала сверкали, как два белых пятна на темнеющем небосклоне.

Они шли молча, окутанные покоем предвечернего воздуха и затихающими голосами птиц.

— Здесь очень красиво, — вымолвил, наконец, Джо. — Я не удивляюсь тому, что Дьявол решил поселиться именно тут.

Они приближались к калитке, и когда оставалось всего несколько ярдов, она вдруг открылась, и Джо увидел высокую, красивую, темноволосяную девушку в простом черном платье. В руке она держала плетеную ивовую корзину. Увидев Джилберна, девушка приостановилась и сделала реверанс. Алекс заметил, что, приветствуя сэра Александра, она успела и его окинуть коротким любопытным взглядом, но тут же опустила глаза.

— Добрый вечер, сэр, — сказала она тихо. — Уже созрели первые яблоки, и мистер Эклстоун посылает их вам с наилучшими пожеланиями, сэр... А здесь свежий салат. Филд спрашивает, не нужно ли вам еще что-нибудь из сада? — ее глаза на секунду встретились с глазами Алекса. Она покраснела и быстро отвела взгляд. Девушка теребила в руке корзинку движениями, подобными тем, которыми молодой актер, не зная, что делать со своими руками, теребит пуговицы на пиджаке.

Джо с интересом разглядывал ее. У девушки были густые, сросшиеся брови, и она скорее походила бы на итальянку, чем на англичанку, если бы не голубые глаза, красиво контрастирующие с черными волосами и смуглой кожей. Платье указывало на то, что девушка, очевидно, служит горничной в Норфорд Мэнор.

— Спасибо, Синди. Если я встречу сэра Ирвинга на прогулке, то сам поблагодарю его, а если нет, сделай это от моего имени. Относительно сада спроси у своей матушки. Она принимает решения о том, что будет на столе.

Он улыбнулся девушке и направился к калитке, а Джо последовал за ним. Девушка удалилась в направлении Велли Хауз.

Когда они прошли через калитку и оказались в аллее бегущих через лес, ровно высаженных каштанов, Джилберн сказал:

— Это была Синди Роулэнд, дочь моего старого Остина и Кетрин. Она горничная у Эклстоунов.

— Это она оба раза первой заметила, что портрет перевернут?

— Да. Она первой встает и обычно сразу заходит в библиотеку, потому что там остаются чашки, стаканы и пепельницы после вечерних бесед.

— Красивая девушка. Не много же, однако, приезжает сюда посторонних, если горничные так краснеют при виде незнакомого мужчины.

— Вы правы. Вся ее жизнь проходит в районе наших двух домов. И лишь по воскресеньям слуги идут в церковь в Блю Медоуз. Тут насто-

ящее безлюдье. Но если речь идет о Синди, то, пожалуй, ей пора замуж. Такие молодые, здоровые девушки с черными волосами и блестящими глазами становятся немного безответственными, если долго живут в девичестве. Впрочем, Синди довольно странная девушка.

— Странная?

— Да. Родом она, как я вам уже говорил, из деревушки Норфорд, и род ее, вероятно, проживает в этих краях дольше, чем род Эклстоунов или мой. В году тысяча пятисотом был крещен в нашем приходе некий Остин Роулэнд, а мой старый Остин является его потомком по прямой линии. Но вы спрашивали меня, почему Синди странная девушка? Вот, например: еще подростком Синди провела ночь в Дьявольском гроте, потому что хотела увидеть Дьявола. Мы все искали ее тогда до самого утра, так как опасались, что она упала с обрыва. Здесь есть несколько таких мест, где следует быть очень осторожным — можно свалиться с высоты многоэтажного дома. Утром Синди вернулась домой и спокойно заявила, что она его не встретила. Разумеется, Остин устроил ей хорошую трепку, но мне кажется, что в душе он гордился ее смелостью. Потом, когда она начала работать в Норфорд Мэнор, Ирвинг Эклстоун как-то сказал ей в шутку, что женщины со сросшимися бровями чаще всего бывали ведьмами. Не знаю, поверила ли она этому, но он рассказывал мне, что однажды застал ее в библиотеке погруженной в изучение какой-то древней рукописи. Щетка и пылесос без дела лежали рядом. Ирвинг, конечно, обрадовался, так как сам факт интереса к Дьяволу является, по его мнению, признаком выдающегося интеллекта. Он тут же начал рассказывать ей об истории деревушки Норфорд и о ведьмах из этих мест. Он говорил мне, что Синди пыталась у него, в чем заключались те чародейства, в которых их обвиняли. Ирвинга это очень забавляло. Мне кажется, они с тех пор в большой дружбе, и он разговаривает с ней гораздо чаще, чем с Джоан, которая, как я подозреваю, в глубине души считает своего отца тихим, безобидным сумасшедшим.

— Боже мой! — вздохнул Джо. — Что ж это за место такое! Стоит лишь пройти мимо красивой девушки, как тут же оказывается, что она в когтях у нашего недоброго знакомого. Почему вы не рассказали мне об этом раньше?

— В Лондоне? Но, я полагаю, вы не придаете значения... такого рода нелепостям?

— Я, нет. Но мы мало знаем о том, что о них думает Синди Роулэнд. Ведь она несла яблоки и салат...

Они шли в полумраке, под темной крышей каштановых ветвей над головами. Дорога мягко змеилась то влево, то вправо, все время постепенно спускаясь вниз.

— Ну и что из того, что она несла яблоки и салат? — Джилберн остановился и впервые посмотрел на своего гостя с подозрительным недоверием, но тут же двинулся дальше, тяжело втыкая трость в землю.

— О, ничего особенного, — Алекс сорвал растущий на краю тропинки одуванчик и дунул. Белые, едва видимые пушинки поплыли в воздухе. — Но раз уж мы находимся на территории достославного графства Саффолк, о котором уважаемый инквизитор Мэтью Хопкинс сказал, что «оно истерзано ведьмами», я должен сослаться на «Malleus maleficarum», совместное произведение ведущих искателей ведьм в Европе. Они утверждали, что:

1. Дьявол имеет исключительную власть над яблоками, и чем раньше сорвано яблоко, тем хуже для того, кто его ест, если он перед этим не перекрестился.

2. Женщины со сросшимися, черными бровями имеют все шансы оказаться суккубами, то есть Дьяволами в женском обличье.

3. Женщины, имеющие такие брови, решительно склонны к ликантропии¹, то есть к вампиризму или превращению в вурдалаков. В этой книге подробно описан случай, когда одна из таких женщин, обернувшись волком, перегрызла весь скот своей соседки, с которой была в ссоре. К счастью, при этом она была ранена, а раненная в образе зверя ведьма сохраняет рану, возвратившись в человеческое обличье. Ее, разумеется, поймали и сожгли. Не знаю, сожгли ли также всех жителей городка Оссори в Ирландии, которые регулярно, раз в семь лет преображались в волков? Любопытно, что в Италии ведьмы всегда превращались в кошек. Вероятно, уже в то время там не было волков...

4. В довершение ко всему, такие девушки часто имеют красивые длинные черные волосы, связанные на затылке в большой узел. Это означает, что любая из них может даже стать царицей суккубов Лилит, у которой тоже были красивые черные волосы, которых она не прикрывала платком. Она может также стать любовницей Дьявола, поскольку, как известно, он ощущает особое влечение к женщинам с красивыми черными волосами. Поэтому святой Павел велел женщинам покрывать головы. В Италии до сих пор женщине нельзя войти в церковь с непокрытой головой... Ах да, еще салат! Святой Григорий Великий упоминает в своих «Диалогах» о несчастной монахине, которая забыла перекреститься перед трапезой и немедленно проглотила Дьявола вместе с листком салата. Впрочем, это поверье о проглатывании Дьявола, должно быть, возникло гораздо раньше, так как еще при Мессалине еретические сектанты возвели плевание в ранг религиозного действия, веруя, что они выплевывают Дьяволов, проглоченных во время вдоха.

— И люди, как общество, во все это верили? Я говорю не о церковной верхушке, а о большинстве обыкновенных людей.

— Конечно. Люди никогда не нуждаются в особых доказательствах, чтобы уверовать в то, во что они хотят верить. И не только простой народ. Приблизительно около 1610 года, то есть как раз в эпоху сэра Джона Эклстоуна, венгерская графиня Элизабет Надажди, родным дядей которой был польский король Стефан Баторий, убила шестьсот пятьдесят молодых девушек, чтобы вернуть себе молодость, купаясь в их крови. И за это ее даже не постигла кара смерти, хотя исполнители ее приказов были сожжены... Поэтому над моей скромной гипотезой, о которой я пока не хочу с вами говорить, нависла тень деятельности неизвестного маньяка, который в этих дьявольских местах мог быть охвачен тихим безумием и действует вне всех правил современной логики. Эти жутковатые оттиски копыт как будто говорят в пользу такого взгляда, так же как и случай с портретом, меняющим свое положение ночью и при этом явно не тронутым человеческой рукой в процессе этого действия. Но скорее я готов предположить, что...

Он умолк.

— Случаи, о которых вы только что говорили, имели место много веков назад, — сказал Джилберн с некоторым колебанием. — Я не думаю, что современный человек мог бы настолько подвергнуться влиянию суеверий и предрассудков, чтобы совершить убийство.

— Я лишь хотел бы напомнить вам, что пять минут тому назад вы рассказывали мне о молодой девушке, которая как-никак ходила в школу, знает, что такое телефон, радио и телевизор, видит самолеты и автомобили

¹ Ликантропия (от др.-греч. λύκος — волк + ἄνθρωπος — человек) — мифическая или волшебная болезнь, вызывающая метаморфозы в теле, в ходе которых больной превращается в волка.

и пользуется электрическим холодильником. Вы мне говорили, что она провела ночь в гроте, желая встретить там Дьявола, который завладел ее умом до такой степени, что она забывает обо всем на свете, когда видит книгу о нем.

— Я мог бы еще к этому добавить, что Синди ухаживает за змеями Ирвинга Эклстоуна, — сказал Джилберн с улыбкой. — Она их кормит и даже выпускает по одной в сад, чтобы могли «немного погулять». Она в таких случаях не отходит от них ни на шаг, а потом сажает обратно в террариум. А эти существа, мне кажется, ее даже любят. Во всяком случае, совсем не боятся.

— Ах, так он еще и разводит змей? — на этот раз Джо улыбнулся.

— Да, но их всего две. Он держит их в кабинете. Ирвинг утверждает, что их созерцание помогает ему ощутить страх средневекового человека по отношению к существу, которое является символом Дьявола. Эти змеи, между прочим, совершенно безвредные создания, не ядовитые и могут обидеть максимум лягушку или ящерицу. А возвращаясь к Синди, у меня сложилось впечатление, что это очень порядочная, хотя и немного эксцентричная девушка. Все, вероятно, закончится тем, что явится к ней какой-нибудь робкий деревенский парень в воскресном костюме и поведет ее под венец. А через десять лет она станет толстой добродушной крестьянкой, окруженной кучей детей. Я знаю ее с пеленок и не могу представить, чтобы она была способна на какой-нибудь скверный поступок.

— Да-а-а... — Джо взглянул на него в густеющих сумерках. — А ведь вы приехали ко мне сегодня утром, опасаясь, что Дьявол может снова нанести удар. В воскресенье портрет опять повернулся, и появились следы копыт в гроте, где эта барышня отважно проспала некогда всю ночь. Я не утверждаю, что именно она является маниакальным убийцей, но она может им быть. А я ничего не знал об этом еще полчаса назад. И если я узнаю о существовании еще нескольких здешних обитателей, у которых такое же слабое алиби, то дело еще больше осложнится. Потому что — поймите, сэр Александр, — я должен быстро изолировать человека, которого мы все боимся. Если мне это не удастся, еще очень много недоброго может произойти в этом графстве, истерзанном ведьмами.

Перевод с польского Роберта СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО.

Окончание следует.

НЭМАН

10/2016
ОКТЯБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

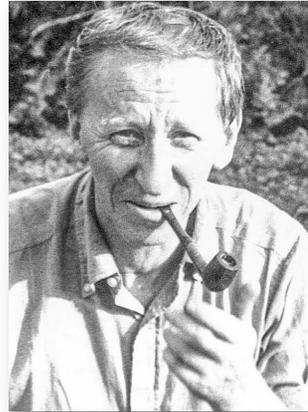
СОДЕРЖАНИЕ

Виктор КОЗЬКО. На крючке. Рыбацкая повесть в рассказах. Окончание. Перевод с белорусского автора	3
Марьян ДУКСА. Молчанием душа удручена... Стихи. Авторизованный перевод с белорусского Г. Киселева	51
Николь ВАЛБЕ. Магази́чик счастья. Рассказы	55
Андрей ТЯВЛОВСКИЙ. Лишь надежда укажет путь. Стихи	67
Станислав ПОДЛИПСКИЙ. Интервью с хиромантом. Рассказ	71
Людмила КЛОЧКО. Еще немного подожди. Стихи	88
«Всемирная литература» в «Нёмане»	
Джо АЛЕКС. Ты всего лишь Дьявол. Роман. Продолжение. Перевод с польского Р. Святополк-Мирского при участии В. Кукуни	91
Институт литературы и искусства имени М. О. Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан	
Светлана АНАНЬЕВА, Аlesia КАРЛЮКЕВИЧ. Мировой литературный процесс XXI века. Серик ТАХАН. Абай на русском языке. Бейбут МАМРАЕВ. Творчество Мухтара Ауэзова — художественная летопись времени. Уалихан КАЛИЖАНОВ. Феномен века. Серикказы КОРАБАЙ. Выразители народного духа. Алимжан ХАМ- РАЕВ. Уйгурская литература СУАР КНР. Айнур КАЛИАСКАРОВА. Современная литература Ирана: историческая тематика и гендерный аспект. Айнур МАШАКО- ВА. Литература Шотландии: от прошлого к современности. Светлана АНАНЬЕВА. «Пишу, чтобы услышать свой голос...» Кадиша НУРГАЛИ. От классического насле- дия — к современности.	135
Культурный мир	
Зоя ЛЫСЕНКО. Русский театр с литовским акцентом	188
Литературное обозрение	
Искусство суждения	
Тимофей ЛЮКУМОВИЧ. Слишком много в сердце и в мире горечи	198
С точки зрения рецензента	
Аlesia МАРТИНОВИЧ. Как ожерелье жемчужины дней	204
Инеcса МОРОЗОВА. Ностальгия по прошлому и настоящему	208
Напоследок	
Литературное содружество	
Китайская литература — мощный канал информации о стране... Интервью с Надеждой Кирносовой. Беседовал Аlesia Карлюкевич	211
Имена	
Кастусь ЛЕШНИЦА. Витебский след в Ашхабаде	217
Память	
Валерий ГРИШКОВЕЦ. Трагедия провинциального романтика	220
Авторы номера	224

Джо АЛЕКС

*Ты всего лишь Дьявол**

Роман

Глава IX

Художник и бегунья

Джо взял Джилберна под руку, и они продолжили прогулку под деревьями...

— Что вы еще можете мне сказать о прислуге в Норфорд Мэнор?

— Немногое. Садовник Филд, о котором только что упомянула Синди, это старый добряк, чьим единственным недостатком являются периодические выпивки. Но он делает это настолько тактично, что никому не причиняет хлопот. Просто время от времени он по воскресеньям берет с собой бутылку виски, отправляется в лес и там, в одиночестве, выпивает ее. Потом отсыпается на лоне природы и вечером возвращается в свой домик. Такого рода походы бывают у него лишь несколько раз в году. А вообще это тихий и добрый человек, который очень любит цветы и Джоан Робинсон. Когда она еще была ребенком, он учил ее тайнам рассаживания, поливки и прополки цветов и овощей. Джоан тоже его очень любит, и сколько раз она бывает в Норфорде, столько раз старый Филд напивается в лесу гораздо лучшим сортом виски, чем он мог бы купить за свои деньги. Кроме того, в доме уже много лет работает кухарка Марта Коули, женщина розовая, полная, в меру тупая и набожная, которая отлично готовит и читает бульварные романы о любви и проблемах аристократов. У нее есть муж и взрослый сын, которые живут в деревне Норфорд, но она заглядывает к ним редко, а они к ней — еще реже. Слуга Джозеф Райс — бывший лакей Джекоба Эклстоуна, полжизни провел с хозяином в колониях. После смерти своего патрона он вернулся на родину и с тех пор живет здесь, находится в распоряжении Ирвинга и, несмотря на свой возраст, заботится о нем, как о маленьком ребенке. Кажется, все...

— А врач и медсестра?

Прежде чем сэр Александр успел ответить, из-за поворота выбежала девушка, одетая в белый спортивный костюм. Даже в полумраке было видно, что бежит она мягко и легко, как молодое животное, не отдающее себе отчета в том, что ускорение движения требует каких-то усилий. Увидев их, она замедлила бег и остановилась.

— Добрый вечер, дядя Александр! Как хорошо, что ты уже приехал! — Она невольно взглянула на Алекса.

— Это мистер Джеймс Коттон, мой друг, — сказал Джилберн и, указывая на девушку, добавил: — миссис Джоан Робинсон.

Джо Алекс поклонился.

* Продолжение. Начало в № 9 за 2016 г.

— Я восхищался вами много раз, — сказал он с улыбкой, — должно быть, это большое удовольствие — опережать других.

— И большое огорчение, когда это не удается, — Джоан рассмеялась. Она была высокая, худощавая и очень красивая. Ее светлые, почти белые волосы были подстрижены очень коротко, в манере, которую так любили древнеримские юноши. Джоан обратилась к сэру Александру: — Может, наконец, нам удастся собрать четверку партнеров для бриджа завтра или в воскресенье?

— У меня гость, — Джилберн вопросительно посмотрел на Алекса. Девушка тоже перевела на него свой взгляд. Хотя в эту минуту она как бы стояла на месте, ее ноги двигались почти незаметно в мягком, свободном ритме, будто где-то в глубине леса звучала неслышимая никем другим музыка.

— Вы играете в бридж? — спросила она у Джо с той непосредственностью, которую ее бабушка считала бы, вероятно, бестактной.

— Да... — Джо склонил голову. — Мы, адвокаты, почти все играем. Разыгрывание карточной партии иногда даже напоминает наши профессиональные дела.

— Это для меня слишком сложно! — Джоан рассмеялась. — Должна ли я это понимать так, что вы присоединитесь к нам? Мы бы сыграли вчетвером: вы, дядя Александр, Николас — это мой муж — и я. Без этого ужасного доктора, который играет хуже всех в мире! Ты согласен, дядя? Отвечай скорее, я должна бежать. Мне нужно еще немного побегать и пару минут заняться гимнастикой перед ужином.

— Я думаю, у нас все получится, — улыбнулся Джилберн.

— Прекрасно. Не говорю «до свидания», потому что через несколько минут буду бежать обратно. Уже совсем стемнело...

И она побежала легким длинным шагом, стремительно ускоряя бег перед поворотом.

— Симпатичная девушка, — сказал Джо, когда она исчезла.

— Да. Она очень мила. Если бы она еще была хоть немного умнее... — Джилберн вздохнул. — Я опасаясь, что со школьных времен она не прочла ни одной книги, кроме разве что нескольких детективов... то есть, я хотел сказать...

— Вы хотели сказать, что вспомнили о деятельности, из которой извлекает доходы ваш гость! — рассмеялся Джо. — Нет, нет, я не обиделся... — Он склонился к уху Джилберна и прошептал: — Я ненавижу детективные романы! Не-на-ви-жу, — он опять рассмеялся. — Если бы только мне перестали за них платить! И если бы я умел делать что-нибудь другое! Но вернемся к нашим баранам. Мы говорили, кажется, о медсестре и док...

И снова Джо не удалось услышать, что думает сэр Александр об опекунах старой леди Эклстоун. Дорога, которая шла вверх все круче, повернула, и перед их глазами внезапно возник Норфорд Мэнор, стоящий высоко, на краю широкой, усаженной столетними деревьями аллеи, которая поднималась наискосок к дому двумя слегка скошенными террасами.

— Вот это и есть то место, о котором мы говорили. Но вы спрашивали меня о медицинской сестре. Ее зовут Агнес Стоун, и она...

Прямо рядом с ними из леса на дорогу вышел высокий молодой человек, одетый в свободный пунцовый свитер и черные вельветовые брюки. Сандалии на его ногах держались всего на двух полосках, крест-накрест оплетающих пальцы. Свободно висящие подошвы зашлепали, когда он вышел на дорогу, и может, именно поэтому Джо обратил на них внимание, прежде чем посмотреть в лицо человеку. А было это лицо с ярко выраженными мужскими чертами, высоким открытым лбом и энергично очерченным прямоугольным подбородком. Блеск умных серых глаз гасила,

однако, красная, как кровь, шевелюра. Даже при этом сумеречном освещении Алекс признал про себя, что это самые красные волосы из всех, которые ему когда-либо до сих пор приходилось видеть. В правой руке молодой человек осторожно нес полотно, натянутое на узкий подрамник, а в левой — нечто, на первый взгляд напоминающее складной штатив для фотоаппарата, только более сложной конструкции. Большая коробка из необработанного дерева, вся выпачканная красками, свисала на кожаном ремне, переброшенном через плечо.

— Добрый вечер, сэръ Александр! — улыбнулся молодой человек и остановился возле них.

— Мистер Коттон. Мистер Робинсон, — представил Джилберн мужчин друг другу. — Мистер Коттон тоже демонолог, как и Ирвинг, — прибавил он, — хотя не относится к этому как к профессии. По образованию он юрист, как и я.

— Хорошо хоть так! — воскликнул Николас с несколько комической поспешностью. — Еще один профессиональный маньяк в этой округе, и я вовсе не удивлюсь, если добрый Господь Бог придет к выводу, что пора, наконец, со всем этим покончить, и шарахнет первой попавшейся молнией в эту старую развалину! Как только Ирвинг узнает, что вас интересуют черти, он немедленно сядет на метлу и прилетит в Велли Хауз, чтобы заключить с вами братский союз. А потом вы уже никогда от него не отвяжетесь. Это жуткий человек.

Джо не ответил, чувствуя, что ничего из того, что он мог бы сказать, не будет уместным.

— Неужели снова какой-нибудь маленький семейный разлад? — улыбнулся Джилберн.

— Разлад?! Разлад — это единственная форма ладить с ним! — Николас яростно потрянул предметом, который держал в руках. — Если бы он не был отцом Джоан..! И если бы она так не любила это место! И если бы я сам так не любил здесь работать! Меня бы здесь никогда не увидели! Представляете, сегодня, во время ланча... — он внезапно умолк. — Однако, зачем втягивать в это дело ни в чем не повинных посторонних людей... — Он улыбнулся Алексу, и Джо сразу понял, почему Джоан Эклстоун вышла замуж за этого рыжего. Улыбка Николаса была разоружающей, невинной и обаятельной, как улыбка юной девушки. — Достаточно того, что вам самому придется его повидать...

— Это будет для меня большая честь, — успел, наконец, вернуть Алекс. — Сэръ Ирвинг Эклстоун известен как подлинный авторитет.

— О, разумеется! Авторитет в области науки, которая почти никого, кроме него самого, не интересует, а ее основы еще более абстрактны, чем мои скромные картинки. Я, по крайней мере, знаю, чего хочу от цвета и пространства. А он? Я не знаю, зачем вообще живут такие люди! Разве только для того, чтобы портить другим радость общения с природой в их родном отечестве! Его необходимо выселить на экватор, чтобы он изучал там обычаи негритянских колдунов. Он был бы очень счастлив. Не говоря уже обо мне! Нет, вы представляете?! Сегодня он сказал, что мои картины напоминают ему те знаменитые линии, которые чертили приговоренные к смерти ведьмы на стенах темницы замка Галтберг! Нет, вы только подумайте! Знаменитые линии! Да кто об этих линиях слышал? Кто вообще слышал о замке Галтберг? Кто слышал о нем, об Ирвинге Эклстоуне, кроме него самого и нескольких таких же, как он... — Николас умолк и снова рассмеялся. — Извините меня!

И опять у Джо возникло впечатление, что с ним говорит не взрослый мужчина, а десятилетний мальчик, который спохватился, что допустил бестактность...

— Должно быть, я веду себя недопустимо, — сказал Николас, улыбаясь. — Но этот человек выводит меня из равновесия. К счастью, когда я зол, я рисую гораздо лучше. Если бы я его убил, я бы, наверно, стал действительно неплохим художником!

— И что же ты ответил на его замечание об этих линиях? — спросил сэр Александр.

— Ничего! И вот это — самое худшее! Я молча проглотил этот замок Галтберг и закусил салатом... О, Джоан! — он посмотрел на темную дорогу за их спиной.

Она подбежала и остановилась, дыша немного чаще, но — ни следа усталости.

— Я надеюсь, вы не воспринимаете всерьез все, что говорит мой муж о моем отце! — И она снова рассмеялась весело и безмятежно, полная расширяющей ее радости жизни.

— Откуда ты знаешь, что я говорил о твоём отце?

— После того, что он сказал сегодня за ланчем, я знала, что встречу дядю Александра, ты не выдержишь и расскажешь ему обо всем. — Она обратилась к Джилберну: — Отец сказал, что его картины напоминают...

— О, я уже говорил об этом! Может, хватит на сегодня бегать? Что за поразительное увлечение, которое заключается в многомесячных тренировках и лишениях ради того, чтобы в течение десяти или одиннадцати секунд двигаться чуть быстрее, чем несколько других девушек?!

— Любая победа не длится дольше, — Джоан взяла мужа под руку. — И тут я, по крайней мере, наверняка буду знать, что я первая, вторая или третья. А ты до конца своей жизни не будешь знать, делаешь ли ты именно то, о чем мечтал, или находишься в процессе совершения какой-то ошибки, из которой потом многими месяцами будешь выбираться, отыскивая пути для отступления. А может, я просто люблю выигрывать! — Она рассмеялась. — Ну, так вы идете к нам?

— Нет, — Джилберн покачал головой. — Твой отец еще не знает о приезде мистера Коттона, и вероятно, он сейчас занят. Завтра утром я позвоню ему.

— Да, он сидит в своей пещере, — Николас указал рукой на угловое окно дома, в котором зажегся свет. — Если шторы закрыты днем, это значит, что он работает. Он не выносит дневного света! И такой человек пытается говорить о живописи!

— Николас! — сказала девушка с нарочитой строгостью, хотя в ее голосе не было гнева. — Если вы не идете, будем прощаться. А завтра или послезавтра давайте соберемся на партию в бридж. Может, в воскресенье, ладно?.. После ланча я целых три часа не тренируюсь. Таким образом, если вас это устраивает, а Николас не убежит от меня на натуре...

Алекс поклонился.

— Прекрасно! — Джилберн помахал ей рукой. — Завтра я позвоню твоему отцу, а потом условимся точнее. Я думаю, после ланча в воскресенье — это подходящее время. Праздничный день в деревне ужасен, если его чем-нибудь не разнообразить. Спокойной ночи!

Они направились обратно. Спустя некоторое время Джо сказал:

— Кажется, между тестем и зятем отнюдь не процветает семейная любовь, которая является даром бессмертных богов?

— Решительно нет! К счастью, они редко видятся. Старая леди Элизабет тоже не жаловала Николаса особой симпатией.

— А ведь на первый взгляд кажется, что этого молодого человека должны любить все.

— Да. Я сам, впрочем, очень его люблю. Но история его супружества с Джоан, как бы это сказать... очень современна. Они вступили в брак три

года назад, и тогда это всех совершенно ошеломило. Джоан отправилась в Лондон навестить одну из своих подруг по пансионату, нынче молодую поэтессу... Старая леди не усмотрела в этой поездке ничего дурного. Впрочем, Джоан тогда исполнилось восемнадцать лет, и она была уже взрослой, хотя никто не принимал этого всерьез, быть может, потому, что бег, как на него ни смотри — увлечение больше школьного возраста. И вот Джоан в субботу утром уехала в Лондон, а в понедельник вечером вернулась замужней. Мужа она с собой не привезла, а лишь приехала за своими личными вещами. Она спокойно заявила, что ее избранник — гениальный художник, что она его любит, а кроме того, ей ничего не нужно ни от отца, ни от бабушки: она совершеннолетняя, и они могут отнестись к ее решению как им будет угодно. Впрочем, она уже замужем. На вопрос, как давно она знает своего мужа и почему он не бывал в ее доме, она ответила, что ему было бы трудно это сделать, поскольку они познакомились лишь в субботу, и стало быть, ему пришлось бы заранее предвидеть это знакомство. В первую минуту отец и бабушка решили, что это шутка. Однако они перестали так думать, когда девушка показала брачное свидетельство и заявила, что отныне ее зовут Джоан Робинсон. Тогда бабушка пришла в отчаяние и страшно рассердилась. А прошу мне верить — гнев старой леди Элизабет действительно ужасен для человека, который его на себя навлек. Но коса нашла на камень. Я присутствовал при этом. Леди Элизабет сидела прикованная к своему креслу на колесиках и извергала пламя, как артиллерийская батарея, а Джоан стояла перед ней очень бледная, но совершенно спокойная, а когда бабушка на секунду замолкала, чтобы перевести дыхание, девушка повторяла одно и то же: она его любит и она его жена. Ирвинг стоял рядом и не знал, как себя вести, потому что все, что он может обдумать и сказать в течение часа, его мать высказывает за полминуты. Наконец Джоан повернулась на каблуках и без единого слова вышла. И сразу же уехала.

— Чем же все это кончилось?

— Кончилось тем, что все прогнозы бабушки оказались ошибочными. Джоан и Николас любят друг друга, как голубки, уже три года и не могут жить друг без друга, хотя у них различные интересы. Но что характерно для бабушки Эклстоун: когда она исчерпала все возможные способы расстроить этот брак, она провела тщательное тайное расследование (в которое меня тоже втянула) и негласно, оставаясь в глубокой тени, организовала карьеру Николаса. По мнению многих критиков, он очень способный художник. Но вы ведь знаете, как много способных художников умирает от голода в своих мансардах. Недостаточно одного умения что-то делать, надо, чтобы люди узнали об этом, причем узнали из авторитетных источников. Богатство Эклстоунов было использовано так деликатно, что ни Джоан, ни Николас не имеют об этом понятия. Даже Ирвинг не отдает себе в этом отчета. Во всяком случае, в очень короткий срок Николас Робинсон собрал множество превосходных рецензий, одна из ведущих галерей предложила устроить выставку его произведений, а доходы этого молодого человека возросли в течение года примерно в тысячу раз. Поскольку я сам принимал участие в этой операции, должен сказать, что я узнал многое насчет критики и выдвижения ею новых талантов. Не знаю, смеяться или плакать, когда выясняется, какие критерии кроются на дне этих дел и как мало общего они имеют с тем, что думает публика. Но публика существует для того, чтобы вводить ее в заблуждение, и кажется, она сама этого хочет. В случае с Николасом, впрочем, многие незаинтересованные знатоки высказываются о нем самым лучшим образом... Но его взаимоотношения со старой леди приобрели другой оборот. Николас приехал сюда лишь спустя год после супружества с Джоан. Она тоже тогда появилась здесь впервые после той

памятной ссоры. Произошло это незадолго перед окончательным ударом паралича, который превратил старую леди в то, чем она является сегодня. Я боюсь, что, как одежда Николаса, так и его манера поведения, действовали на бабушку весьма отрицательно. Но не это было самое главное. Удар был нанесен с другой стороны. Миссис Элизабет, воспитанная в елизаветинской традиции, считала, что дети являются первейшей священной обязанностью женщины и ее величайшей радостью. Тем временем, за обедом, Джоан сказала, что не хочет иметь детей в ближайшие годы, потому что это нарушило бы все ее планы, а она намерена и должна стать обладательницей золотой олимпийской медали. Бабушка на это не сказала ни слова. Но что еще хуже, Николас мимоходом заметил, что каждый день благодарит Бога за рассудок своей жены, ибо он детей вообще никогда не хочет иметь и просто не выносит их вида. При этом он добавил, что производство будущих покойников, чья короткая жизнь состоит обычно из забот и страхов в бесконечно большей степени, чем из радостей и наслаждений, является преступлением, за которое он не хочет нести ответственности. И на это тоже бабушка Эклстоун не отозвалась ни единым словом. Но мне кажется, что именно в этот момент оборвалась нить, которая связывала ее с внучкой. Для Элизабет Эклстоун дети не являлись всем. Она умела заниматься делами и вела жизнь в разных аспектах. Но женщина, которая могла отринуть священную миссию материнства ради того, чтобы получить медаль за то, что она, полуобнаженная, пробежит сто метров быстрее всех на глазах у безумствующей толпы, должна была показаться ей почти чудовищем. Я не хочу даже предполагать, что она подумала о Николасе. Но наверняка это отразилось на ее решении составить новое завещание...

— А у Джоан Эклстоун твердый характер?

— Я бы этого не сказал. Она весела, искренна и непосредственна. Но она унаследовала от всех Эклстоунов любовь к однажды избранной цели. Эта молоденькая, красивая девушка живет, как монашка, ест в строго определенное время строго определенную пищу, не прикасается к алкоголю, выходит из комнаты, где при закрытых окнах кто-нибудь осмелится закурить, проводит почти весь день с секундомером в руке, изучает свое тело, улучшает его и постоянно подвергает испытаниям, будто оно является всего лишь устройством для достижения единственной цели, которой является эта бессмысленная медаль. Три часа после ланча являются единственным временем, когда она напоминает нормальную молодую женщину. Впрочем, ее единственное развлечение — это бридж, иногда танцы и детективные романы. Но она сама говорила мне, что какой бы интересной ни была книга, и если даже осталась одна последняя страница с решением загадки, ровно в одиннадцать часов она откладывает ее и гасит свет, потому что завтра надо встать в семь утра, а восьмичасовой сон — норма, из которой нельзя отнять ни минуты. Да, Ирвинг Эклстоун был бы горд, если бы был способен понять, как сильно она похожа на него.

Теперь они шли в полной темноте. Меж ветвей верхушек деревьев над головой Алекс увидел большую мерцающую звезду.

— А муж миссис Джоан тоже ложится спать в одиннадцать часов? — спросил он равнодушно, как бы отыскивая тему для продолжения разговора.

— Нет. Знаете, иногда я думаю, что, быть может, они единственные среди всех известных мне людей, кто открыл тайну счастливого супружества. Она заключена в одном слове: терпимость. Николас живет в том режиме, который помогает ему как можно лучше рисовать, а Джоан — в том, какой помогает ей как можно лучше бегать. И никто из них не принауждает другого переменить образ жизни.

— Вы упомянули, что в завещании миссис Эклстоун имеется оговорка, которая может лишить Джоан наследства. Минуту назад вы заметили, что слова, сказанные во время памятного ланча два года назад, могли повлиять на составление нового завещания. Я хотел бы об этом что-нибудь узнать.

Последние слова были высказаны уже не столь беспечно. Алекс остановился. Они стояли перед калиткой в стене ограды Велли Хауз.

Сэр Александр толкнул калитку и пропустил вперед своего гостя. Они ступили на тропинку, ведущую через луг к дому. Некоторое время они шли молча. Внезапно сэр Александр остановился и, опираясь на палку, посмотрел прямо в глаза Алексу, лицо которого было освещено восходящей луной. Когда он начал говорить, голос его звучал тихо, но решительно.

— Прошу вас поверить, что для меня нет в жизни ничего более важного, чем выяснение причин гибели Патриции Линч. И мечь не играет тут роли. Есть в этом мире причины более значительные, чем удовлетворение ненависти... Но даже ради полного объяснения этой загадки я не смогу нарушить этический кодекс моей профессии. Я обязан хранить тайну человека, который доверил мне свое завещание. И хотя человек этот, эта женщина, продолжая жить, по сути дела мертва, я не могу этого сделать до тех пор, пока не перестанет биться ее сердце.

— Я вас понимаю... — согласился Джо. — Но не совсем. А если бы полиция вела следствие по делу об убийстве и потребовала бы предъявить необходимые для расследования документы, вы тоже не чувствовали бы себя вправе подчиниться такому требованию?

Джилберн с минуту не отвечал, потом покачал головой.

— Тогда у меня бы не было выбора... — сказал он неуверенно. — Как юрист, я мог бы отказать в рассмотрении вверенных мне документов даже полиции. Но скорее всего, я бы не сделал этого, потому что в таком деле, как убийство, существует только одно честное отношение к делу: помочь найти убийцу, когда закон требует от нас этого. К сожалению, вы не представляете здесь Закон, а меня сильно смущает сознание, что это именно я обратился к вам за помощью и именно я являюсь тем лицом, которое самостоятельно пытается раскрыть тайну. И поэтому не могу показать вам завещание.

Они вошли в дом и задержались в холле, освещенном старинным, но современным канделябром с узкими, похожими на свечи, электрическими лампами. Алекс некоторое время колебался. Он не любил лгать и чувствовал, что то, что он сейчас скажет, будет соответствовать правде лишь наполовину. Но это не имело значения. Значение имело лишь одно: найти Дьявола, прежде чем он нанесет второй удар. Джо набрал полные легкие воздуха и непринужденно сказал:

— Вы ошибаетесь в обоих пунктах, — он сунул руку в карман пиджака. — Это мое удостоверение, подписанное заместителем государственного секретаря и шефом муниципальной полиции. А во-вторых, я приехал сюда прямо из Скотленд-Ярда, после совещания с заместителем начальника Департамента уголовного розыска. Я веду здесь полностью официальное расследование. Впрочем, еще у меня в доме я сказал вам, что никогда не действую без согласия полиции.

Джо спрятал удостоверение в карман.

— Значит, вы являетесь сотрудником Скотленд-Ярда? А ведь все утверждают, что...

Джо приложил палец к губам.

— Это тайна. Я могу вас заверить, что этого свидетельства не видел еще никто и никогда, за исключением полицейского персонала... — он вздохнул с облегчением. Все, что он говорил, становилось все более прав-

дивым. — Я хотел бы еще добавить, что убежден в весьма подозрительном характере этого дела. Причину смерти миссис Патриции Линч ни в коем случае нельзя считать выясненной. И поэтому самым официальным образом я еще раз прошу вас показать мне копию этого завещания, так как уверен, что оно содержит весьма ценные сведения, касающиеся наследования богатства Эклстоунов, противоречия интересов наследников и так далее. Я не представляю себе, как бы я мог подвинуться хоть на шаг вперед в моих теоретических рассуждениях, не ознакомившись с этим завещанием.

— Но ведь содержание завещания никому из наследников неизвестно...

— Пока я знаю, что оно известно вам и старой леди Эклстоун, а кроме того, еще двум свидетелям. Кто эти свидетели?

— Завещание подписала медсестра Стоун, после принятия присяги о сохранении содержания завещания в строжайшей тайне, а кроме того, мой старый Остин, на тех же условиях. Но я ручаюсь, что они никому не выдали этой тайны.

— Ну вот, пожалуйста! Оказывается, уже четверо из этой маленькой группы людей знают содержание завещания!

— Да, — Джилберн задумчиво нарисовал концом трости круг на каменном полу холла. — Но никто из них не узнал его в результате несоблюдения мной тайны.

— Господин адвокат, — Джо говорил спокойно, но решительно, — мне кажется, что поскольку вы сами начали разгребать это дело, вы не имеете права насиловать при этом профессиональную этику. Потому что, во-первых, профессиональная этика никогда не может служить помехой закону в поиске преступника, а во-вторых... прошу меня извинить, но ваша личная заинтересованность в раскрытии загадки смерти миссис Линч является для меня второстепенной. Самым важным для меня есть и остается правосудие.

Джилберн посмотрел на Алекса, наморщив лоб. В слабом свете запыленных лампочек канделябра Джо показалось, что он заметил румянец на его щеках. Спустя мгновение черты лица адвоката смягчились.

— То, что вы сказали, пожалуй, меняет положение... Вы являетесь представителем закона и вы хотите увидеть этот документ. Хорошо, я покажу его вам, хотя знаю завещание наизусть и не вижу в нем ничего, что могло бы вам помочь. Дай Бог, чтобы я ошибался!

Глава X

Два документа

«Я, Элизабет Эклстоун, рожденная 24 июня 1888 года, в девичестве Элизабет Шоукросс, постановляю следующее:

1. Немедленно после моей смерти все мое имущество, движимое и недвижимое, должно быть разделено в равных долях между моими законными наследниками.

2. Из этого раздела должна быть полностью исключена моя внучка Джоан Робинсон в том случае, если до дня моей смерти она не станет матерью.

3. В случае, если кто-нибудь из моих наследников умрет раньше меня, имущество должно быть передано другим наследникам, согласно общим основаниям наследственного законодательства, то есть для равного раздела.

4. В случае, если Джоан Робинсон родит ребенка в течение двух лет после моей смерти, причитающаяся доля моего имущества должна быть передана этому ребенку, однако право распоряжаться этой долей будет предоставлено не родителям ребенка, а лицу, которого назначит исполнитель завещания. Исполнитель завещания позаботится также о том, чтобы указанная доля была передана ребенку или детям Джоан Робинсон в день их совершеннолетия. Если детей будет больше одного, доля имущества, причитающегося Джоан Робинсон, должна быть разделена между ее детьми поровну и должна передаваться каждому из них по мере достижения совершеннолетия.

5. Если, чего да не допустит Господь, все, в чьих жилах течет кровь Эклстоунов, опередят меня на пути к вечности, поручаю, чтобы все мое имущество, движимое и недвижимое, было передано правительству Малайзии с целью предназначения этой суммы на развитие сети больниц на ее территории.

6. Семейное владение Норфорд Мэнор должно перейти в собственность старейшего из рода Эклстоун. В случае, если никого из них не останется в живых, Норфорд Мэнор должен стать домом для сирот из графства Саффолк.

В день моей смерти поручаю выплатить легаты¹ следующим лицам:

а) 3000 фунтов стерлингов сэру Александру Джилберну, многолетнему юридическому советнику семьи Эклстоун и нашему другу, который одновременно является исполнителем этого завещания. Я хочу, чтобы он рассматривал это как частичный гонорар за ту неоценимую, часто бескорыстную помощь, которую он оказывал в течение всей моей жизни, а также как вознаграждение за труд, связанный с претворением в жизнь настоящего завещания.

б) 1000 фунтов Агнес Стоун, медицинской сестре, которая уже несколько лет заботится обо мне к моему полному удовлетворению.

в) 1000 фунтов доктору Арчибальду Дюку, который печется о моем здоровье уже в течение пяти лет, не вызывая у меня никаких нареканий.

Легаты, касающиеся двух последних лиц, теряют свою силу, если эти лица в день моей смерти не будут работать у меня. Легат, касающийся доктора Арчибальда Дюка, никаким образом не влияет на действие моего отдельного договора с ним. Вся сумма, вытекающая из этого договора, должна быть подсчитана и оплачена в день моей смерти.

г) Поручаю выплатить по 500 фунтов: Марте Коули, кухарке в Норфорд Мэнор, Джозефу Филду — садовнику того же имения, и Синди Роулэнд — горничной в этом же доме.

д) Лакей моего покойного мужа Джозеф Райс, который верой и правдой служил нашей семье с дней своей юности, должен получить 2000 фунтов, а также право на пожизненное проживание в Норфорд Мэнор с полным содержанием, которое обязан обеспечить ему мой законный наследник...»

Затем следовали подписи свидетелей: Агнес Стоун и Остина Роулэнда.

— А миссис Эклстоун действительно была уверена в сохранении тайны завещания медсестрой Агнес Стоун, учитывая, что само завещание и все легаты касаются лиц, с которыми эта медсестра постоянно общается? — спросил Джо.

— Да. И даже я не возражал, — ответил Джилберн. — Агнес Стоун, женщина педантичная, аккуратная, немного суховатая, но абсолютно чест-

¹ Легат (лат. Legatum — завещательный отказ) — изложенное в завещании поручение выплатить какому-либо лицу указанную сумму.

ная и умеющая хранить тайны. Теперь ей, вероятно, лет около тридцати, а прибыла она сюда сразу же по окончании школы медсестер. Ее прислали как отличницу и лучшую выпускницу этой школы. За все время своей работы здесь она в определенном смысле подтверждала свой статус отличницы. Миссис Элизабет, желая сохранить тайну завещания, сама предложила ее в качестве свидетеля. Агнес и привезла ее сюда в кресле на колесах.

— А что это за договор с доктором Дюком, о котором упоминается в завещании?

— Это была идея миссис Эклстоун. Доктор Дюк живет здесь уже восемь лет. Она его попросту купила, предложив ему больше, чем он мог бы зарабатывать как молодой врач в любом другом месте. У него были прекрасные рекомендации, и родом он из небогатой семьи. Он приехал сюда с контрактом на год, а потом, очевидно, привык. Его жизнь протекает здесь, видимо, довольно скучно, но со всеми удобствами. Кроме того, он ни на что не тратит денег, может помогать младшим братьям и родителям, а к тому же еще ежегодно откладывает весьма приличную сумму. Когда миссис Эклстоун было уже около семидесяти, она однажды пригласила его в моем присутствии вручила ему уже подписанный ею документ. Это не совсем договор, в юридическом смысле, а скорее обязательство. Содержание его следующее: Элизабет Эклстоун в дополнение к уже существующему договору обязуется выплачивать ежемесячно доктору Арчибальду Дюку по три фунта в день за каждый день, прожитый ею после семидесяти лет. Со своей стороны, она обязуется принимать все лекарства, которые он ей прописывает, и исполнять все его лечебные предписания.

— И тогда отважный доктор начал бороться как лев, чтобы не иссяк медленно текущий в его карман поток золота...

— Наверно. Хотя нужно признать, что он и до этого очень старался. А кроме того, думаю, что если бы миссис Эклстоун могла предвидеть, в каком состоянии она окажется спустя несколько месяцев после подписания этого обязательства, вероятно, она бы его не подписывала. Я хорошо ее знал и не верю, чтобы она была заинтересована в продлении существования такого рода. Она была деятельной, энергичной, быть может, даже слишком энергичной женщиной. Если быть до конца откровенным, я бы сказал, что она тиранила всех, кого ей удавалось тиранировать. Но она поступала так не по злой воле, а по искреннему убеждению в правоте своих принципов и поступков. Если она до сих пор сохранила власть над своим мозгом, что трудно утверждать с уверенностью, она должна ужасно страдать, не имея возможности оказать никакого влияния на окружающих.

— Да-а... — Алекс задумался. — А какова стоимость всего имущества миссис Эклстоун? Я думаю, что довольно значительная.

— Грубо оценивая в целом и учитывая колебания курса акций и цен на землю, можно говорить о сумме примерно в полтора миллиона фунтов стерлингов.

— О, великий Боже! — Джо тихо присвистнул. — Такая сумма может вызвать целую лавину страстей...

— Не думаю. Вы не знаете Эклстоунов. Вы должны искать другое решение, если предполагаете, что Патриция была убита. Впрочем, старая леди Элизабет жива. А если бы кому-то внезапно понадобилась крупная сумма, он мог бы убить ее, подвергая себя гораздо меньшему риску, и таким образом получить свою часть наследства, которая сама выражается в очень значительной сумме...

— И я так думаю... Все здесь как-то не вяжется одно с другим... Но у меня возникла одна небольшая теория. А вернее, даже три теории.

— Три?

— Да. И это меня огорчает. Потому что там, где есть три возможных решения, обычно оказывается, что ни одно из них не верно. Если вы позволите, я возьму с собой для чтения перед сном дьявольские документы, связанные с этими местами, которые вы так любезно для меня приготовили, и поужинаю у себя в комнате.

— Конечно, конечно...

Джо попрощался с хозяином, тихо закрыл за собой дверь и поднялся наверх, вслушиваясь в глухое эхо своих шагов, громко звучащее под сводами большого каменного холла. Оказавшись в своей комнате, он сел за стол и бегло просмотрел несколько старинных книг, переплетенных поблекшей, натянутой на дощечки кожей с вытисненным на ней гербом Джилбернов. Затем он взял в руки несколько сшитых вместе пергаментных листов. Это было то, что он искал. Джо Алекс уселся удобнее и начал читать:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!

Я, Франциск Силби, викарий прихода святого Евстафия в городе Блю Медоуз, измыслил пересказать пером моим неуклюжим историю нечисти — четырнадцати ужасных ведьм из деревни Норфорд в нашем графстве Саффолк, а также рассказать, каким образом преподобный Мэтью Хопкинс, вдохновленный против силы дьявольской, милостью Господа нашего Всемогущего, нечисть эту на чистую воду вывел, свету всему белому показал и распутных дьявольских дочерей к наказанию, как вечному, так и земному, привел, людям покой и удовлетворение принося, ибо графство наше славное Саффолк издавна известно было, как излюбленное место Дьявольского могущества, и карами разными Провидением за это наказано было, а именно: болезнями, пожарами, засухами, неурожаями, падежом скота, бурями и грозами с могучими ветрами. А что не являлось наказанием Господним, то без сомнения наслано было на нас этими ведьмами для муки и искоренения рода человеческого, который Дьявол издавна погубить хочет, пылая завистью при одной мысли о вечном блаженстве, которое верующих людей ждет после смерти их.

Ведьм этих было четырнадцать. Творили они зла вокруг себя множество, гнев Божий на все графство Саффолк навлекая, а обнаглели так, что даже свои сборища, шабашами называемые, с упомянутым Князем Тьмы и его крылатыми слугами с ногами козьими учиняли, телесные наслаждения с ним испытывая, и землю развратом поганили, дабы потомство дьявольское на ней множить, чего счастливое раскрытие их дел не позволило, хотя одна из этих ведьм брюхо свое, уже вздутое семенем Дьявольским, имела, когда мастер петлю на ее шею накиннул, и тем самым до рождения этого маленького чертенка не допустил, с Божьей помощью...»

Джо содрогнулся и прикрыл глаза. Потом вздохнул и начал читать дальше. Описание было длинное и касалось прибытия преподобного Мэтью Хопкинса в графство Саффолк, а затем шло перечисление его предыдущих успехов в борьбе с ведьмами в других частях страны.

«...и в день оный, когда Преподобный Хопкинс предавался молитве на коленях, моля Господа Бога, чтобы Он позволил ему выследить как можно больше дочерей и любовниц дьявольских, явился на пороге, как бы в ответ на его моление, Благородный Джон Эклстоун и рассказал, что, имея дом свой расположенным напротив Дьявольской скалы неподалеку от деревушки Норфорд, не раз и не два видел он женщин из той деревни, когда они на метлах ночью к пещере в той скале слетались, а узнать их мог издали, ибо во время полетов своих освещены они были танцующими вокруг них огоньками. При этом он сказал, что не он один, но и слуги его все это видели и под присягой подтвердить могут. Упал тогда Преподобный Хопкинс на колени и голосом громким благодарил Всемогущего Господа Бога, ибо

по метлам и огонькам вокруг женщин этих сразу понял, что имеет он дело с ведьмами самыми могучими и ужасными. Не мешкая ни минуты, оседлал он своего ослика и помчался, погоняя его, в суд Его Святейшества Епископа, дабы ведьм тех как можно скорее схватить и покарать».

Далее следовало описание поимки четырнадцати женщин из деревушки Норфорд и допроса, учиненного епископским судом. Джо быстро пробежал глазами подробное описание пыток, которым подвергались ведьмы. Одни не выдерживали пыток раньше, другие позже. Но, в конце концов, все, за исключением одной, сознались в своей вине. Имя единственной упрямницы было: Синди Роулэнд.

«...и хотя иглами длинными искали на теле того места нечувствительного, которое каждая ведьма должна иметь: и хотя кости пальцев ее рук, а также и ног поломаны были на мелкие кусочки, не разрывая кожи: и хотя три дня и три ночи сам Преподобный Хопкинс сидел перед ней, когда она, прикованная к стене, со вставленными в рот кольцами, дабы ни поднять, ни опустить головы своей не могла, и чтоб даже на минуту уснуть ей не удавалось; так, однако, велики оказались ее дьявольская гордыня и высокомерие, что хотя Преподобный Хопкинс слезно просил ее, чтобы отказалась она от своей твердости, чтобы свою вину признала и тем заслужила вечное пребывание в чистилище, после которого милостивый наш Господь Бог, быть может, и ей, самой грешной, отпустит ее прегрешения, — она упрямо своей вины не признала и одна из всех до самого конца в дьявольском упрямстве осталась, выкрикивая, что ни одна из остальных признавшихся ведьм вины на себе не несет, а все это лишь месть Благородного Джона Эклстоуна, который, купив землю, хотел после того захватить и лес, много веков принадлежавший деревне Норфорд, чему вся деревня воспротивилась, имея письменное своих прав доказательство времен Милостивого Короля Ричарда. Однако правда, как масло оливковое, всегда наверх по Воле Господа выплыть должна. Так и на этот раз случилось. И хотя многие требовали, чтобы женщин этих, как заведено в других королевствах, огнем медленным сжечь, однако у нас не таков обычай, вероятно, менее Господу Богу угодный, потому что их всего лишь вешают, как обычных преступников. Итак, когда суд Его Преосвященства Епископа вину их признал и светскому закону их отдал с обычными словами: «Пусть их по-отечески накажут, не проливая ни капли крови», повели их под виселицу, где Мастер по очереди повесил их на четырнадцати крюках, а народ стоял и радовался, грязь в них швыряя. И в этот час правда, как тот античный феникс из пепла, возникла и всем стала видимой. Когда последнюю ведьму собирались повесить, а была это та самая Синди Роулэнд, которая вины своей и преступлений признавать не хотела, крикнула, стоя уже с веревкой на шее, что действительно она была любовницей дьявольской и с самим Люцифером спаривалась, лаская в своих объятиях, ибо была любимой его наложницей. А когда все присутствующие на площади от ужаса онемели, крикнула она, что любовник неизбежно отомстит за нее благородному Джону Эклстоуну, лжесвидетельство которого явилось причиной ее смерти. Обратилась она к нему и, пальцем на него указывая, воскликнула: «Люцифер! Господин мой и любовник! Этот человек — причина моей гибели, отомсти ему до самого десятого поколения да изведи этот род полностью, чтобы и следа после него на земле не осталось!..» Может быть, и еще что-нибудь сказала бы она, но Мастер, испуганный, как и другие, быстро дернул шнур, помощников своих на помощь призывая. И высоко ее вздернули, слова последние придушив. Так закончила свою жизнь эта ведьма, самая ужасная из всех в нашем графстве, до минуты своей последней закоренелая грешница... А сэра Джона Эклстоуна, который сильно весьма испугался ее слов, пре-

подобный Хопкинс утешил словом святым, с Неба плывущим, и так все по домам разошлись и разъехались».

Алекс отложил рукопись и закрыл глаза.

— Какая изумительная девушка... — тихо сказал он.

Как же хорошо Джо ее понимал! Он видел площадь с рядом виселиц, с глазеющей враждебной толпой, и невинную женщину, которая выдержала напрасно столько мук, не вызывая ни у кого ни милосердия, ни сострадания. А когда, наконец, стоя у подножия виселицы, она увидела своего преследователя, то отомстила ему одним-единственным способом, который у нее остался. Она сказала, что правдой является то, о чем он точно знал, что это ложь! И умирая, она оставила своего врага не в уверенности, что он избавился всего лишь от четырнадцати крестьянок, за которых никто ему не отомстит, а в ужасе от того, что он поссорился с самим Люцифером! Она ведь знала, сколько раз с тех пор будет просыпаться ночью сэра Джон Эклстоун, обливаясь холодным потом...

А Патриция Линч была потомком Джона Эклстоуна в десятом поколении... Так сказал Джилберн. Точно так же, как и Ирвинг Эклстоун, ее брат. Но Джоан была уже одиннадцатым поколением...

Джо встал и начал прохаживаться по комнате. Внезапно остановился. Только сейчас он осознал, что когда читал описание казни, перед его глазами все время стояло лицо той красивой черноволосой девушки, которую они встретили с корзинкой яблок для сэра Джилберна. Синди Роулэнд... Вдруг ему стало душно.

Он подошел к окну, открыл его и выглянул. Стояла глубокая ночь. Почти круглая луна высоко висела над Дьявольской скалой, заливая мир белым металлическим сиянием. Вдали, над верхушками деревьев, два маленьких огонька блестели совсем рядом, словно глаза зверя. Норфорд Мэнор. Было очень тепло и тихо. Летучая мышь пересекла падающий из окна луч света и исчезла в темноте, бесшумная и ловкая.

Глава XI

Прогулка перед грозой

Джо уснул очень поздно и проснулся очень рано, невыспавшийся и с чувством беспокойства на душе. Утро было прекрасным, хотя воздух тяжело висел над землей, не движимый ни малейшим дуновением ветерка. Становилось душно.

«Будет гроза, — подумал Джо, усаживаясь за пишущую машинку. — Гроза с громом и ливнем... Очень хорошо... очень хорошо... И сразу настроение улучшится».

Но он знал, что атмосферные явления не имеют отношения к его настроению. Просто ему поскорее хотелось быть там, в Норфорд Мэнор, и вынудить Дьявола к... И здесь его мысль обрывалась, потому что все это не имело никакого смысла. Сейчас он почти хотел, чтобы смерть Патриции Линч оказалась самоубийством, а все эти оттиски и нелепости с поворачиванием портретов оказались чьей-нибудь шуткой. И хотя разум подводил, инстинкт кричал во весь голос, что прямо сейчас происходит нечто страшное, то, что нарастает, созревает и принесет свои жуткие плоды, если не удастся вовремя предупредить преступление. А единственная возможная версия этого преступления находилась в полном противоречии с фактами и потому не могла быть подлинной. А может, существовала другая? Но какая?..

Алекс провел целый час за столом, сидя неподвижно, подперев голову руками. Его мозг просчитывал сотни комбинаций, от вариантов самых невероятных до вариантов хотя бы отдаленно правдоподобных. Однако все они взаимно исключались.

Но если бы он знал, что все его нынешние волнения — всего лишь детская забава по сравнению с тем, что он будет испытывать через несколько часов, застыв перед барьером необъяснимости происшедшего и столкнувшись лицом к лицу с самым невероятным случаем в своей жизни, он, возможно, был бы сейчас гораздо спокойнее.

Но Джо Алекс не знал будущего, так же, как не знал его и Дьявол. Если бы они оба знали его, смерть, вероятно, не посетила бы так скоро Норфорд Мэнор, а мисс Каролина Бикон гораздо быстрее встретила бы с человеком, которого любила как никого и никогда, хотя и не показывала ему этого...

Старый Остин принес завтрак и сообщение от сэра Александра о том, что оба джентльмена приглашены в Норфорд Мэнор на ланч, где мистер Ирвинг Эклстоун ожидает мистера Джеймса Коттона и с удовольствием поделится с ним всеми материалами, которыми располагает.

Это помогло. Сознание, что через пару часов он будет там и увидит этих людей и это место, успокоило Алекса. Он с аппетитом позавтракал, и хотя в глубине ума маленький трепещущий огонек беспокойства горел, не угасая ни на секунду, Алекс сел за пишущую машинку и спокойно занялся книгой. Он работал до полудня.

В двенадцать часов Джилберн окликнул его из сада. Джо окинул взглядом комнату. Он сунул в карман листок бумаги, где на рассвете записал все известные ему на данный момент сведения, и вышел.

Они шли, беседуя о погоде и вероятном приближении бури. И лишь после того как вошли в лес, Джо сказал:

— Значит, миссис Патриция Линч и ее брат Ирвинг Эклстоун составляют именно то десятое поколение, на которое должна была пасть месть Люцифера?

— Я вижу, вы прочли эту историю. Да, я проверил это по семейным хроникам. — Джилберн пожал плечами. — Но разве это может иметь какое-либо значение? Если начнем оперировать такими аргументами, мы опустимся до уровня людей, которые повесили тогда этих несчастных женщин.

— Я не думаю ни о нас, ни о наших аргументах, а о ком-то, кого они могли убедить. О ком-то, кто бы, например, чувствовал себя призванным исполнить последнюю волю Синди Роулэнд или даже самого Люцифера.

— Я и об этом думал... — сэр Александр безнадежно махнул рукой. — Но это совершенно невозможно. Я не знаю здесь никого, кто бы мог соединять в себе столько фанатизма и темноты. Если вы имеете в виду дочь Остина и Кэтрин, то хотя ее зовут точно так же, как ту, много столетий назад замученную девушку, я даю руку на отсечение, что она на это совершенно не способна. Я просто забыл вчера, что вы не знаете этих людей, и быть может, поэтому представил вам ее интерес к Дьяволу и заботу о змеях Ирвинга в слишком ярких тонах. Не забывайте, что я уже много лет общаюсь с преступниками, а ведь я был в том доме сразу после смерти Патриции и во время полицейских допросов. Будь я даже еще более потрясенным, чем тогда, все равно не смог бы перестать присматриваться к людям. Я наблюдал и за Синди. В ее поведении не было и тени притворства. Она была заплаканной, изумленной и любопытной, как вся прислуга в таких случаях. Вы ее имели в виду?

— Не только... — сказал Алекс.

Дальше они шли молча. Наконец лес кончился, и вдаль показался Норфорд Мэнор, освещенный яркими лучами солнца. Зной нарастал и густел,

хотя на небе по-прежнему не было ни одной тучки. На террасе Джо разглядел маленькую белую фигурку, но расстояние, а также тот факт, что они находились ниже дома и смотрели снизу вверх, не позволили рассмотреть ее отчетливой.

— Это Агнес Стоун, — сказал Джилберн, как бы угадывая мысли гостя. — Вероятно, возится со старой леди, которую выкатила из комнаты на солнце.

Они медленно поднимались по отлогой террасе парка, и когда приблизились к дому на расстояние примерно двухсот шагов, Джо услышал веселый голос, доносящийся из-за деревьев с правой стороны. Он посмотрел туда и увидел между кустами полосу зеленого газона, а над ним невысокую, абсолютно современно оформленную вышку для прыжков в воду. На краю доски в этот момент стояла девушка в голубом купальнике и шапочке того же цвета. Как раз в ту секунду, когда Джо ее увидел, она оторвалась от вышки, мягко взлетела по красивой дуге, а поскольку бассейн находился выше того места, откуда он смотрел, ему показалось, что она беззвучно исчезла в какой-то невидимой расщелине в траве газона. Позади вышки, совсем близко, так близко, что Джо даже удивился, устремилась ввысь к небу острая верхушка Дьявольской скалы.

— Это Джоан, — Джилберн остановился, воткнул свою трость в песок, которым была усыпана аллея, и отер со лба пот. — Начинаю стареть. Раньше, несмотря на свою ногу, я проходил это расстояние без малейших усилий.

Джо тактично промолчал, а потом спросил:

— Казалось бы, место, расположенное столь высоко, как Норфорд Мэнор, должно испытывать трудности с водой. Конечно, при богатстве Эклстоунов нетрудно найти выход. Но я не предполагал, что плавательный бассейн может находиться почти на вершине горы. Откуда там берется вода?

Они продолжили путь. На вышке показался мужчина, который пробежал несколько шагов и прыгнул, сделав сальто, а затем полетел вниз, выпрямившись с широко раскинутыми руками.

— Это Кемпт, а бассейн — как раз дело его рук и его идея. Этот парень очень любит Норфорд Мэнор. Будучи еще студентом, он придумал способ перекачки по трубам воды, протекающей на дне ущелья, отделяющего нас от Дьявольской скалы. Вода, стекая вниз по дну ущелья, скапливается в маленьком искусственном водоеме, затем при помощи небольшого хитроумного устройства с электрическим насосом подается наверх в бассейн, откуда по трубе возвращается в ущелье на несколько сот шагов ниже. Томас сам спроектировал вышку и бассейн, который, кстати, очень красив и выложен голубой плиткой на дне и по бокам. Он сам и строил его во время студенческих каникул вместе с рабочими.

Они приблизились к дому. Только сейчас Джо заметил, что терраса дома с одного конца прилегает к пропасти, отгороженная от нее высокой металлической сеткой, поросшей плющом. Границы парка над обрывом густо поросли колючей живой изгородью. Напротив, по ту сторону ущелья, возвышалась Дьявольская скала.

— А где грот?

— Несколько ниже, и поэтому его отсюда не видно. Я покажу его вам позже, из окон второго этажа.

Сейчас Джо уже отчетливо видел на террасе высокую молодую женщину в белом халате и белой медицинской шапочке. Рядом с ней стоял коренастый мужчина в возрасте около тридцати пяти лет.

— Это доктор Дюк, — сказал Джилберн вполголоса, потому что они были уже близко. — А там, в кресле, сидит леди Элизабет Эклстоун. Вы

можете не подходить к ней, поклонившись издалека. Неизвестно, слышит ли она и осознает ли то, что видит, но на всякий случай все говорят ей: «Добрый день!»

Медсестра держала в руке маленькую тарелку и кормила с ложечки сидящую в кресле леди, время от времени вытирая ей рот белым платком. Доктор выпрямился и, увидев гостей, сделал шаг в их сторону. И тут Джо впервые увидел Элизабет Эклстоун, владелицу Норфорд Мэнор и головокружительной суммы в полтора миллиона фунтов.

Это была старая женщина, вероятно, высокого роста. Ее лицо, покрытое сетью мелких морщинок, было спокойным и совершенно неподвижным, как лицо на портрете. Широко открытые глаза задумчиво смотрели прямо перед собой в какую-то даль и казались настолько живыми и выразительными, что Джо на мгновение усомнился в том, что сэр Александр рассказывал о старой леди.

При виде Джилберна доктор Дюк широко улыбнулся.

— Добрый день! Я надеюсь, что ваши дела в Лондоне складываются как нельзя лучше.

— Спасибо, доктор...

Медсестра подняла голову, затем быстро склонила ее в формальном поклоне и снова повернулась к больной. Она немного подвинула кресло, повернув старую леди в профиль к солнцу, передвигая одновременно маленький цветной зонтик на стояке так, чтобы он бросал тень на ее лоб и глаза.

— Как здоровье пациентки?

— Без всяких перемен, сэр Александр. Сердце, к счастью, в порядке. Я не ожидаю какого-либо внезапного ухудшения.

Джилберн поднялся по трем каменным ступенькам на террасу, и как бы забыв о присутствии Алекса, подошел к старой женщине и прикоснулся к ее неподвижной руке.

— Добрый день, леди Элизабет, — сказал он мягко, глядя ей в глаза, которые даже не дрогнули и продолжали смотреть в какую-то неопределенную точку над деревьями далекого леса. — Я очень рад, что вижу вас здесь, как всегда... — он склонился еще ниже. — Прошу верить и молиться в душе, и может быть, все еще будет хорошо...

Он выпрямился и незаметно подал знак Алексу, который поднялся по ступенькам и, с легким поклоном миновав неподвижно сидящую старушку, двинулся за ним к широко открытым дверям дома. Доктор направился следом. Джилберн представил мужчин друг другу.

— У вашей пациентки поразительно разумный взгляд... — сказал Джо, когда они вошли в холл. — Казалось бы, при столь страшном несчастье, как полный паралич, мозг тоже перестает действовать в том смысле, в котором он действует у здорового человека... Однако у нее такой взгляд, будто она совсем здорова.

— Боюсь, что ответить на этот вопрос нелегко... — врач покачал головой. — Бывает, я целыми часами вглядываюсь в нее и стараюсь понять, что же с ней происходит в действительности. Паралич делает невозможным обследование в силу отсутствия рефлексов. Я мог бы отвезти ее в Лондон для проведения самых современных исследований с помощью электромагнитных волн, но это ничем бы ей не помогло, а лишь послужило бы удовлетворению моего профессионального любопытства. Кроме того, такая поездка в этом состоянии могла бы стать губительной для ее... — он заколебался. (Джо знал, что врач хотел сказать «здоровья», но отказался от этого слова.) — ...самочувствия... — закончил доктор Дюк. — На всякий случай Агнес ежедневно читает ей и рассказывает о разных мелочах,

которые происходят. Но мы не знаем, достигает ли это ее сознания. Даже зрачки глаз у нее не изменяются, за исключением тех случаев, когда на них воздействует очень яркий свет. Я даже не знаю, воспринимает ли ее мозг значение того, что видит глаз.

— А какова причина ее болезни? — вежливо спросил Джо.

— Paralysis e tumore columnae vertebrarum, если вы ориентируетесь, что это название значит. — И не ожидая ответа, добавил: — Опухоль на позвоночнике, растущая необычайно медленно. Если бы сразу, много лет назад, как только у нее начали отниматься ноги, она разрешила бы сделать рентгеновский снимок и провести немедленную операцию, оставался еще маленький шанс на излечение. Но она не разрешила. Она заставила меня лечить ее от ревматизма. Впрочем, в первый период казалось, что она права. Я был тогда очень молодым врачом, а несколько крупных знаменитостей, которые осматривали ее до меня, поставили диагноз — ревматизм. Симптомы этих двух совершенно разных болезней в начальной стадии идентичны. А потом было уже поздно. Когда опухоль разрослась, последовало внезапное ухудшение, как обычно бывает в таких случаях. Она уже никогда не выйдет из этого состояния, но к своему счастью или несчастью, может прожить еще несколько лет при соответствующем уходе и профилактике вторичных заболеваний. — Он слегка поклонился: — Извините, но мне пора идти. Я размышляю об одном препарате, который следовало бы ей ввести, хотя, по правде говоря, я не верю в сколь-нибудь радикальное действие этого препарата и улучшение ее состояния. — Он еще раз склонил голову, блеснул красивыми здоровыми зубами и удалился в глубину дома.

— Симпатичный и оптимистичный, — сказал Алекс. — Что дальше?

Как бы опережая ответ на этот вопрос, мистер Ирвинг Эклстоун показавшись в проеме широкой лестницы, ведущей из холла на верхний этаж.

Глава XII

Кроткие, тихие змеи

Ирвинг Эклстоун оказался очень высоким мужчиной с излишне длинными ногами и руками, вследствие чего его туловище казалось слишком коротким, а голова слишком маленькой. Джо не разглядел выражения его глаз, скрытых под толстыми выпуклыми стеклами очков, какие обычно носят близорукие люди. Он лишь заметил, что глаза эти были светло-голубыми и как будто выцветшими, сходными по цвету со светлыми седоватыми волосами, уже порядком поредевшими на лбу. Ирвинг Эклстоун протянул руку Джилберну, а затем быстро повернулся к Алексу.

— Мистер Коттон, не правда ли? Ваша фамилия до сих пор не была мне знакома, но поскольку вы серьезно интересуетесь отраслью, которой и я немного занимаюсь... — он умолк на секунду и тихо рассмеялся, а Джо и Джилберн тоже улыбнулись этой шутке, после чего Эклстоун продолжил: — ...то я готов служить моим скромным опытом, если вы сочтете его полезным для ваших трудов.

Джо вежливо склонил голову.

— Я — адвокат, но с юных лет моим увлечением была история суеверий и предрассудков в нашей стране. Я прочел все ваши книги и знаю, насколько вы являетесь крупным... точнее, единственным авторитетом в этой области.

— О, не будем преувеличивать, молодой человек, не будем преувеличивать! Есть и другие, много других, которые имеют на своем счету определенные достижения...

Однако Ирвинг Эклстоун невольно просиял. А Джо в тысячный раз в своей жизни проверил действие обыкновенной, самой банальной лести как наиболее верного и короткого пути к сердцам людей.

Ирвинг Эклстоун взял его под руку.

— Прежде всего, вы должны сказать мне, что вы ищете. Или, быть может, сначала окинем взглядом мою скромную коллекцию? Я убежден, что она вас заинтересует.

Джилберн сказал:

— В таком случае, поскольку я не являюсь почитателем Дьявола, то позвольте мне немного прогуляться по парку и поглазеть на молодых людей, которые прыгают в воду.

— О, разумеется, мой дорогой, разумеется! — сказал Эклстоун, почти не слыша того, что сам говорит, и уж наверняка не интересуясь тем, куда намерен отправиться знаменитый адвокат. Взяв мистера Коттона под руку, он начал подниматься с ним по лестнице.

Разукрашенные резьбой, слегка волнистые перила эпохи позднего барокко плавно повернули на второй этаж, где по периметру просторного прямоугольного холла тянулся ряд тяжелых дверей, обрамленных каменными порталами. В центре стоял круглый стол, а на нем небольшой хрустальный шар, полный белых роз.

Эклстоун остановился на последней ступеньке лестницы и, по-прежнему держа гостя под руку, очертил другой рукой в воздухе полукруг.

— Именно здесь находится мое маленькое царство. В нескольких небольших комнатах я собрал, возможно, самую интересную демонологическую коллекцию из всех когда-либо существовавших...

Он остановился перед первой дверью и нажал тяжелую ручку из золотистого сверкающего металла. Джо подумал, что этот изумительный блеск отлично характеризует работу прислуги Норфорд Мэнор, но одновременно обратил внимание на толстую обивку двери и двойной замок.

Дверь тихо отворилась. Ирвинг отступил, пропуская гостя вперед. Алекс переступил порог и оказался в большой прямоугольной комнате, со всех стен которой, от пола до потолка, на него смотрели корешки множества книг. Несмотря на то, что снаружи светило яркое полуденное солнце, здесь царил полумрак, рассеиваемый лишь лампой, стоящей на углу большого старого, заваленного бумагами письменного стола. Только спустя несколько секунд гость увидел, что в комнате есть также два окна, расположенные на двух соседствующих стенах. Окна эти были заслонены тяжелыми плотными шторами, не пропускающими ни единого лучика дневного света. Почти подсознательно Джо отметил расположение окон и тот факт, что комната, следовательно, расположена в одном из углов дома. Дверь, через которую они вошли, была единственным местом соприкосновения этого мрачного помещения с внешним миром. Бесшумно закрыв дверь, хозяин протянул руку к выключателю на стене. В ярком свете, залившим комнату, Джо сразу же заметил стоящую по левой стороне письменного стола у стены странную конструкцию из проволочных прутьев, похожую на большую клетку, дно которой украшали искусственные миниатюрные скалы, поросшие островками травы. Между этих скал возвышалось низкое деревце, лишенное листьев.

— Это библиотека, — хозяин плавным жестом указал на стены комнаты. — Здесь я обычно читаю и работаю. Наверное, не одно из этих сочинений вам знакомо, но некоторые... — он подошел к большому застекленному шкафу в углу, внутри которого виднелись старые кожаные корешки книг и лежащие плашмя сморщенные свитки, переложенные блестящим целлофаном, — ...должны вас заинтересовать, если вы действительно

желаете постичь знание о Дьяволе и его деяниях в средневековой Европе. Впрочем, я наблюдаю за ним не только на этом пространстве и в этот период времени. Сейчас я готовлю обширнейший труд о его родословной. А родословная эта весьма длинна и запутанна, как, впрочем, и сама история человечества. Вы, вероятно, будете удивлены, однако, по моему мнению, рога его ведут свое происхождение с Крита, а копыта — из доисторического Шумера. Но не это главное. Самыми важными являются его психологические характеристики, его могущество и власть над людьми. И уже, как их следствие — страх, который он вызывал, и методы, которыми с ним пытались бороться. — Он улыбнулся и, понизив голос, добавил слегка шутливым тоном: — Хотя, если говорить обо мне, то меня всегда больше всего интересовали его почитатели, те, кто с его помощью хотели обрести власть над ближними и материей... Этим людям, из которых лишь некоторые, как, например, доктор Фауст, стали известными, а остальные, незамеченные поэтами, канули в небытие, я намерен тоже посвятить большую книгу. Единственная проблема состоит в том, что я накопил для нее слишком много материала... — он снова улыбнулся. — Я вижу, что вы уже заметили моих любимцев. Нет, нет, это не причуда демонолога. Дьявол является для меня объектом исследования, но я никогда не позволяю себе втянуться в какие-либо игры с ним. Я держу их затем, чтобы ежедневно, наблюдая за ними, как можно лучше понять, почему они являются его символом. Ведь именно в облике Змия он соблазнил Еву. До сих пор художники изображают змею у ног Святой Девы. «И да растопчет она главу твою, Сатана...»

Он подошел к клетке, открыл дверцу и запустил руку внутрь. Джо подошел ближе. Ирвинг Эклстоун убрал руку и закрыл дверцу. Длинная зеленоватая змея слегка качнулась между его пальцами, мягко положила голову на рукав и начала ползти вверх, к шее. Хозяин погладил ее легким движением и, не обращая больше внимания на нее, спросил:

— Вы же не боитесь их, правда?

— Разумеется, нет, — Алекс прикоснулся к голове ползущей змеи, которая сразу же остановилась и замерла. В свете зажженных люстр ее маленькие мудрые глазки сверкали красивым оливковым блеском.

— Вот видите! — Ирвинг осторожно снял змею с плеча и положил обратно в клетку. — Не любит чужих. Признает только меня и горничную Синди, которая кормит этого змия и его супругу. — Он указал вглубь клетки, где на сухой ветке искусственного деревца, оплетая концом хвоста пень, лежала, вытянувшись, вторая змея, несколько меньшего размера и светлее. — До сих пор не понимаю, почему они вызывали именно такие ассоциации? Во мне они будят симпатию. Они такие кроткие, тихие... Но мы говорили о моей библиотеке. А вот тут, рядом, у меня есть еще три комнаты, заполненные экспонатами. Я собираю их издавна, и поскольку не довольствуюсь чем попало, они также составляют коллекцию, которой можно позавидовать. Насколько мне известно, на земном шаре нет музея, который бы располагал такого рода собранием. Но в целом все эти экспонаты являются для меня лишь наглядным пособием. «Сверхъестественным же, — как сказал наш друг Аристотель, — является лишь то, что не поддается наблюдению». Поэтому меня интересует Дьявол в человеческой душе, а не в следах, которые ему приписывают.

— О, раз уж вы напомнили о следах, — сказал Джо вполголоса, пробегая глазами по корешкам томов на ближайшей полке, — сэр Александр Джилберн как-то мимоходом упомянул мне в Лондоне, что он видел отпечатки его копыт в одном здешнем гроте. В Дьявольском гроте, кажется, так он называется, не правда ли? Поэтому я и приехал. Честно говоря, я даже не мечтал, что мне представится случай познакомиться со столь известным

специалистом по демонологии, как вы. Дело в том, что мое скромное хобби заключается как раз в сборе материала для книги, которая объяснит самыми естественными причинами наиболее известные случаи всевозможных феноменов якобы дьявольского происхождения. Я имею в виду как обманные действия, умышленно совершенные людьми, так и случайные шутки природы.

— Это может быть очень интересный труд! — Ирвинг с признанием покачал головой. — Материала для такой книги огромное множество. Все средневековье, вплоть до новейшей истории, ба! — даже включая наш век, наполнено тысячами такого рода явлений. Если не сочтете это наглостью с моей стороны, я мог бы дать вам пару указаний, касающихся фактов, о которых, быть может, вы не слышали.

— Я лишь буду счастлив, сославшись на вас хотя бы в одной сноске. Уже один этот простой факт немедленно поднимет достоинства моей книги в глазах знатоков.

— Не будем преувеличивать, — Ирвинг Эклстоун скромно покачал головой. — А если речь идет об этих отпечатках, то, — он умолк и наклонился к уху гостя, — я даже сам их видел.

— Вы их видели?!

— Да. Дважды. Внутри Дьявольского грота, возле самой щели, ведущей вглубь земли.

— А вы уже нашли какое-либо логическое объяснение этому явлению?

— Нет. Пока нет. Если, конечно, это не было шуткой кого-то... кого-нибудь из...

Он снова умолк, и Джо с легким изумлением заметил, что хозяин дома нервничает. Но это впечатление исчезло так же быстро, как и появилось.

— Я был бы очень доволен, — сказал Ирвинг с улыбкой, — если бы вы захотели этим заняться. Феномен такого рода, имеющий место в наши дни на расстоянии всего лишь нескольких десятков миль от Лондона, мог бы стать поистине сенсационным фрагментом вашей книги. А как вам известно, каждый хороший научный труд должен быть также интересным. Я охотно помогу вам в этом...

Не закончив предложения, он подошел к окну и отодвинул штору. Они оба прикрыли глаза, когда ослепительный поток солнечных лучей хлынул через стекло. Джо с удивлением заметил, что окно забрано решеткой. Ирвинг Эклстоун открыл его и указал на скальную стену, находящуюся прямо напротив. В середине ее виднелось черное отверстие Дьявольского грота. Алекс подошел к окну и высунулся, насколько позволяла решетка. Внизу земля опускалась почти отвесно к ущелью, где тонкая нить ручейка изгибалась среди валунов, поросших темным мхом. Скальная стена по ту сторону возвышалась так же отвесно. Вход в Дьявольский грот находился на расстоянии не более ста пятидесяти ярдов по прямой линии от окна, у которого они сейчас стояли.

— У сэра Александра Джилберна есть довольно своеобразная теория насчет этих следов... — сказал Джо, разглядывая освещенный солнцем лес и выступающий над ним скальный пик.

— Ерунда! — огромные глаза, увеличенные выпуклыми стеклами, сурово посмотрели на гостя. — Сэр Александр, как большинство так называемых цивилизованных и культурных людей, подсознательно погряз в плену суеверий, которые в течение многих веков владели его предками. Практически нет человека, который не был бы каким-нибудь образом суеверным. Но это не касается нас, исследователей! — Он рассмеялся. — Если мы станем суеверны и вдруг решим, что, быть может, действительно сам

Дьявол разгуливает по близлежащим горным пещерам, мы немедленно скатимся до уровня тех последователей Пророка, которые грозят кулаками черной руке Дьявола, оттиснутой на стене Собора Св. Софии в бывшем Константинополе. Я полагаю, вы не хотите сказать, что верите в нечто подобное?

— Ну разумеется, нет, — тихо сказал Джо. — Но ведь сэр Александр тоже не предполагает, что это настоящий Дьявол...

— Хорошо хоть это! Единственно правдоподобное объяснение — это просто шутка. Я подозреваю мою дочь, ее сумасшедшего мужа или молодого Томаса Кемпта. Скорее всего, они хотели позабавиться за мой счет. Другой причины я не вижу.

— А вода?

— Вода? — Эклстоун поднял брови. — Какая вода?

— Когда-то во Франции я набрел на очень похожий случай. — Алекс по-прежнему смотрел на отверстие грота. — Появились следы дьявольских копыт, их стирали, караулили вход в пещеру, но они появлялись вновь, хотя достойные доверия свидетели готовы были присягнуть, что никто туда не мог проникнуть. Позже оказалось, что высоко, в скрытом темнотой потолке грота, образовались маленькие трещины, откуда протекала во время дождя вода, которая немедленно впитывалась в песчаное дно. И именно эти капельки, благодаря стечению обстоятельств, которое случается один раз на миллион случаев, оставляли несколько почти идентичных следов, напоминающих отпечаток козьей ноги довольно своеобразной формы.

— Я не подумал об этом... — Ирвинг насупил брови, — но ведь дождя нет уже две недели, а следы повторно появились в воскресенье... — Он повеселел. — Но конечно, в принципе, вы правы. Так или иначе, она не будет заслуживать даже упоминания, или, может, не более упоминания, в вашей книге! Другое дело, что эти отпечатки очень напоминают определенный тип отпечатка дьявольского копыта, который был популярным примером в четырнадцатом столетии. У меня есть почти идентичный отпечаток... Сейчас я покажу его вам.

И не говоря больше ни слова, он двинулся к двери, а Джо пошел следом, еще раз окинув взглядом дальнюю скалу за окном, темное отверстие грота и ленивые тела змей, неподвижно застывших в высокой клетке у стола.

Когда они оказались в коридоре, хозяин толкнул следующую дверь, и они вошли в другую комнату, быть может, даже несколько большую, чем предыдущая. Но здесь шторы не были закрыты, и солнечный свет легко скользил по самой необычной коллекции из всех, какие Алекс видел когда-либо в своей жизни. Он завороченно оглядел ее, но при этом успел заметить, что и здесь окно зарешечено.

На стенах комнаты рядами висели щипцы, крюки и цепи, снабженные музейными этикетками. Над ними ряд отвратительных металлических масок, предназначенных для пыток, смотрели неподвижными пустыми глазами, в которых таился мрак. Посреди комнаты, на деревянном возвышении, лежали три больших камня. Ирвинг Эклстоун подошел к одному из них и легонько постучал пальцами по шероховатой поверхности...

— Вот, посмотрите... — он указал на вогнутый, правильной формы след, видимый среди глыбы песчаника. — Это булыжник, которым девятнадцать веков назад Дьявол швырнул в голову святого Павла. Так гласит легенда. Этот камень находился в одном маленьком храме близ Неаполя. Когда храм решили разобрать, так как его почти полностью уничтожил некий вид грибка, я купил камень и привез сюда. Вы видите этот след дьявольского копыта? Как живой, правда? Я думаю, что в качестве

чудесного феномена он является производным от своего прототипа в церкви святой Сабины в Риме, где очень долго служил местом паломничества другой камень с такой же легендой. С той лишь разницей, что тем камнем Дьявол швырнул в Доминика, напрасно надеясь размозжить ему голову, которую с легкостью защитил ангел-хранитель. — Он отошел на несколько шагов и указал на открытую дверь в следующую комнату, посреди которой Джо увидел большую клетку, предназначенную, вероятно, много столетий назад для публичного показа сидящих в ней ведьм. — Там у меня есть много гипсовых отливок дьявольских рук и ног из разных церквей, монастырей, замков и постоялых дворов Европы. Появились они почти все без исключения в короткое время после знаменитой буллы Иннокентия VIII, с которой началось их наступление. С той минуты церковь стала считать помилование ведьмы личным оскорблением милостивого Бога. Потом пришла контрреформация, и доказательства существования Дьявола начали размножаться еще скорее. Церковь хотела с помощью видимого заставить поверить в сверхъестественное, а поскольку для примитивного ума вера без каких-либо доказательств невозможна, появилась лавина чудес и враждебных актов той, другой стороны, находящейся в состоянии вечной войны с Небесами. А исходили из старого доброго принципа Парменида: «То, что есть, — есть. А чего нет — того нет!»

— Несомненно! — сказал Джо, ибо хозяин умолк, как бы ожидая его согласия. Он повернулся к камню и посмотрел на отпечаток, который перед тем показал ему Ирвинг. — Но здесь отпечаток ноги, а вернее, копыта. Из того, что вы сказали, следует, что на камне скорее должен был остаться след дьявольской руки?

— Вот именно! — Ирвинг улыбнулся. — Я сам об этом думал. Оказывается, средневековье было не столь требовательным. Достаточно было самого факта наличия следа. А то, что даже Дьявол не кидал бы камни ногами, никому, кажется, не приходило в голову. Но сейчас не об этом идет речь, хотя даже из этой смешной мелочи можно сделать интересные исторические выводы.

— Я убежден, что вы правы, — Джо склонился над камнем.

Некоторое время он смотрел молча, и хотя был человеком отнюдь не суеверным и даже не верующим, ощутил мимолетную холодную дрожь. Оттиск дьявольского копыта, оставленный на камне много столетий назад в маленьком сельском храме, был абсолютно идентичен с оттиском, который он видел на экземпляре «Пигмалиона», найденном в комнате умершей Патриции Линч, и так же идентичен с оттиском на снимке, сделанном Александром Джилберном в Дьявольском гроте.

Некоторое время Джо стоял нагнувшись, не двигаясь. Потом выпрямился и посмотрел на хозяина.

— Значит, этот след очень похож на оттиски, найденные вами в гроте?

— Так, по крайней мере, мне кажется... — Эклстоун развел руками, — по-моему, у Джилберна есть снимки тех отпечатков. Можно было бы сравнить. Но этого не может быть. Если бы это оказалось так, я вынужден был бы поверить в шутку кого-либо из домашних. Никто, кроме них, не имеет сюда доступа. Кто-то должен был вначале сделать слепок из воска... Но ведь это не имеет никакого смысла... — Он внезапно просиял: — Если вас это действительно интересует, попробуйте разгадать эту загадку. Вы надолго приехали к нам?

— На несколько дней. Я остался бы дольше, но не хочу злоупотреблять гостеприимством сэра Александра...

— Чепуха! Я скажу ему, что с завтрашнего дня вы будете жить у нас. Надеюсь, что вы примете мое приглашение. Прошу вас, поверьте, что этим

вы доставите мне огромное удовольствие. За последнее время я почти не выезжал отсюда, а откровенно говоря, люди, живущие сейчас в доме, делают невозможными какие-либо беседы. Может, я и ошибаюсь, но они, по всей вероятности, считают меня безвредным чудаком, так же, как я считаю их безвредными глупцами. Тогда как мы с вами вдвоем могли бы побеседовать о многом...

— Для меня это будет большая честь, — тихо сказал Джо, — если, конечно...

— Значит, вы согласны? Это замечательно! — Ирвинг просиял. — Я велю приготовить вам спальню прямо тут, рядом. А сейчас покажу вам остальные экспонаты.

Но он так никогда и не осуществил этого намерения, потому что раздался тихий стук в дверь, и она бесшумно отворилась. На пороге появилась та самая девушка, которую Джо встретил вчера вечером во время прогулки с сэром Александром. Даже одета она была в то же самое черное платье, только сейчас ее волосы украшал маленький белый накрахмаленный чепчик, а платье прикрывал такой же белый жесткий передник. Увидев Алекса, она покраснела и опустила глаза, но тотчас же подняла их и сказала:

— Завтрак ждет вас уже десять минут, сэр, и барышня очень просит обоих джентльменов сойти вниз.

— Да, конечно! Сейчас идем!

И взяв Алекса под руку, Ирвинг Эклстоун вместе с ним двинулся к двери.

Глава XIII

Мистер Коттон поднимает забрало

Во время ланча доктор Арчибалд Дюк и медсестра Агнес Стоун сидели за одним столом с остальными домочадцами. Но если доктор Дюк активно принимал участие в разговоре, Джо не заметил, чтобы мисс Стоун отозвалась хоть одним словом. Она спокойно ела, изредка поднимая глаза, а когда разговор становился для нее не очень интересным, опускала их, не пытаясь даже взглядом установить контакт с кем-либо. Вместо белоснежного халата она надела простое светло-голубое платье, которое было ей очень к лицу. Почти подсознательно Алекс констатировал, что хотя общее мнение о ее холодном совершенстве, пожалуй, справедливо, тем не менее, мисс Стоун отнюдь не робот, а девушка, которая по-своему хочет понравиться окружающим, используя присущую ей манеру спокойного и сдержанного поведения. Несколько раз она взглянула на часы и два раза тихонько вставала от стола и уходила в направлении террасы, вероятно, проверить, как себя чувствует ее подопечная.

Ланч проходил спокойно, а разговор так напоминал многие другие, которые ведутся в подобных случаях и в подобных местах, что если бы Ирвинг Эклстоун не задал своему гостю несколько деловых вопросов, касающихся демонологии, мозг Джо мог бы работать в полном отрыве от ситуации. Джоан, Николас, Кемпт и Джилберн обменивались за столом простыми, любезными, ничего не значащими фразами. Старый лакей и молодая горничная передвигались беззвучно за спинками кресел, негромко позвякивала посуда, а сквозь зарешеченные окна ярко светило солнце. Было тихо, спокойно и приятно.

Но в воздухе чувствовалось приближение грозы, а мозг Джо Алекса работал с необычайной даже для него быстротой. Джо не верил в то, что

называется интуицией, но в эту минуту он ощущал вокруг и внутри себя все усиливающееся напряжение, причиной которого не были ни какой-либо факт, ни чьи-то слова, ни жесты или интонация. Просто он ощущал отчаянную необходимость действовать, но направления этого действия он не знал. Конечно, у него была теория, но она могла оказаться неверной... Могло быть много других решений. И каждое из них было вероятным, а объяснение могло прийти лишь после того, как совершится следующее преступление.

Джо обвел взглядом два ряда лиц, сидящих по обе стороны стола. Убийца, жертва, убийца, жертва... Кто из них убийца, а кто — жертва? А может, все это вместе взятое родилось лишь в уме Александра Джилберна, страдающего от боли потери, и было легко подхвачено скорым на логические спекуляции мозгом Алекса?.. Если бы! Но все указывало на то, что это не так.

Горничная Синди Роулэнд поставила перед ним маленькую чашечку и что-то сказала вполголоса. Не прислушиваясь, он утвердительно кивнул головой. В этой комнате находился убийца Патриции Линч и его следующая жертва. А он, знаменитый Джо Алекс, спокойно сидел, ел шоколадный торт и был абсолютно беспомощным. Он тяжело вздохнул.

И в этот момент наступил совершенно неожиданный взрыв. Невольной его причиной оказался Томас Кемпт.

— Сегодня перед купанием я честно работал все утро, — сказал он, наклоняясь над столом в сторону Николаса Робинсона. — Я привез из Лондона проект и очень доволен, что сделал это. Совсем иначе работается, когда сознаешь, что в любую минуту можно отложить карандаш и угольник, чтобы окунуться в воду. А ты, Ник, написал что-нибудь сегодня?

— А!.. — Николас взмахнул рукой, в которой держал маленькую серебряную ложечку. — Совсем немного. Я сидел на берегу у ущелья и пытался понять, в чем же заключается красота этой Дьявольской скалы, потому что в ней действительно есть что-то дьявольское. Думаю, что я напишу это. Если картина удастся, я назову ее «Ад 1». Я собираюсь сделать целую серию таких вещей... — Он обратился к Джоан: — Ты понимаешь, чего я добиваюсь? Я хотел бы уловить дьявольское пространство и границу адских мук в нем. Конечно, без всяких тематических аналогий. Никто не сможет этого точно расшифровать. Но я буду знать, что думаю о своем Дьяволе. Тогда он станет моей исключительно частной собственностью... — Он рассмеялся. — Впрочем, трудно требовать, чтобы люди могли рассмотреть свои собственные представления о природе в моих картинах...

— Да. Очень трудно... — тихо пробормотал Ирвинг Эклстоун, который, услышав слово «Дьявол», начал прислушиваться к тому, что говорил его зять.

Алекс увидел, что светлая, посаженная на стройной шее головка Джоан быстро повернулась к Агнес Стоун, и услышал поспешный вопрос относительно здоровья старой леди. Но прежде чем медсестра успела ответить, Николас Робинсон с подозрительным спокойствием спросил:

— Что вы хотите сказать этим «очень трудно», славный отче моей красивой жены? Я был бы вам очень обязан за несколько пояснений, хотя меня интересует не столько Дьявол, сколько хорошая живопись, а об этом вы ведь не очень много знаете, как я успел заметить.

— Что я хочу сказать? — Ирвинг секунду раздумывал, и Джо заметил, что его серьезные, скрытые за стеклами глаза внезапно улыбнулись. — Ничего особенного. Просто я считаю, что такого рода трактовка темы вообще не подлежит дискуссии. Я охотно дам тебе как-нибудь несколько пояснений, мой мальчик, если ты, наконец, всерьез займешься живописью.

Пока что все твои картины и так имеют много общего с Дьяволом. Если ты учтешь, что он тот, кто путает людские пути и мысли, тебе наверняка удастся его выразить. Когда-то кто-то назвал его «властителем мрачного хаоса», и сам не знаю почему, но это определение часто приходило мне в голову, когда я смотрел на твои полотна. Несмотря на это, я предполагаю, что эта мистификация должна принести тебе славу. Люди простые, небольшого ума, обычно презирают то, что они в состоянии легко понять. Необходимо большое мужество, чтобы назвать своим именем бессмыслицу, когда она скрыта под словом «современное искусство». Но быть может, я просто ошибаюсь. Действительно, я не так уж много знаю о том, что ты достаточно произвольно именуешь «хорошей живописью», — он рассмеялся. — Вероятно, я очень неприятный старик. Но возраст тоже имеет некоторые плюсы: он позволяет без боязни высказывать свои взгляды.

Николас тоже улыбнулся, но потом невольно сжал губы. Он выпил глоток кофе и взглянул на тестя, по-прежнему улыбаясь. Но в его глазах улыбки не было.

— А что бы вы сказали, если б я нарисовал вас, Дьявола и эту скалу так красиво, что каждый из вас узнал бы себя с первого взгляда и восхитился бы тем, что вы, очевидно, называете «силой выражения»?

— Я пришел бы в восторг, — Ирвинг склонил голову, — и повесил бы эту картину в моем кабинете, а потом смотрел бы на нее ежедневно, радуясь, что мое единственное дитя замужем за талантливым человеком. Но я опасюсь, что ты не доставишь мне этого удовольствия.

— А я опасюсь, что доставлю...

Николас хотел добавить что-то, но Джоан поднялась с места и любезно кивнула всем головой, давая понять, что ланч окончен. Угроза возможной ссоры рассеялась. Но прежде чем кто-либо успел покинуть столовую, мистер Джеймс Коттон, подойдя к молодой хозяйке, громко сказал:

— Я хочу попросить у вас прощения за небольшой обман, к которому я прибегнул, явившись к вам в дом...

— Обман? — Джоан улыбнулась и посмотрела на него. В белом простом платье, в туфлях на высоких, тонких каблуках и с волосами, зачесанными вверх надо лбом, она сейчас уже не походила на подростка, а выглядела как молодая дама, наследница громадного состояния и дочь старинного рода, которая с полной свободой умеет сохранять достоинство в любой ситуации.

— Да... — Алекс остановился перед ней, заметив краем глаза, что остальные тоже остановились.

Горничная Синди Роулэнд, которая подошла к столу, держа в руке пустой поднос, чтобы убрать посуду, отступила к стене.

— Так вот, — продолжал Алекс, — моя фамилия не Коттон. Она звучит иначе, и поскольку довольно популярна, я перед приездом сюда попросил сэра Александра Джилберна, чтобы он разрешил мне выступить под чем-то вроде псевдонима. Верно, сэр Александр? — он повернул голову и посмотрел на Джилберна, лицо которого выражало безграничное изумление.

— Да, верно... — юрист кивнул головой.

— Моя настоящая фамилия — Алекс, — прибавил Джо быстро, — и я должен просить у вас прощения, миссис Робинсон, что так поздно ее называю.

— Алекс! — Джоан хлопнула в ладоши и на какую-то долю секунды снова стала девушкой в спортивном костюме. — Неужели вы хотите сказать, что вас зовут Джо Алекс?.. Ну конечно! — Она посмотрела на мужа. — Я ведь тебе еще вчера вечером сказала, что я знаю этого джентльмена, но не могу припомнить, где я его видела. Теперь вспоминаю! Ваша фотография

напечатана на обложках всех ваших книг! Как замечательно! Я всегда мечтала с вами познакомиться. Я — ваша самая преданная читательница!

— Вот уж это я могу полностью подтвердить словом чести, — сказал Николас со вздохом.

— А могу ли я, наконец, спросить, что здесь вообще происходит? — Ирвинг Эклстоун подошел к дочери. — Надо ли понимать, что этот джентльмен вовсе не тот, за кого себя выдавал? Зачем, в таком случае, вы взяли на себя труд рассказывать о книге, которую не намерены писать, и расспрашивали о делах, которые вас не интересуют?

— Напротив, — Джо покачал головой. — Демонология — это действительно мое хобби, но...

— Но этот джентльмен — самый совершенный криминологический ум Англии, — закончила Джоан. — А кроме того, он пишет книги. Вы действительно приехали в наши края, чтобы написать роман о Дьяволе?

— Не знаю... — Джо развел руками. — Не знаю, хочу ли я написать такой роман. Я предпочел бы написать научный труд, о котором я недавно говорил с вашим отцом. Потому что, как вы знаете, обычно темой моих скромных сочинений являются преступления. Но я приехал сюда не для того, чтобы стать свидетелем преступления, а затем его описать, а для того, чтобы предотвратить его... — Он улыбнулся и обратился к Ирвингу Эклстоуну: — Мой обман по отношению к вам не столь уж велик. Меня действительно интересует Дьявол, и я действительно хотел бы знать о нем значительно больше, чем знаю. И я надеюсь, что этот дом и его хозяин станут для меня самым лучшим источником сведений, какие только можно себе представить. Если, конечно, вы не откажете от своего приглашения гостю, который с такой легкостью меняет фамилию...

Но Ирвинг Эклстоун не улыбнулся, услышав эту шутку.

— Я думаю, — сказал он тихо, — что вы окажете нам большую любезность, принимая мое приглашение и гостеприимство под этой крышей. Все останется так, как мы решили, и думаю, что Александр не обидится на меня, если завтра вечером мистер Коттон... то есть мистер Алекс ляжет спать уже в Норфорд Мэнор... Я думаю, что все мы будем очень довольны этим, не правда ли?

Наступила минута тишины, а потом Джоан Робинсон быстро сказала:

— Ну разумеется. Я буду надоедать вам вопросами на всевозможные темы. Не понимаю только, что вы имели в виду, говоря... — она умолкла. Потом спокойно продолжала: — Пойдемте в парк. Я думаю, что мужчинам полагается сигара, а мне — час отдыха после ланча. Я — рабыня, правда, не Дьявола, а секундомера, но временами мне начинает казаться, что этот хозяин отнюдь не добрее.

Она кивнула головой и направилась к двери, увлекая за собой остальных. Джо шел в самом конце маленькой группы. Переступая через порог, он на секунду задержался и оглянулся.

Со стены на него смотрел портрет в тяжелой гладкой раме из черного дуба. Ни время, ни наряд эпохи не сделали сэра Джона Эклстоуна более симпатичным, чем он был при жизни. У него было полное, слегка обрюзгшее лицо, а маленькие, широко посаженные глаза смотрели с холодным презрением. С тем же презрением эти глаза смотрели месяц назад и в минувшее воскресенье в лицо человека, который, не оставляя отпечатков пальцев, перевернул этот портрет. А если этот человек посчитал превращение портрета предсказанием своего действия, значит он тот, кто хладнокровно убил Патрицию Линч, а теперь готовится к новому преступлению. Но сейчас это, пожалуй, было уже невозможно. Кем бы ни был преступник, несколько минут назад он был предупрежден, что Джо Алекс прибыл в Норфорд Мэнор.

И хотя Джо не был самонадеянным, он отдавал себе отчет в том, что любой человек, живущий в Англии, ставший или решивший стать на путь преступления, должен знать о нем достаточно, чтобы немедленно потерять охоту действовать.

Мысль эта была утешительной. Но несмотря на это, чувство беспомощности не проходило. Джо вздохнул. Он сделал все что мог. Он объявил убийце о своем прибытии. Ничего другого ему не оставалось. Ближайшие часы должны принести больше информации.

Джо чертыхнулся про себя и вышел в холл.

Глава XIV

«Дай мне его, дух тьмы!»

Они шли вдоль живой изгороди, опоясывающей густым барьером край ущелья, за которым начиналась отвесная скальная стена, ниспадающая к тихо журчащему потоку. С правой стороны, посреди газона, поднималась стройная вышка бассейна, а дальше сад опускался террасами и растворялся в густом лесу, который тянулся еще ниже в долину, где прятался Велли Хауз. Джилберн и Николас Робинсон шли перед ними в шагах пятнадцати... Джо умышленно маневрировал так, чтобы остаться наедине с Джоан. Он заметил, впрочем, что девушка это поняла и помогла ему.

— Скажите мне честно... — она умолкла.

— Да?

— Для чего вы сюда приехали?

— Чтобы найти убийцу вашей тети Патриции Линч и по возможности предупредить, если сумею, какое-либо новое несчастье.

— Так я и подумала, — сказала она спокойно, к его легкому удивлению. — Значит, вы считаете, что он ее убил? Я долго об этом думала, и все же не могу в это поверить. Он ведь не способен на это.

— Кто?

Теперь она посмотрела на него с удивлением.

— Значит, вы не знаете, о ком я говорю?

— Знаю. Но я хотел бы знать, почему вы так предполагаете?

— Я как раз и сказала, что не предполагаю, будто это он. Пока вы не приехали, я готова была думать, что полиция права. Это ведь могло быть самоубийство...

Алекс покачал головой.

— Как? Значит, вы уверены, что это не было самоубийством? Но почему?

— О, давайте пока назовем это не уверенностью, а лишь моим убеждением. Прошу вас, скажите, о чем вы думали непосредственно после этой трагедии?

— Я не знала, что и думать... Видите ли, я ведь ее почти не знала. В течение всей моей жизни она жила в Африке. А потом приехала и почти сразу умерла. Она была грустной и очень нервной... Ее самоубийство не было чем-то невозможным. Вы ведь знаете, что она потеряла мужа?

Алекс кивнул.

— Но с другой стороны... — продолжала Джоан, — возможно, я читаю слишком много детективных романов? Честно говоря, я не читаю ничего другого, ну, может, еще теоретические пособия по легкой атлетике. Так вот, я начала задумываться... А тут произошла эта странная история со следами копыт в гроте... Выглядело действительно зловеще. А этот портрет... В воскресенье его опять кто-то перевернул. Я, конечно, не боюсь, но...

Она содрогнулась, и Джо понял, что Джоан Робинсон все же боится.

— Вы предполагаете, что еще что-то может случиться?

— Не знаю. Во всяком случае, я обрадовалась, когда вы назвали свое имя. Я столько слышала о вас.

— Один вопрос, а потом одна просьба... — Джо улыбнулся. — Но сначала вопрос.

— Слушаю.

— В тот вечер, перед смертью, не обращалась ли миссис Линч к вам с какой-нибудь просьбой?

— Нет... — девушка после секундного размышления покачала головой. — Она вернулась уже после ужина. У нас ужинают несколько раньше, чем в Лондоне. Это, собственно говоря, поздний обед. Патриция прошла прямо к себе и заперлась в своей комнате. Полиция тоже задавала нам этот вопрос. Оказалось, что к ней никто не заходил, кроме Синди, так как через кухонное окно она заметила ее возвращение. Синди спросила тетю Патрицию, будет ли она ужинать у себя. Тетя ответила, что ничего не хочет. Тогда Синди пригостила ей постель и ушла.

— Так, спасибо. А теперь просьба: прекратите, пожалуйста, ваши тренировки до... Ну, скажем, до завтрашнего вечера, пока я не переберусь в Норфорд Мэнор...

— Это невозможно, — коротко сказала Джоан.

— ...и кроме того, — продолжал Алекс, словно не слыша того, что она сказала, — постарайтесь находиться как можно больше времени в обществе своего мужа. Согласны?

— Но что вы... Что вы хотите этим...

— Ответьте: «согласна», — серьезно сказал Джо.

Должно быть, в его голосе прозвучала какая-то особая нотка, которой он сам не заметил, потому что девушка медленно повернула к нему лицо, и хотя он был готов поклясться, что слово «нет» уже было на ее губах, закрыла рот, а потом тихо сказала: «Согласна». Глаза их на секунду встретились. Джоан отвела взгляд.

Они как раз подходили к бассейну, возле которого остановились Джилберн и Николас Робинсон.

— Очень красивое сооружение... — сказал Джо непринужденно, как бы заканчивая начатую фразу. С искренним восхищением он смотрел на большой, в несколько десятков ярдов, прямоугольник чистой, зеленоватой воды, сквозь прозрачное зеркало которой голубые плиты дна казались салатowymi. — Одно из многих удобств, которые могут себе позволить обладатели больших денег. Это выглядит почти как шикарная ванна.

— Действительно! — Джоан подхватила его шуточный тон. — Это выдумка Тома Кемпта. Мы все обязаны ему до гробовой доски за то, что он придумал способ поднятия воды сюда, наверх, и ее циркуляции.

— Да, это очень интересное техническое решение. А как она возвращается обратно? — поинтересовался Алекс.

— По трубам, проложенным под этой лужайкой, — сказал Николас. — А потом вода падает прямо на дно ущелья и опять соединяется с ручьем.

Они обменялись еще несколькими словами, и Джилберн помахал рукой молодой паре.

— Не забудь о нашем завтрашнем бридже, дядя Александр, — Джоан взяла его под руку. — Завтра — день святого Евстафия, и все наши слуги идут в Блю Медоуз на приходский праздник... Мы оба, — она показала пальцем на себя и мужа, — что-нибудь перекусим, а потом спустимся в Велли Хауз, ну, скажем, в двенадцать. Поиграем два-три часа и, таким образом, как-нибудь переждем самую жару.

— А как же твоя пробежка? — удивленно спросил Николас.

— Я решила устроить себе один или два дня отдыха. Боюсь перетренировки. — Она глянула на Алекса. — Я отдам распоряжение прислуге. Какую комнату предпочитаете: солнечную или северную? У нас есть две — на выбор. — Она рассмеялась.

— Я — человек скорее хорошего настроения... — Джо склонил голову.

— Ну, значит, южную! Пока до свидания. — Она ушла, повиснув на руке своего высокого мужа.

— Приведите с собой Томаса! — крикнул им вслед Джилберн. — Сыграем в пятером!

— Хорошо, если он захочет. Кажется, у него много работы в последнее время...

Джо и сэр Александр начали медленно спускаться к Велли Хауз. Оба молчали. Только когда они оказались в лесу, Джилберн спросил:

— Почему вы открыли им свою фамилию, ведь в Лондоне вы сами предложили иное решение?

— Страх... — тихо сказал Алекс. — Я в ужасе. У меня ирреальное чувство, что еще никогда не имел дела со столь коварным и отчаянным умом. Но, к счастью, я уже начинаю видеть первые проблески света. Хотя туман еще очень густой, очень. Но это уже не полная темнота. Я лишь боюсь, что Дьявол об этом не знает. Он все еще уверен, что скрывается в полной тьме. И поэтому может нанести удар.

Джилберн остановился.

— Кому может быть нанесен этот удар? — спросил он тихо.

— Не знаю, — Джо развел руками. — Но уже начинаю догадываться, в чем тут все дело. Я бы очень хотел, чтобы сейчас был уже завтрашний вечер. Думаю, что, оказавшись на месте, я сумею предотвратить самое худшее... Но, может, я ошибаюсь?

Джо покачал головой и молча двинулся вперед, а сэр Александр шел за ним, тихо постукивая своей тяжелой тростью со стальным наконечником.

* * *

Час спустя Джо пробирался сквозь густой лес к тому месту, где его должен был ожидать сержант Хью Кларенс. Молодой полицейский был уже там. Сначала Алекс увидел между кустами блеск спиц лежащего велосипеда. Потом показался его владелец, держа во рту длинную травинку. Он сейчас же вынул ее и выпрямился.

— Добрый день, сэр... — сказал Хью Кларенс и передал Алексу плоский прямоугольный пакет, плотно обернутый в непрозрачную бумагу с эмблемой магазина, перевязанный тонким, крепким шнурком. — Здесь все, что я собрал на нашей территории, а кроме того конверт из Лондона. Скотленд-Ярд велел вручить его вам как можно скорее.

— Спасибо, — Джо положил пакет в боковой карман пиджака. — Завтра в Блю Медоуз намечается народное гулянье, не так ли?

— Так точно, сэр. Как и каждый год, кажется, уже семьсот лет. Вечером, как всегда, найдется немного работы и для нас, потому что некоторые ребята норовят влить в себя слишком много пива. Впрочем, погода для выпивки не совсем подходящая... — он провел пальцами по воротничку мундира. — Душно. Но в целом у нас тихие места, и здесь никогда не бывает серьезных скандалов.

— Да уж наверно... — Джо потер рукой лоб. — Это даже хорошо, ибо я буду вам очень признателен, сержант, если завтра вы пренебрежете своими служебными обязанностями.

— Не понял, сэр? — Кларенс поднял брови.

— Я имею в виду это гулянье. Я бы хотел, чтобы кто-нибудь из полиции постоянно патрулировал местность Норфорд Мэнор. Я знаю, что это непросто, так как вас в Блю Медоуз, кажется, всего пять человек. Но мне это представляется обязательным. И было бы очень хорошо, если бы жители усадьбы как-то узнали, что вся местность находится под наблюдением полиции. Вы меня понимаете?

— Думаю, да, сэр. Вы хотите сказать, что мы должны патрулировать район так, чтобы жители дома нас заметили, а одновременно чтобы им казалось, будто мы не желаем быть замеченными. Так, сэр?

— Именно так мне бы и хотелось.

— Не следует ли обратить особое внимание на кого-то... на кого-то конкретно?

— На всех, сержант. Кроме этого, я не могу сказать вам ничего больше. Я лишь знаю, что сегодня ночью, а возможно, даже вечером, кто-то может попытаться совершить убийство. Он может также совершить убийство завтра утром или завтра днем. Он может совершить его внутри дома или по соседству с ним. А может и не совершить его вообще. Я не знаю. И не знаю также, можно ли предотвратить убийство, испугав убийцу. Кроме того, хотя может показаться, что такой метод предотвращения убийства выглядит ребяческим, я размышляю над тысячей ситуаций, когда в таком лесном скалистом районе вооруженный представитель закона и хорошо обученная полицейская собака могут внезапно потребоваться. Проблема в том, что я не уверен, кто убийца, кого он хочет убить и какие выберет обстоятельства для совершения убийства. Эта молодая дама, бегающая в одиночестве по лесу, тоже меня несколько беспокоит...

— Миссис Джоан Робинсон... — сержант быстро взглянул на него. — Как преступник или как возможная жертва, сэр?

Некоторое время Джо не отвечал. Потом тихо сказал:

— Думаю, что, по крайней мере, она должна находиться под нашей опекой. Она обещала мне, что до завтрашнего вечера прекратит тренировки. А завтра вечером я поселюсь в Норфорд Мэнор. У вас есть под рукой хороший пес?

— Да, сэр. Есть превосходная собака. Овчарка по кличке Нокс. Умная, как человек, но, к счастью, менее болтливая. Как долго надо будет патрулировать эту местность? — он указал рукой на уходящий вверх лес.

— Не знаю... — Джо развел руками. — Может быть, день, может, неделю, а может, и целые годы. Дьявол вечен.

Джо поднялся с травы, на которой оба сидели, скрытые от глаз возможных прохожих.

— Я, разумеется, шучу. Я пробуду здесь еще три дня, и если в течение этого времени ничего не придумаю, еще раз встречу с вами здесь же, хорошо?

— Так точно, сэр.

Сержант Кларенс с почтением пожал ему руку, взял свой велосипед и повел его по тихо шуршащим сосновым иголкам. Когда он исчез, Джо двинулся по направлению к Велли Хауз.

Приближаясь к воротам в каменной стене, окружающей поместье, он внезапно переменял намерение и, направившись в сторону невидимого ущелья, пошел вдоль ограды, где, наверно, уже много лет не ходил ни один человек, потому что кусты густо разрослись и не видно было никакой тропинки.

Джо шел, глубоко задумавшись. Несколько раз он хотел присесть, чтобы открыть пакет, но решил отложить это на потом. Сейчас следовало

просто ознакомиться с местностью, и кроме того, он предполагал, что длительная прогулка по склонам холма благотворно повлияет на состояние его духа.

Внезапно лес кончился, и Алекс почти под самыми ногами увидел дно ущелья, а прямо перед собой противоположную скальную стену. Ущелье здесь, наверху, казалось намного глубже, чем внизу, где поток, стремясь к равнине, бежал, стиснутый меж двумя скалами. Джо пошел вдоль края обрыва, выискивая место для спуска. Пройдя несколько сот ярдов, он увидел узкую тропинку, бегущую, вероятно, из Велли Хауз в деревню Норфорд. Тропинка была крутая, но сравнительно удобная, и он сошел по ней на дно ущелья, почти не выпачкав туфли. По нескольким, словно нарочно уложенным, валунам он пересек ручей и начал взбираться на противоположный склон. Не сходя с тропинки, он вошел в лес, растущий на склоне холма, и когда тропинка свернула направо, сошел с нее и направился влево, в сторону, где находилась невидимая отсюда Дьявольская скала. Джо шел, укрытый тенью деревьев, стараясь не приближаться к краю, откуда его мог бы увидеть каждый, кто находился бы сейчас между Велли Хауз и Норфорд Мэнор. Он снова обнаружил след тропинки, по-видимому, редко используемой, поскольку на ней уже начал расти темно-зеленый мох. Наконец он увидел вдали деревья парка и скалу, а на ней — дом Эклстоунов. Джо отступил глубже в лес, но шел недолго, потому что вскоре деревья кончились, и он оказался перед обрывистой скальной стеной, стремящейся ввысь и освещенной у верхушки лучами солнца, которое стояло уже довольно низко.

Дьявольская скала. Некоторое время Джо стоял неподвижно, разглядывая мелкие травинки, растущие в каменных щелях. Он подумал о Лондоне, который находился совсем близко со своими тысячами улиц, толпой прохожих и рекой автомобилей. Достаточно было сесть за руль, чтобы в течение часа миновать сотни лет и оказаться в темном, призрачном мире средневековья...

Где-то здесь должна была начинаться тропинка в грот, который находился ниже — в самом центре стены ущелья.

Продвигаясь медленно и по-прежнему стараясь не показываться на краю, поскольку окна Норфорд Мэнор были сейчас так близко, что можно было бы пообщаться с его жителями даже не повышая голоса, Джо принялся кружить у подножия скалы. Наконец он нашел то, что искал. Тропинка бежала в направлении, противоположном тому, откуда он пришел, и поэтому не сразу ее обнаружил. И тогда Джо лег и пополз, как мальчишка, играющий в индейца, медленно продвигаясь от куста к кусту и от пня к пню, пока, наконец, не очутился на самом краю и, скрываясь за карликовым можжевельником, посмотрел вниз. Джо увидел уходящие наискосок от этого места вырубленные в скале ступени, которые, несмотря на опасный вид, были довольно удобны для спуска и заканчивались скальной площадкой посредине стены. Успокоенный, он отступил, потом встал и, прячась за деревьями от возможных любопытных глаз, тщательно отряхнул одежду. Это не очень помогло — влажные зеленые пятна на локтях и коленях остались. Джо перестал ими заниматься, уселся под скалой в укромном месте и закурил. Он сидел так, размышляя и выкуривая сигарету за сигаретой, в ожидании, когда наступят сумерки. Теплый закат, постепенно угасая, повис над расположенной между двумя скалами далекой равниной Кембриджшир. Наконец стало темно. Джо встал. Он улыбнулся, подумав о тревоге, которая, должно быть, охватила его хозяина. Он хотел поговорить с сэром Александром еще сегодня. Сквозь кусты он взглянул на противоположный край ущелья. В окнах Норфорд Мэнор уже горел свет.

Джо осторожно придавил каблуком последнюю сигарету и хотел уже двинуться в сторону ступенек, ведущих к скальной площадке, как вдруг застыл неподвижно.

Кто-то тихо шел через лес в его сторону. Под деревьями было уже совсем темно, и когда неясный силуэт миновал его на расстоянии нескольких шагов, он не рассмотрел ни лица, ни деталей одежды. Человек, словно тень, прошел очень тихо и так же бесшумно исчез за краем ущелья. Джо выждал некоторое время, а потом, медленно переступая с ноги на ногу, чтобы случайно не сломать сухую ветку, и тихонько спускаясь все ниже и ниже, пошел вслед за тенью. Одно он знал точно — это женщина.

Джо осторожно выглянул вниз из-за скалы. Луна еще не взошла. В призрачном блеске звезд и света из дальних окон Норфорд Мэнор, на фоне скалы, он увидел темное пятно, похожее на силуэт женской фигуры, которое медленно двигалось вправо и вниз. Опустившись до темной скальной площадки, пятно слилось с ней и как бы остановилось. Джо напряг зрение, но ничего не увидел. Пятно исчезло. Должно быть, там находился Дьявольский грот.

Застыв неподвижно за кустом можжевельника, Алекс смотрел в темную пропасть ущелья, вслушиваясь в тихий шепот ручья внизу. Затем он начал осторожно спускаться вниз, по каменным ступеням, прижимаясь к стене, чуткий, как кошка, стиснув зубы и молясь всем богам, чтобы не столкнуться какой-нибудь камешек.

— Она сумасшедшая... — сказал Джо сам себе, беззвучно шевеля губами. — Просто сумасшедшая...

Он поставил ногу на маленькой скальной площадке, и перед ним открылось черное овальное отверстие в рост человека. Прижимаясь к стене, Джо осторожно огляделся.

Некоторое время он ничего не видел. Потом ему показалось, что он различает в глубине резко сворачивающий вправо скальный коридор. Где-то там, в конце узкого тоннеля, мерцал бледный отблеск как бы свечи, зажженной где-то за поворотом, в глубине пещеры, и колеблющейся от дуновения ветерка.

Джо Алекс с внезапной симпатией вспомнил о докторе Ямамото с его раскосыми японскими глазами и тихо, как призрак, проскользнул в черную пасть пещеры.

Под ногами он ощущал сухой камень, а местами сыпучий песок. Джо двигался согнувшись, хотя казалось, что темнота над его головой тянется далеко ввысь. Перед самым поворотом коридора он остановился и затаил дыхание.

Звучал женский голос, тихий, торопливый и страстный. Опираясь пальцами на холодную стену коридора, Джо выглянул. То, что он увидел, было настолько невероятно, что некоторое время он всматривался как зачарованный в эту картину, исчезающую и вновь проявляющуюся в блеске пламени, отблески которого метались по стенам, будто быстрые, юркие рыбки.

Перед ним, освещенная маленьким, горевшим на земле костром, находилась небольшая, почти округлая скалистая пещера. Ее дно, идущее под уклон к одной из стен, заканчивалось темной расщелиной. Перед ней на коленях стояла женщина, с черными распущенными волосами и молилась, сложив руки.

— Дай мне его... дай мне его, Дух Тьмы... Я хочу стирать его рубашки и ухаживать за ним во время болезни. Я хочу любить его ночью и готовить ему пищу днем. Дай мне его! Только ты можешь дать его, ибо все нас разделяет, и он никогда не захочет взять меня в жены. Он захочет со мной спать

и будет ко мне добр. Но в жены возьмет другую. А для меня нет без него жизни... Я отдам тебе свое тело и душу, и вечное спасение за одно это...

Она умолкла и склонила голову. Теперь она горячо говорила что-то, но так тихо, что до Джо долетал лишь легкий шелест ее слов. Затем она развела молитвенно сложенные руки и из маленького узелка, лежащего рядом на каменном полу грота, вынула пучок засушенных трав и швырнула в угасающий огонь. Пламя на секунду вспыхнуло ярче и снова стало угасать.

Джо отпрянул и на цыпочках, шаг за шагом, сдерживая дыхание, отступил к выходу из грота.

* * *

Когда час спустя сэра Александр Джилберн лично открыл Алексу дверь дома в ответ на его тихий стук, он тут же отступил в изумлении.

— Боже мой! Что с вами случилось?

Алекс оглядел себя при свете и увидел, что он с ног до головы измазан грязью, глиной и прилипшими к ним сосновыми иголками.

— Я был на прогулке... — он улыбнулся. — Я преодолел четыреста лет в течение нескольких часов. Наш друг Эйнштейн был бы мной доволен.

— Я не знаю, где вы побывали, но вид у вас такой, будто вышли из ада.

— О, да — приблизительно. Во всяком случае, я слегка устал. Эта гроза слишком долго висит в воздухе. Ночь гораздо теплее, чем обычно в это время.

— Да... — знаменитый юрист еще раз внимательно осмотрел своего гостя. — После того как умоетесь, оставьте вашу одежду в ванной. Остин придет туда утром и постарается привести ее в порядок, прежде чем вы проснетесь.

— У меня есть другой костюм...

— Неважно. Он отлично умеет это делать. Однако мне не кажется, что вы ужинали в том месте, которое посетили, верно?

— Большое спасибо. Но я не голоден. Вот разве что чашечку чая... — Джо зевнул, прикрывая рот рукой. — И если это не покажется слишком назойливым, я бы хотел еще сегодня отнять несколько минут вашего времени.

— О, разумеется. Принимайте ванну. Чай будет вас ждать. А что касается меня, то я вообще засыпаю с трудом, а в это время — никогда.

— Я очень рад. Меня интересуют некоторые архитектурные проблемы. Джилберн поднял брови, но ничего не сказал.

— Я имею в виду расположение комнат в Норфорд Мэнор.

— Вижу, что вы неутомимы. Если бы еще вам повезло в ваших начинаниях!

— За это не ручаюсь, — сказал Джо серьезно. — Уже очень давно я не оценивал свои способности в мрачной области раскрытия убийств столь низко, как сейчас.

— Вы обнаружили сегодня вечером что-нибудь интересное?

— Нет. В определенном смысле — ничего неожиданного. Но фактов у меня стало больше. А как сказал наш друг Герон¹: «...я прихожу к выводу, что знание может быть использовано не только для улучшения жизни человека, но также для того, чтоб поселить в нем страх и удивление». Но пока оставим это. Меня не покидает странное ощущение: о чем бы я ни

¹ Герон (I век до н. э.) — древнегреческий инженер и ученый, работавший в Александрии.

подумал — это сразу кажется мне бессмыслицей. Истина значительно проще или значительно сложнее моих гипотез. Через четверть часа я вернусь, если позволите.

Джо быстро поднялся по лестнице, и когда через пятнадцать минут вернулся, Джилберн ожидал его почти на том же месте и с тем же выражением лица, с которым Джо его оставил. Они сели за стол и, ожидая, пока чай немного остынет, Алекс перешел к делу.

— Я сегодня заметил, что доктор Дюк живет внизу, на первом этаже, верно? Меня это заинтересовало потому, что в домах такого рода спальни расположены, как правило, на втором этаже, и в любом случае они не могут быть на одном уровне со столовой и салоном. Живет ли кто-нибудь еще внизу?

— Да... Раньше действительно было так, как вы говорите, но когда у старой леди Элизабет отнялись ноги, она решила перенести свою спальню вниз, а вместе с ней туда перебрались врач и медсестра, которых леди хотела иметь ночью поблизости. Тогда в доме были сделаны некоторые переделки, и под спальню оборудовали две небольшие гостиницы и бывшую охотничью комнату. Кроме того, достроили дополнительные ванны. Впрочем, желание старой леди таково, что после ее смерти все должно быть восстановлено в первоначальное состояние. Внизу, кроме того, имеется маленькая гостиная, которую занимал Томас Кемпт, когда еще мальчиком приезжал сюда вместе с матерью. С тех пор он занимает ее всегда, когда приезжает в Норфорд Мэнор. Комнаты прислуги тоже внизу и выходят окнами на пропасть. Со стороны сада они выглядят как полуподвалы, но в действительности у них такие же большие окна, как и в комнатах первого этажа. Они только ниже расположены. Размещение комнат на втором этаже вы частично знаете. Переезд матери и ее окружения Ирвинг Эклстоун немедленно использовал для расширения территории своего музея. Сейчас он занимает там в сумме пять помещений: кабинет, три комнаты музея и спальня. Напротив расположены комнаты Джоан и Николаса, а также несколько свободных гостиных, сейчас никем не занятых. И это все. Резиденция невелика и никогда не расширялась из-за ее месторасположения. В конце концов, редко встречаются дома, у которых стены с трех сторон опадают в пропасть.

— А вы не могли бы, сэр Александр, нарисовать по памяти эскизы первого и второго этажей Норфорд Мэнор?

— Вероятно, да, но это не обязательно. — Он вышел из комнаты и минуту спустя вернулся с тонкой картонной папкой. — У меня есть подробный план дома, поскольку я присматриваю за его состоянием и оплачиваю все ремонтные работы. Хотите взять его в свою комнату?

— Если вы разрешите.

— Охотно. — Джилберн вынул из папки несколько чертежей, выбрал один из них с надписью «II этаж» и показал Алексу. — В этой комнате умерла Патриция... — сказал он тихо. — Я говорю вам об этом, предполагая, что это может вас заинтересовать.

— Спасибо, — Джо вложил чертежи в папку и встал. — Спокойной ночи, сэр Александр. Если просплю — прошу меня не винить, сегодня ночью буду долго работать.

— Я уверен, что никто вам не помешает хорошо выспаться...

Джо направился к двери, но остановился на пороге.

— Да, еще одна мелочь. Не знаете ли вы, почему все окна в Норфорд Мэнор забраны решетками?

— Знаю. Первый этаж был снабжен ими, вероятно, еще в первые годы после постройки дома, а решетки на втором этаже — это идея миссис Эли-

забет Эклстоун. Она боялась за детей — Патрицию и Ирвинга. Почти все окна выходят на глубокую пропасть. После установки решеток она была спокойна за то, что никто из детей не высунется слишком далеко через подоконник. А потом все так и осталось.

— Понимаю. Спокойной ночи, сэр Александр.

И Джо Алекс поднялся к себе. Он долго разглядывал чертежи старого дома. Потом сложил их в папку, зевнул и осмотрелся. Его взгляд остановился на пишущей машинке, и ему показалось, что она ответила ему взглядом, а в ее многочисленных маленьких, густо посаженных глазках-клавишах мелькнуло что-то похожее на упрек.

Он потушил свет и улегся в старинную кровать, где до него лежало очень много людей, вслушиваясь так же, как и он сейчас, в шум деревьев за окном.

Засыпая, он вдруг ощутил очень неприятное чувство. Он тут же очнулся с твердой уверенностью, что о чем-то забыл. Но о чем? И вдруг понял: прошло уже два дня с тех пор, как он в последний раз подумал об одной девушке, которая, вероятно, сейчас крепко спала под теплым звездным греческим небом.

С минуту он полежал без движения, потом вздохнул и тихо сказал в пустоту темной комнаты:

— Не сердись, любимая, это чертовски сложная история. И я так мало понимаю из всего этого... А ты ведь знаешь, что это нечасто со мной бывает.

Он хотел сказать еще что-то, но, видимо, Эфиальт, греческий демон сна, спутал его мысли.

Джо Алекс уснул.

Глава XV

Утро перед грозой

Несмотря на обещание, Джо спал недолго. Он проснулся, когда весь дом еще был погружен в сон. Солнце уже встало и пряталось низко за деревьями, а парк пробуждался, и через открытое окно в комнату влетали голоса невидимых птиц, сидящих на ветках ближайшего каштана.

Некоторое время Джо лежал неподвижно, не в состоянии понять, откуда несутся эти звуки и где он находится. Потом, в одну секунду, он все припомнил и сел на кровати.

Затем встал и, прислушиваясь к тихому плеску воды, наполняющей ванну, подошел к окну. Несмотря на ранний час, по-прежнему стояла жара. Сквозь голубизну безоблачного неба пробивался необычный, почти неуловимый стальной оттенок. Гроза, которая нарастала в атмосфере в течение двух последних дней, становилась почти осязаемой, словно каждый атом воздуха был заряжен электричеством.

Джо принял ванну, оделся и посмотрел на часы. Ровно пять. Он улыбнулся. В течение последних месяцев он не раз ложился спать в этот час, но уже давно не просыпался в это время. Он сел за стол. На листе бумаги, вложенном в пишущую машинку, появилось неуловимое облачко пыли, которое поднялось, когда он прикоснулся к нему пальцами. Греция. Книга. Джо вздохнул. Потом беспокойно пошевелился. Нервное напряжение возвращалось. Где-то на дне этого хаоса должно находиться совсем простое и ясное решение. А он, человек, о проницательности которого кружили по стране легенды, сидел вот тут и ничего не понимал. В каждой гипотезе, какую ему удавалось выстроить, сразу же обнаруживалась какая-то деталь,

которая делала ее бессмысленной. Но ведь Патриция Линч не могла совершить самоубийство. Это он знал твердо. Она не могла его совершить. Значит, кто-то ее убил. Но зачем, в таком случае, этот кто-то вытворил потом свои дьявольские штучки с отпечатками и портретом?.. Безумие? А может, просто ловкость? Конечно, если бы его доставили сюда хотя бы через день после ее смерти, если бы он лучше знал этих людей, если бы допросил их... Но он приехал сюда, когда на могиле этой женщины выросла, наверно, высокая весенняя трава, а время стерло остроту тех минут в памяти людей...

Одно было несомненным: убийца остался в Норфорд Мэнор и действовал дальше. Он не боялся полиции, не боялся разоблачения, не боялся даже, что его поведение предостережет всех вокруг. Правда, кем бы этот убийца ни был, он уже знал, что сам знаменитый Джо Алекс приехал сюда, чтобы расследовать обстоятельства смерти Патриции Линч. А если и это его не остановит?

Джо стиснул зубы. «Тогда я тебя достану...» — сказал он тихо и содрогнулся, потому что сразу же перед его глазами появилось лицо убийцы. Он задумался. Не впервые лицо это появлялось в его раздумьях. Мотив был очевиден, но ни тени доказательств.

Он встал. Распечатанный конверт с документами от Паркера лежал возле кровати. Он взял его в руки.

— Томас Кемпт... Агнес Стоун... Александр Джилберн... Арчибальд Дюк... Ирвинг Эклстоун... Элизабет Эклстоун... Джоан Робинсон... Николас Робинсон... заметки, касающиеся прислуги... Радиограмма из Южной Африки о жизни и делах умершей Патриции Линч...

Абсолютно ничего интересного. Богатство Эклстоунов проверено, оно нерушимо, вот отзыв нескольких банков... Джилберн: без пороков, известный юрист, очень богат, большое состояние, унаследованное от родителей, несколько увеличенное благодаря успешной юридической деятельности... Доктор Дюк: способный врач, происходит из бедной деревенской семьи, стипендиат. Помогает семье. Счет в банке систематически увеличивается на небольшие суммы, никогда ничего не снимал со счета... Агнес Стоун, лучшая выпускница школы медсестер... сирота. Ее нынешняя работа первая, которую она получила сразу после окончания школы... Робинсоны — хорошая семья, прочное финансовое положение, много друзей, милые люди, всеобщие любимцы... Прислуга: безукоризненна, никаких хищений, никаких скандалов.

Джо отложил бумаги, потом спрятал их в чемодан и запер ключиком замок. Затем, после некоторого колебания, снова открыл чемодан, достал оттуда автоматический пистолет и запасную обойму. Он проверил пистолет и положил его в один карман, а обойму — в другой.

— Прекрасно! — сказал он вполголоса. — Я веду себя, как шут из детективного фильма. Мне бы еще пуленепробиваемый жилет и связку ручных гранат за поясом. И в кого это, собственно говоря, я собираюсь стрелять в этом чудесном уголке страны? В кого из этих безупречных граждан? В известного юриста, способного архитектора, знаменитую спортсменку из хорошей семьи? А может, в разбитую параличом даму? В каком-нибудь детективном романе она могла бы вставать ночью и переворачивать портрет... Но как? А следы в гроте? А убийство Патриции? Если бы дочь увидела мать на ногах, она выбежала бы сразу в коридор, чтобы позвать всех домашних... У меня начинается бред...

Несмотря на это, он не вынул пистолет из кармана и не спрятал обратно в чемодан.

Он опять отошел к столу. И вдруг замер.

Внизу звонил телефон. Потом утих. Джо посмотрел на часы. Пять двадцать утра. Сердце забилося быстрее. Значит, все-таки это случилось!

Сквозь толстые стены не проникал ни один звук. Птицы за окном разом стихли, но другие громко запели. Джо осторожно закрыл окно. Он ждал.

Через минуту он услышал то, что так опасался услышать. Глухое медленное постукивание на лестнице. Сэр Александр Джилберн поднимался на второй этаж.

Джо двинулся к двери, но остановился посреди комнаты. Стук.

— Войдите!

Дверь открылась. Знаменитый юрист стоял в халате, накинутом на пижаму.

— Вы не спите...

— Нет. Что-то случилось?

Джилберн вошел и закрыл за собой дверь.

— Только что звонил Томас Кемпт. Портрет сэра Джона Эклстоуна сегодня ночью снова перевернулся лицом к стене.

— Это хорошо! — сказал Джо с таким явным облегчением, но Джилберн посмотрел на него с недоумением.

— Что вы хотите этим сказать?

— О, ничего. Я опасался, что там могло случиться нечто худшее, если говорить откровенно.

— Кемпт ждет у телефона, — Джилберн повернулся к двери. — Он спрашивает, что делать. Я сказал ему, что мы приедем туда на автомобиле через четверть часа... Я думал, вы спите. Я только что-нибудь на себя накину и выведу из гаража машину. Или, может быть, вы лучше выведите свою, а я пока оденусь, хорошо?

— Уже иду.

Они вышли. Через несколько минут Джо подъехал к дому. Джилберн, не побритый, но одетый и причесанный, вышел и сел рядом с ним. Не говоря ни слова, они поехали. Подъехав к воротам парка, Джо коротко спросил:

— Направо?

— Да. Эта дорога ведет только в Норфорд Мэнор и там заканчивается. Она серпантинном пересекает лес и выходит прямо к парку.

Через минуту дорога пошла в гору. Алекс переключил скорость, и двигатель заурчал натужнее. Они ехали в тени, между деревьями леса. Вскоре дорога резко повернула, потом еще раз в обратном направлении, и между расступающимися зарослями он увидел дом и высившийся по другую сторону невидимого ущелья пик Дьявольской скалы. Не доезжая ста ярдов до дома, Джо выключил мотор, и машина бесшумно подкатилась к террасе. Они вышли. В открытых дверях стоял Томас Кемпт в пижаме и халате. Джо махнул ему рукой, обошел машину и посмотрел на дорожку, влажную от утренней росы. На ней отчетливо виднелись следы мужских ног, уходящие от дома по главной аллее вниз, к дороге на Велли Хауз. Джо пригляделся к ним, а потом направился в сторону террасы.

— Добрый день! — он протянул руку Кемпту. — Наш друг снова дал о себе знать.

— Да... — Томас кивнул головой и повел их в сторону столовой. Остановившись перед дверью, он вынул из кармана ключ и повернул в замке. — Я не хотел, чтобы кто-нибудь сюда входил... — сказал он, отворяя дверь и пропуская их вперед.

Джо вошел и осмотрелся.

Сэр Джон Эклстоун исчез со стены. На его месте виднелся темный прямоугольник старого холста. Портрет не был даже укреплен сзади план-

ками. Алекс подошел ближе и осмотрел его. Потом придвинул кресло и сказал:

— Надо его осторожно снять. — Он направился к двери. — Подождите здесь минутку, джентльмены, и прошу вас ни к чему не прикасаться.

Он вышел. В холле по-прежнему никого не было. Джо пересек террасу, подошел к машине, открыл багажник и вынул из него маленький чемоданчик. Затем сунул руку в кармашек дверцы со стороны водителя и достал из него перчатки. Потом вернулся в столовую. Было пять часов сорок пять минут.

Алекс открыл маленький чемоданчик и начал вынимать из него какие-то принадлежности. Кемпт и Джилберн молча смотрели на него.

— Это вы нашли портрет в таком положении? — спросил Джо, прочищая замшевой тряпочкой большое увеличительное стекло.

— Нет. Синди. Я встал рано, потому что поставил будильник на пять часов. У меня очень много работы, связанной с проектом; честно говоря, это моя первая крупная работа. Я привез ее с собой из Лондона, потому что здесь мне как-то лучше думается. Так вот, я встал и вышел в коридор. Я хотел сбежать в бассейн, чтобы окупаться, прежде чем сесть за рабочий стол. Вода смывает остатки сна и освежает... Итак, я вышел в коридор и встретил Синди. Вначале я даже удивился, что она так рано встала. Но я об этом тут же забыл, когда она подошла ко мне и сказала: «Опять». Она показала на дверь в столовую, и я сразу догадался, в чем дело. Я заглянул, и портрет висел так, как висит сейчас. Я закрыл столовую на ключ, велел Синди идти вниз и заниматься своими делами, а потом сам не знал, что делать дальше. Я подумал, что вы находитесь в Велли Хауз и, конечно, будете знать лучше меня, как в таком случае поступить, а кроме того вы, наверно, захотите быть как можно скорее на месте, поэтому, несмотря на ранний час, я позвонил. Вот, кажется, и все...

— А вы не обратили внимания, кто из домашних покинул дом сегодня утром и еще не вернулся?

— Что? Кто-то вышел?.. Значит, поэтому вы осматривали землю перед террасой.

— Поэтому... — Алекс встал на кресло и, натянув перчатки, осторожно снял портрет, держа его пальцами в тех местах, которые перед этим осмотрел. — Там, конечно, не было отпечатков пальцев... — пробормотал он. — И я убежден, что их не будет и нигде в другом месте... Разве что наш Чертенок сменил метод... Но не думаю. Это очень последовательная личность...

Сохраняя по-прежнему предельную осторожность, он сошел с кресла, перевернул портрет и поставил его на полу наискосок так, что только узкий кант рамы прикасался к стене. Затем маленьким шприцем, похожим на пульверизатор, распылил по всей поверхности рамы темный мелкий порошок. Потом медленно, сантиметр за сантиметром, осмотрел всю поверхность с обеих сторон, не пропуская ни малейшего следа или царапины. Он на минуту застыл и долго рассматривал свежую острую царапину длиной в сантиметр. Под стеклом царапинка выглядела как глубокая канавка с растрескавшимися краями, но была настолько мала, что невооруженным глазом ее трудно было бы заметить.

— Вы что-нибудь нашли? — спросил Джилберн, сосредоточенно присматриваясь к нему.

— Не знаю. То есть, да, но еще не знаю, что эта царапина означает. — Он обратился к Кемпту: — Вы не могли бы попросить сюда на минуту горничную Роулэнд?

— Конечно... — Кемпт бросился к двери, явно радуясь, что ему дали возможность действовать. Черты его энергичного, мужественного лица выражали решительность.

Когда он вышел, Джо закончил осмотр и выпрямился.

— Так я и предполагал... — сказал он негромко, но Джилберн его услышал.

— Нет никаких следов?

— Никаких. Наш друг, как видно, настаивает на том, чтобы мы поверили в сверхъестественные особенности этого портрета. — Он глянул на полное лицо сэра Джона, которое было от него сейчас на высоте не большей, чем находилось бы лицо ребенка, стоящего напротив. Но лицо клятвопреступника не было похожем на лицо ребенка. Алексу вдруг показалось, что он увидел на этом лице выражение безумного страха. Потом впечатление исчезло и осталось лишь светлое пятно на темном фоне. Время вспахало поверхность портрета, как кожу старушки: она вся покрылась тонкими мелкими морщинками.

— Вы звали меня?... — Синди Роулэнд стояла за его спиной, одетая в свое служебное черное платье и безупречной белизны передник. Из-под такого же белого чепчика, который красиво контрастировал с ее черными волосами, на Алекса смотрели спокойные глаза, а над ними, как ворон с распростертыми крыльями, нависали прямые, густые, сросшиеся над носом брови.

— Да, мисс. Вы нашли сегодня этот портрет повернутым к стене?

— Да, сэр.

— Когда это могло быть?

Синди бросила взгляд на маленькие часики, которые едва выступали из-под рукава платья.

— Ровно час назад, сэр. Было без пяти минут пять.

— Вы посмотрели тогда на часы?

— Да, сэр. То есть, нет, сэр. На часы я посмотрела, когда надевала их на руку. Тогда было без десяти пять. А с этого момента не могло пройти больше пяти минут.

— А зачем вы пришли в столовую?

— Я хотела собрать чашки и пепельницы. Они всегда остаются вечером, потому что тут маленький бар и кофеварка, а господа часто выпивают стаканчик чего-нибудь перед сном или делают себе кофе, если работают ночью, когда прислуга уже легла спать.

— Вы всегда так рано встаете и принимаетесь за работу?

— Да, сэр. То есть, нет, сэр... — она заколебалась.

Джо, который внимательно смотрел на нее, заметил, что сегодня Синди значительно бледнее, чем тогда, когда он увидел ее впервые.

— Обычно, — продолжала Синди, — я встаю в половине шестого и начинаю работу в шесть, но сегодня день святого Евстафия, и в Блю Медоуз будет праздник. А у нас такой обычай, что вся округа туда собирается. Здесь в доме прислуга всегда подает завтрак немного раньше, и ее отпускают до следующего утра, потому что гулянье часто затягивается, если погода хорошая. Поэтому я встала раньше, выкупалась и быстро оделась, так как хотела убрать внизу и выгладить себе платье, прежде чем Марта встанет и начнет готовить завтрак. Потом у меня уже не было бы времени до самого ланча, потому что надо разнести завтрак по комнатам, застелить постели, помочь миссис Стоун при старой леди, а потом начинается ланч. Поэтому я встала еще до пяти часов и пришла сюда, чтобы убрать посуду. И тогда увидела портрет.

— И что вы сделали?

— Ничего. А что можно с этим сделать? Такие вещи неподвластны челюв... — она прикусила язык. — Я собрала на поднос чашки и вышла. А тут встретила в коридоре мистера Кемпта и сразу сказала ему, что я

здесь видела. Мистер Кемпт заглянул, потом запер дверь на ключ и велел мне идти к себе и никого не будить. Когда я спускалась вниз, я слышала, что он говорил по телефону. Кажется, с вами, сэр? — Она склонила голову в сторону Джилберна. — Я услышала фамилию. И потом я сошла вниз, поставила в кухне поднос на стол и вернулась к себе в комнату.

— И начали гладить платье?

— Да... — она подняла брови. — Ведь именно для этого я и встала раньше.

— Лютер, — сказал Алекс, обращаясь к Джилберну, — проживая в Виттенбергском монастыре, часто просыпался по ночам, как он сам рассказывал и, услышав в коридоре шум, внимательно прислушивался. Убедившись, что это не нападение грабителей и не пожар, а всего лишь Дьявол, он снова спокойно засыпал.

— Чистая совесть, — ответил Джилберн, — бывает и щитом, и мечом.

— Вот именно. А вы, мисс, как видно, не боитесь Дьявола?

— Нет, сэр. Я его не боюсь, — Синди спокойно покачала головой.

Алекс открыл было рот, но ничего не сказал. Некоторое время он молчал.

— Спасибо, мисс...

Синди сделала реверанс и направилась к двери. Потом остановилась.

— Извините, что спрашиваю, но вы, наверно, еще ничего не ели? Может, подать кофе и что-нибудь перекусить?

Прежде чем Джо успел ответить, приоткрытая дверь распахнулась, и на пороге появилась Джоан Робинсон, одетая в красивую серую пижаму и коротенький красный халатик, который придавал ей сходство с греческой девушкой, сошедшей с древней каменной фрески. Она была настолько сонной, что даже серьезный сэр Александр улыбнулся, увидев ее.

— Николас... — сказала она зевая. — Ты здесь? — Оглядевшись, она увидела Алекса и Джилберна, потом взгляд ее привлек стоящий на полу портрет. Она тряхнула головой, отгоняя сон. — Что случилось? — Затем вошла в комнату и приблизилась к Джо. — Что, он опять?.. — и показала рукой на портрет. В течение доли секунды ее сонливости как не бывало.

— А вы ищете мужа? — спросил Алекс, отвечая вопросом на вопрос.

— Да... — Джоан посмотрела ему в глаза, и внезапно он увидел в них испуг. — Мы собирались утром пойти к ущелью. Николас хотел начать работу на рассвете, потому что, как он сказал, только в это время освещение будет соответствовать тому, что он задумал написать. Я приготовила с вечера термос с кофе, и мы собирались встать в пять часов. Я хотела пойти с ним... — Она заколебалась и посмотрела на Алекса. — Я решила прервать тренировку и два дня отдохнуть. Но когда я проснулась и заглянула в его комнату, Николаса уже не было. Должно быть, он вышел раньше, потому что постель уже совсем холодная... Ну, я и сошла вниз... Наверно, он встал раньше и не хотел меня будить...

— Наверно... — Алекс осмотрелся. — Ваш отец, по-видимому, еще спит?

— Не знаю! Обычно он встает очень рано... Иногда мне кажется, что он вообще никогда не спит... Вы хотите повидать его?

— Да, но если только мы не нарушим его сна...

Джоан повернулась к Синди, но поколебавшись, видимо, переменяла решение и быстро проговорила:

— Я сама схожу за ним.

Она вышла из комнаты. Красный халатик мелькнул в дверях и скрылся. Алекс глубоко вздохнул и повернулся к Синди.

— Большое спасибо, мисс... Идите и доглаживайте свое платье. Дьявол Дьяволом, а такое гулянье бывает только раз в году, правда?

— Я его уже выгладила, сэр, — невольно Синди ответила ему улыбкой, но тут же стала серьезной, поклонилась и исчезла за дверью.

— Полный бред... — пробормотал Кемпт. — Но сейчас вы, верно, уже не удивляетесь тому, что мы пришли к вам тогда в Лондоне. Как будто ничего такого не происходит, но... — он умолк. — Вы что-нибудь понимаете?

— Мне кажется, да... Но немного. Во всяком случае... — Джо замолчал.

— Что? — спросил Джилберн.

— Кому-то в этом доме угрожает опасность, и я очень счастлив, что проведу здесь несколько дней. Может быть, мне удастся убедить Дьявола, что он гораздо ближе к аду, чем предполагает.

— Вы думаете, что кому-то здесь действительно что-то угрожает? — Кемпт насупил брови. — Но почему? Я не понимаю, кто мог бы покушаться на мою жизнь, на жизнь сэра Александра или кого-то другого?

— Я этого не сказал, хотя никто из нас не знает, что таит в себе будущее. Если бы люди знали об этом, не одно ужасное деяние осталось бы в сфере намерения и никогда бы не увидело дневного света... Во всяком случае, что бы ни случилось, я могу со своей стороны твердо пообещать лишь одно: хотя для меня не все еще ясно, но человек или демон в человеческом облике, действующий среди ночи на территории этого дома, не воспользуется плодами своей деятельности. И если б я был на его месте, я бы сейчас трепетал от ужаса вместо того, чтобы вытворять здесь дьявольские штучки. Я найду его, если даже он скроется от меня на сто миль под землей!

— Мы все вам в этом поможем! — сказал Кемпт искренне и протянул ему руку. — Хотя я немного понимаю из того, что происходит, но верю, что у вас все получится. И если в скромных пределах моих возможностей я смогу чем-нибудь помочь вам, то...

Он не закончил фразы, потому что человек, появившийся на пороге, спокойно сказал:

— Доброе утро! Это должно быть для вас великолепным стечением обстоятельств, мистер Алекс! Вы собственными глазами увидели один из этих феноменов и стали его свидетелем! Как вам понравилась эта шуточка?

Ирвинг Эклстоун вошел в комнату. Он был полностью одет. Джоан вошла следом, и впервые Джо заметил сходство между отцом и дочерью. Они на первый взгляд казались совсем разными: она — прямая, высокая, полная жизни и почти звериной ловкости юная спортсменка, а он слегка сутулый, ступающий нетвердой походкой, близорукий ученый. Несмотря на это, в строении черепа и черт лица существовало какое-то внутреннее сходство, которое антрополог разглядел бы без труда.

— Если говорить откровенно, мистер Эклстоун, то эта шуточка мне совсем не нравится. — Джо взял портрет в руки, с некоторым усилием поднял его, встал на кресло и повесил на стену. — Я бы предпочел, чтобы ваш достопочтенный предок вел себя немного спокойнее. Как вы знаете, я не только демонолог-любитель, но и автор детективных романов. Мне не нравятся такие забавы.

Эклстоун подошел к портрету и, поправляя свои очки, стал внимательно вглядываться в него, как будто хотел найти разгадку тайны в лице сэра Джона.

— Вы знаете что? — сказал вдруг он, нарушая молчание присутствующих, которые невольно следили за его движениями. — Мне пришло в голо-

ву, что все это может быть результатом деятельности лунатика. Быть может, у кого-то в доме обнаружили сомнамбулические склонности, которые до сих пор не были замечены? История знает такие случаи, когда мысли, засевшие днем в подсознании, проявляются у лунатика в его действиях во сне. Сейчас у нас как раз полнолуние, а ночи безоблачные...

— Но на прошлой неделе у нас еще не было полнолуния, — Джо покачал головой. — Хотел бы я, чтоб так было... Но мне это не кажется правдоподобным.

Ирвинг отошел от портрета и сел в одно из кресел, стоящих вокруг стола.

— В средневековье считали, что лунатик — это человек, которого крестил пьяный священник.

— О Боже! — сказала Джоан. — Сейчас мы дойдем до Дьявола в собственной персоне. Не хочет ли кто-нибудь чашку кофе?

«Еще одна женщина... — подумал Джо. — Они всегда думают о том, чтобы мужчины были накормлены».

— Я полагаю, наш набег на заре продолжается слишком долго, сэр Александр, не правда ли? Кроме того, вероятно, надо проверить, не появился ли одновременно другой феномен.

— Другой? — Ирвинг посмотрел на Джо. — Ах, вы имеете в виду следы в Гроуте. Да, стоило бы проверить.

— Во всяком случае, я пойду, — Джо склонил голову, — в отличие от всех здесь присутствующих, я еще никогда в жизни не видел ничего подобного.

Он поклонился и заметил, что Джоан вышла первой.

— Я пойду с вами, — Ирвинг покачал головой. — Надо же, в конце концов, выяснить... — Он неуверенно улыбнулся. — Это, в самом деле, хорошая шутка, когда в доме специалиста по таким делам происходят подобные вещи и никто не может обнаружить их автора.

Выйдя в холл, Джо услышал возглас с террасы:

— Ник! — воскликнула Джоан Эклстоун.

Джо увидел ее, бегущую вниз по ступенькам. Она пробежала мимо автомобиля и повисла на шее Николаса Робинсона, который смотрел на нее с изумлением, разведя широко руки. В одной из них он держал, вероятно, картину, закрытую большим листом бумаги, свисающим свободно по обеим сторонам натянутого на подрамник холста. В другой руке — тот самый алюминиевый предмет, который Джо заметил, когда встретил его впервые. Ящик с красками и кистями, висящий на ремне, переброшенном через плечо, качался под мышкой.

Николас осторожно освободился из объятий жены и двинулся к террасе. Джоан, очень бледная и улыбающаяся, шла рядом с ним.

— Почему ты не сказал мне, что собираешься встать так рано? Я испугалась, когда не нашла тебя в комнате!

— Испугалась? — Николас рассмеялся. — Уж не подумала ли ты, что я бросил тебя среди ночи, чтобы провести утро в объятиях какой-нибудь ведьмы на Дьявольской скале? Впрочем, у них, кажется, есть свои правила. Они исчезают, когда восходит солнце. — В эту минуту он, очевидно, осознал, что возле дома стоит автомобиль. — Кто-то приехал?

Их голоса чисто звенели в утреннем воздухе. Николас увидел группу мужчин, стоящих на террасе.

— Доброе утро, уважаемый создатель моей жены. Доброе утро, сэр Александр... — он с улыбкой кивнул Алексу. Потом стал серьезным. — Что-то случилось?

Не ожидая ответа, Николас вошел в холл, повесил ящик на вешалку для хранения зонтиков, осторожно прислонил к стене свою картину и повернулся.

— Портрет сэра Джона опять перевернулся сегодня ночью, — сказал Кемпт.

— Беспокойный старичок, — Николас пожал плечами. — Джоан, я голоден, как дракон. Прикажи подать мне что-нибудь поесть, потому что я сейчас начну обкусывать пальцы. А что касается уважаемого предка, то думаю, если вы перестанете обращать на него внимание, он сразу успокоится...

— Мы идем в грот, — сказал сэр Александр, — проверить, не повторились ли отпечатки копыт.

Николас смотрел вслед Джоан, удаляющейся в сторону двери на кухню, потом вдруг резко повернул голову.

— Вам незачем туда ходить...

— Почему? — Алекс стоял возле вешалки, машинально играя замком ящика, в котором находились краски.

— Потому что я был там полчаса назад. Никаких следов нет. То есть, следы есть, но не дьявольские. Возле щели видны остатки какого-то маленького костра, а вокруг него следы небольших, очевидно, дамских туфелек. Вероятно, какие-то девушки ходили туда на прогулку...

— А ты уверен, что проверил все дно грота?

— Совершенно уверен, — Николас вытащил из кармана блузы плоский электрический фонарик. — Я заглядывал повсюду. Не оставил без осмотра ни одного дюйма. Если, впрочем, вы мне не верите, можете сами убедиться...

— А что побудило вас к такому тщательному осмотру грота именно сегодня? — спокойно спросил Джо.

После его слов наступило внезапное молчание, словно все присутствующие только сейчас осознали, что сразу не подумали о том, о чем должны были подумать после первых же слов Николаса.

— Что побудило? — Николас улыбнулся. — Это моя сокровенная тайна... Но ненадолго. Я надеюсь, что еще сегодня вечером поделюсь ею со всеми.

Громко смеясь от какой-то внезапно возникшей мысли, которой он явно не намерен был раскрывать, Николас взял с вешалки свой ящик, осторожно поднял стоящую возле стены картину, не переставая смеяться, направился вверх и скрылся за поворотом лестницы.

— Да... — Ирвинг Эклстоун вздохнул. — За таких вот серьезных людей мы вынуждены, благодаря эмансипации, выдавать в двадцатом веке замуж наших дочерей, которые даже не считают нужным спросить наше мнение... Но несмотря на это, он, по-видимому, не самый худший парень, если Джоан так его любит... — Ирвинг посмотрел на Алекса. — Ну, так что — пойдем в пещеру?

Джо покачал головой.

— Думаю, что это не обязательно. Я не подозреваю вашего зятя в том, что он говорит неправду. И если он утверждает, что осмотрел весь грот, значит, он наверняка знает, что говорит.

— Но почему? — Джилберн наморщил брови. — Ведь он не знал, что портрет перевернут. У него не было никакой причины вставать так рано, а потом бегать туда-сюда по ущелью?

Джо развел руками.

— Хотя меня самого занимают такого рода рассуждения, но я думаю, живя в свободной стране, нам следует подождать до вечера. Мистер Робин-

сон обещал не слишком долго хранить свой секрет. Впрочем, они оба будут сегодня у вас на бридже, верно? Может быть, мы узнаем что-нибудь и раньше?

— А когда карты вам опротивят, милости прошу ко мне! — Ирвинг взял Джилберна под руку. — Мистер Алекс с сегодняшнего дня будет моим гостем, и думаю, что после бриджа он снова появится здесь и уже не оставит нас до самого отъезда.

— Большое спасибо... — Джо улыбнулся. — Я буду стараться приумножить мои скромные познания при помощи ваших огромных знаний.

— Мы придем все, приблизительно в четыре, — сказал Джилберн. — Остин уложит вещи мистера Алекса и поставит его машину сюда в гараж... — Он повернулся к Джо. — Вы можете вовсе не думать об этом. Слуги «переведут» вас из одного дома в другой, а здесь все будет приготовлено к вашему приезду. В прошлом мы много раз так обменивались гостями, которые были нашими общими друзьями.

Джо поблагодарил, и они расстались в Норфорд Мэнор, пообещав Ирвингу, что в четыре часа появятся вновь.

Кемпт подошел к Алексу, уже сидящему за рулем и, нагнувшись к окошку, тихо сказал:

— Не могу забыть ваших слов об опасности, висящей над этим домом. Я не двинусь с места до вашего прибытия. Вы можете на меня рассчитывать... если, конечно, все это не является чепухой.

— Вы тоже можете на меня рассчитывать, — сказал Джо серьезно. — Стоит Дьяволу сделать еще хоть одно движение, и я схвачу его. И тогда мы освободим этот дом от пугающих предположений, которые, как мне кажется, каждый из его жильцов вынашивает в себе, притворяясь перед другими, что ничего не происходит и нет никаких причин морочить себе голову дурацкими шутками. Я ничего не знал ни о Норфорд Мэнор, ни о его Дьяволе. Я хотел написать детективный роман и уехать в Грецию. Но тут вы пришли ко мне и попросили, чтобы я выполнил по отношению к этому Дьяволу роль Архангела с огненным мечом. Боюсь, что это будет не самая легкая из тех ролей, которые я играл в жизни. Но я сыграю ее до конца.

Джо помахал рукой Кемпту и нажал на педаль газа. Машина тихо тронулась и через минуту исчезла в аллее, идущей серпантинном вниз, между зеленой колоннадой старых деревьев с листьями, окрашенными веселыми красками раннего лета.

И лишь когда они остановились на солнечной поляне перед Велли Хауз, Алекса охватило неясное сознание совершенной им ошибки.

В длинной сцене, которая разыгралась перед его глазами в Норфорд Мэнор, что-то было не так. Что-то одно не соответствовало всему остальному! Но что? Он потер лоб рукой, вышел из машины и молча вошел вместе с хозяином в мрачную каменную прихожую.

...Да, это был обрывок кем-то произнесенной фразы... Он засел в под-сознании, атаковал ум и упорно стучал в ворота памяти... Не будучи в состоянии ухватить его и полностью сознавая, что если бы он вспомнил то, что смутно вертится в памяти, сразу бы понял вообще все, Джо Алекс направился в свою комнату с сердцем, полным отчаяния.

*Перевод с польского Роберта СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО
при участии Владимира КУКУНИ.*

Окончание следует.

НЭМАН

11/2016

НОЯБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Василь ГИГЕВИЧ. Гуманоиды: прямой контакт. Современная повесть-сказка для взрослых. Перевод с белорусского М. Печеня	3
Юрка ГОЛУБ. Да слово — только тень былого. Стихи. Перевод с белорусского А. Тявловского	57
Ирина ШАТЫРЁНОК. Два рассказа	61
Андрей СКОРИНКИН. О законе Божьем размышляя... Стихи	74
Раиса ДЕЙКУН. Полевики и полешуки. Рассказ. Перевод с белорусского автора	78
Инна ФРОЛОВА. И заранее зная ответ. Стихи	87
Ольга НОРИНА. Тает льдинка тоски. Стихи	89
Дарья ДОРОШКО. Я находила нужные слова. Стихи	91
«Всемирная литература» в «Нёмане»	
Джо АЛЕКС. Ты всего лишь Дьявол. Роман. Окончание. Перевод с польского Р. Святополк-Мирского при участии В. Кукуни	93
«Сябрына»: Беларусь — Россия	
Мост дружбы	
От редакции	144
Егор КУЛИКОВ. Мухоловки! Мухобойки! Алёна ПОПКО. Чудной часовщик, или Однажды в Косово. Артур ЖУРАВЛЕВ. Фуэте. Иван МАЛИНИН. Кот человека со скрипкой. Ольга МОЛОДЦОВА. Минск — Санкт-Петербург. Марта РАЙЦЕС. Наследие. Сергей ЧЕРНОВ. Юлька. Зарина БИКМУЛЛИНА. Случай на дороге. Рассказы	145
Документы. Записки. Воспоминания	
Оксана РЮХИНА. Мама, отец, мать	194
Литературное обозрение	
С точки зрения рецензента	
Анатолий АНДРЕЕВ. Пламя у пламени	208
Юрий САВЧЕНКО. «...Лети, душа моя, до края...»	212
Инеcса МОРОЗОВА. Раскрепощенность чувств	215
Виктор АРТЕМЬЕВ. «Несут нас — наши ли идеи?»	218
Напоследок	
Жизнь в искусстве	
Алесь КАРЛЮКЕВИЧ. Камиль Камал: Восток и восход в Беларуси...	219
Авторы номера	224

Джо АЛЕКС

*Ты всего лишь Дьявол**

Роман

Глава XVI

«Папочка! Папочка!! Папочка!!!»

— Роббер! — сказал Алекс и посмотрел на часы. Без двадцати четыре. Все четверо встали из-за стола.

Ни ланч, ни бридж у сэра Александра Джилберна не были сегодня тем, что можно было бы считать удавшимися мероприятиями.

— Идем? — Джоан подошла к открытому окну, а затем вернулась. — Я знаю, почему так люблю твой дом, дядюшка. Здесь нет этих проклятых решеток. Норфорд Мэнор — как тюрьма... Нет, клетка!.. А ночью кто-то поворачивает картины лицом к стене! — Она была очень бледна, и ее губы дрожали. Спокойствие, которое отличало ее утром, а затем не оставляло во время завтрака и игры в карты, внезапно исчезло. — Полиция должна, в конце концов, что-то предпринять!

— Пойдем, — Николас взял ее под руку. — Вы ведь тоже идете, правда? Небольшая прогулка всем нам пойдет на пользу. Не нервничай, малыш. Надвигается гроза, и потому мы все немного возбуждены. Это такие маленькие игры электричества в атмосфере с электричеством в серых клетках нашего мозга.

— На всякий случай возьмем плащи, — Джилберн позвонил Остину, а потом они маленькой группой направились через луг к калитке в стене.

Алекс окинул взглядом далекий, возвышающийся над лесом дом на скале. В маленьких окнах Норфорд Мэнор по-прежнему отражалось голубое небо, но воздух сменил цвет, и казалось, будто что-то грозное повисло вокруг.

— Не знаю, что со мной? — Джоан шелкнула пальцами, словно маленькая девочка, показывающая фокус, которому только что научилась. — Хорошо, что Томас там остался... Но, в конце концов, не нужно все принимать так близко к сердцу... Напрасно вы нас так напугали. — Она повернула голову к идущему следом Алексу. — Я столько о вас слышала, что мне сразу показалось, будто Норфорд должен стать местом какого-то ужасного происшествия, того, что встречается в ваших книгах: умный преступник и жуткая тайна... Вы понимаете, что я имею в виду? А тем временем, вы приехали сюда и уедете отсюда, а тут, может, ничего и не случится... я надеюсь... — закончила она тихо. Потом подняла голову. — Мы все должны уехать отсюда. Не знаю почему, но у меня такое чувство, что это не бабушке что-то угрожает... поэтому она могла бы остаться. А мы не должны быть здесь... Я хочу уехать отсюда, Ник. Забрать папочку и уехать в Лондон.

* Окончание. Начало в № 9, 10 за 2016 г.

— Боюсь, я последний человек на земле, который мог бы убедить твоего отца в чем бы то ни было. — Николас улыбнулся. — Кроме того, если мы впадем в панику, то, кажется, сделаем именно то, чего добивается этот шутник. Но, конечно, если хочешь, через пять минут после прихода в Норфорд Мэнор я могу вывести из гаража машину, и поедем. В конце концов, я приезжаю сюда только затем, чтобы спокойно поработать и видеть тебя бегающей по лесу в хорошем настроении. Если это не получается, вся игра не стоит для меня половины пенса.

Луг закончился. Они прошли через калитку и вышли в лес.

— А все же, не скажете ли вы, зачем так рано пошли сегодня в пещеру? — Алекс говорил спокойно, но в его голосе прозвучала легкая нотка настойчивости, на которую Николас немедленно отреагировал.

— Я, конечно, мог бы сказать. Но хотелось подождать до вечера. То, что я намерен добавить к своему рассказу, требует еще... — он умолк. — Ну, давайте уж подождем до вечера! — И улыбнулся. — Прошу не обижаться, но я не столь впечатлителен, как моя маленькая жена... — Он обнял ее за плечи, но тотчас же отпустил руку, как бы удивившись своей фамильярности. — Я знаю, что, когда мы войдем в дом, Джоан успокоится и все будет по-прежнему. Видите ли, это окружение всегда хорошо влияет на нее перед большими соревнованиями, а у меня тоже есть несколько колористических проблем, которые я хотел бы решить. У здешнего мира есть свои магические краски, и я хочу их уловить. В белизне этих скал и в зелени леса есть что-то такое, что в совокупности придает воздуху совсем другую фактуру, чем где бы то ни было. А может, мне только так кажется? Но все равно: в искусстве убеждение является наивысшей истиной.

— О, наверно, ты прав, а я напрасно впадаю в панику... — Джоан выпрямилась. — Когда мы придем, я заварю нам всем хороший крепкий чай. Мистер Алекс поговорит с папочкой о рогах и копытах, а дядя Александр, Томас, ты и я сыграем во что-нибудь, и может, гроза, наконец, начнется, потому что, в конце концов, она же должна когда-то начаться и... И все будет отлично. — Она слабо улыбнулась. — Хорошо, что вся прислуга пошла в Блю Медоуз. Я займусь хозяйством, а кухня всегда возвращает женщине равновесие.

Джилберн, который шел рядом с ними, тихо постукивая своей тростью, вдруг поднял голову.

— Весь этот оптимизм был бы уместен, — сказал он тихо, — если бы не тот факт, что мистер Алекс абсолютно не верит в самоубийство Патриции.

— Что? — Николас не замедлил шага, но в его взгляде Джо увидел почти неприязнь. — Вы всерьез так думаете?

— К сожалению. Кроме многих доводов, которые, в конце концов, можно было бы оспорить, я вижу один, который является непоколебимым. Думаю, что с полной уверенностью я могу констатировать: миссис Линч не совершила самоубийство. Но я не виню ни местную полицию, ни коронера, ни суд присяжных, который утвердил результаты следствия. Мой довод... он довольно деликатного свойства, если можно так выразиться.

— А на чем вы его основываете? — сейчас, пожалуй впервые с того момента, как Алекс его увидел, Николас выглядел взрослым мужчиной, а не взъерошенным, безответственным художником, принявшим позу большого капризного ребенка.

— Насколько я знаю... — Джо посмотрел на него спокойно, — у вас тоже есть свои маленькие тайны! Разрешите и мне сохранить мою до тех пор, пока оглашение ее принесет наибольшую пользу следствию.

— Но это означает, что убийца находится среди нас! — сказал Робинсон с изумлением. — А если он среди нас... — он не закончил начатой мысли. — Во всяком случае, несмотря ни на что, Джоан уедет отсюда сегодня же и не вернется в эту дьявольскую дыру, пока все не выяснится. Убийца — не самое подходящее общество для женщин, даже для таких, которые могут убежать быстрее остальных.

В его последних, на первый взгляд, шутливых словах не было улыбки. Он снова посмотрел на жену.

— Я еду с тобой и буду караулить тебя и днем, и ночью, пока полиция не схватит этого человека. Нет никаких причин здесь оставаться. Я не детектив и ничего в этом не смыслю. Я никогда ни на что не пригожусь, хотя никто не назовет меня трусом. Зато я могу обещать тебе, что даже на тренировке ты увидишь меня на трибуне! — Он обратился к Алексу: — Ну хорошо, а почему полиция спокойно смотрит на это?

— Потому, что смотреть на это беспокойно тоже не имеет смысла, — сказал Джо несколько более сухо, чем того хотел. — Убийца очень ловок, — добавил он мягче, — настолько ловок, что, как вы сами видели, он сделал невозможными любые версии расследования, кроме версии самоубийства. Но, к счастью или к несчастью, он не ограничился этим. Он действует дальше, хотя еще не убивает. И если вы полагаете, что я против того, чтобы все нынешние обитатели Норфорд Мэнор разъехались и ничего бы не случилось, то, возможно, лишь потому, что в данный момент Дьявол действует в том месте, которое мне уже известно, а потом он может начать действовать в других местах, мне неизвестных. Ведь трудно было бы до бесконечности держать полицейскую охрану при каждом из вас. Кроме того, это проклятое дело не оставляет никакой зацепки для нового следствия. Он действует безошибочно.

— Кто?

— Дьявол.

Все замолчали.

— А что, полиция и в самом деле не намерена действовать? — Николас покачал головой. — Но это значит, что нас всех обрекают на возможную резню, надеясь, что при каком-нибудь очередном покойнике Дьявол совершит какую-то маленькую ошибку и разоблачит себя. А что будет, если не разоблачит?

— Тогда мы окажемся перед лицом убийств, загадки которых властям не удалось раскрыть. — Сейчас Алекс уже вполне владел собой, хотя слова, которые он высказывал, впервые в жизни давались ему с трудом. — Вы ведь знаете, что и так бывает. А если речь идет о полиции, то, по крайней мере, пока, полиция — это я. А если бы сэр Александр и мистер Кемпт не отнеслись серьезно к шутке с портретом в прошлое воскресенье, не было бы здесь и меня. Конечно, я в состоянии устроить, чтобы перед Норфорд Мэнор стоял полицейский, а двадцать других разместились во всех свободных комнатах дома. Но это не поможет найти убийцу, и он останется по-прежнему неизвестным. Вы можете также все уехать. Тогда здесь останется леди Элизабет с доктором, медсестрой и прислугой. Что случится тогда, не знаю. Вся трудность заключается в том, что если все уедут в Лондон, тогда, вероятно, ничего не случится. И в этом случае следствие окажется в тупике. Ибо из данных, которыми я располагаю, о смерти миссис Патриции Линч, я могу с полной уверенностью утверждать, что она была убита, однако сейчас уже никто в мире не сможет предъявить преступнику доказательства, что он ее убил. Попросту говоря, не хватает данных. Если бы я приехал сюда месяц назад, сразу после трагедии, возможно, я смог бы сказать нечто большее. В эту минуту я стою перед уравнением с сотней

неизвестных и несколькими сомнительными данными. Я всего лишь человек. А поскольку я человек, который много лет борется с преступлением, я в отчаянии. Вот и все.

— А у вас нет какой-нибудь версии? Джоан говорила мне, что у вас всегда есть какая-нибудь версия, которая вначале кажется абсурдной. А затем оказывается правильной и чудесным образом оправдывается.

— Ваша супруга была ко мне слишком любезна. Да, у меня бывают версии, и порой они действительно оправдываются, потому что всегда основаны на элементарной логике. Но логика требует данных, мотивов и возможностей. Того, что я знаю сейчас, не хватило бы для содержания под арестом в течение даже получаса того лица, о котором я думаю...

— А о ком вы думаете?

Этот вопрос задал Джилберн. Причем так быстро, что Джо машинально открыл рот, чтобы ответить, но так же машинально удержался.

— Вы же юрист, сэр Александр, и прекрасно знаете, что человек, публично подозревающий другого человека в совершении преступления, не имея для этого хотя бы соответствующих логических предпосылок, сам является преступником, хотя и меньшего калибра. В данную минуту я беспомощен, хотя знаю уже очень много, быть может, больше, чем вытекает из моих слов. Но нескольких его действий я не понимаю. Они не согласуются между собой. А ведь все должно быть взаимосвязано. Во всяком случае, с того момента, как я поселюсь в Норфорд Мэнор, я всерьез постараюсь кое-что предпринять... И вы можете быть уверены, мистер Робинсон, что даже если вы сегодня уедете отсюда, вы услышите о результатах расследования. Ибо в эту минуту единственный способ, который остается у Дьявола, чтобы прекратить мое расследование, это только убить меня.

Джоан растроганно взглянула на него, и в ее глазах засветилась улыбка.

— Мы все будем вам сердечно благодарны, — сказала она тихо. — Просто страшно, когда вы с такой уверенностью говорите о Дьяволе и о смерти тети Патриции.

Они вышли из леса. Вдали, возвышаясь над обширной территорией, уже виднелся Норфорд Мэнор. На далекой террасе, словно маленькая статуэтка из белого фарфора, передвигалась женская фигурка, суетясь вокруг чего-то, чего нельзя было разглядеть, но они знали, что это старая, сидящая в кресле женщина.

Джоан вздохнула с облегчением.

— Слава Богу, все в порядке... Это так действует на нервы, что я уже начала бояться... Агнес копошится возле бабушки... Хорошо, что вы с нами... — она посмотрела на Алекса почти умоляюще, как бы прося об опеке и охране от чего-то, чего боялась и не понимала.

— Думаю, что прежде всего надо искупаться, — Николас посмотрел на небо. — Пожалуй, я не припоминаю такой парящей жары в этих...

Он не закончил предложение, потому что из-за деревьев вдруг выбежала красивая немецкая овчарка, остановилась, посмотрела на идущих, а потом спокойно вернулась к молодому человеку в полицейском мундире, который медленно поднимался в гору, приближаясь к дому со стороны леса.

— А что же это вы здесь, сержант? — воскликнул Джилберн, который, видимо, знал его. — Почему не в Блю Медоуз? Там ведь у вас сегодня много людей.

— Да, сэр, — сержант Кларенс остановился и вытер потное лицо, снимая фуражку. — Именно поэтому я здесь. Каждый год на празднике появляется пара сомнительных личностей, а учитывая, что Велли Хауз и Норфорд Мэнор единственные дома в окрестности, где воришка может пожить, и что вся прислуга обычно уходит на весь день... — он развел

широко руки, улыбнулся, отдал честь и двинулся дальше, обходя владения Эклстоунов широким полукругом.

Джо посмотрел на дом. Он был даже доволен, что рослый сержант и его служебный пес гуляют по парку. Хотя какое это имело значение? Дьявол — не то создание, которое боится собак и полицейских. Джо опять бросил взгляд на дом. Медсестра прошла по террасе и скрылась за входной дверью. Даже на расстоянии нескольких сот ярдов ее золотисто-рыжие волосы блеснули на солнце, словно отлитые из металла.

— Привет, Том! — крикнул Николас и взмахнул рукой.

Джо повернул голову.

Томас Кемпт, одетый в белый купальный халат шел босиком по газону со стороны бассейна и потряхивал головой, с которой сыпались серебряные капли.

— Чудесная вода! — закричал он. — Вы все должны немедленно искупаться! Я окунулся на пару минут и чувствую себя, будто родился заново!

Он подошел к ним.

— Как удался бридж, сэра Александр? Джоан опять разнесла всех? В пух и прах?

— Опять...

Алекс резко повернулся.

Со стороны дома донесся приглушенный звук выстрела.

Не размышляя и не пытаясь усомниться, Джо изо всех сил бросился бежать к дому. Одновременно он увидел белую фигурку, которая выбежала на террасу и остановилась, глядя куда-то вправо вверх и указывая на что-то рукой. На окна Ирвинга Эклстоуна. Алекс ускорил бег и сейчас мчался в гору как безумный.

— Папочка! — услышал он за собой женский крик.

Краем глаза он увидел сержанта Кларенса, который тоже рванулся к ним. Собака бежала у его ног. Сержант, не замедляя бега, вынимал из кобуры пистолет.

Кто-то легко обогнал Алекса, словно он был не взрослым, хорошо натренированным мужчиной, а хилым старцем, едва передвигающим бесильные ноги. А ведь он знал, что бежит очень быстро.

Джоан Робинсон бежала босиком. Это тоже он заметил подсознательно. Он успел ее опередить, когда она срывала с ног туфли на высоких каблуках. Она неслась, как ураган, словно подъем, жара и платье не существовали. Даже в эту секунду, когда он бежал с сердцем, полным ужаса и страшного предчувствия неизбежного краха, его охватило восхищение. Прежде чем он пробежал три четверти дистанции, она уже влетела на террасу и исчезла в черном прямоугольнике открытой входной двери.

Агнес Стоун, смертельно бледная, стояла на террасе и прижимала руки к груди.

— Там! — закричала она. — Наверху!

Джо сразу прыгнул на несколько ступенек вверх, но споткнулся и на долю секунды потерял равновесие. В эту ничтожную долю секунды, когда он повернул лицо назад, он увидел Кларенса, который был уже близко, а по главной аллее бежали Николас, а за ним Кемпт, который слегка отстал, путаясь в полах халата. Еще дальше, смешно раскачиваясь и резко опираясь на трость, приближался Джилберн.

Эта картина мелькнула в его глазах, и в ту же минуту к Джо вернулось хладнокровие.

— Оставайтесь здесь и охраняйте оба входа! — крикнул он Кларенсу. Джо выпрямился и, вбегая в холл, потянулся к заднему карману. С пистолетом в руке он вбежал в дом.

Сверху доносились частые и сильные удары, гремящие, как барабанный бой.

Он бросился на этот звук, перепрыгивая через три ступеньки сразу. Джоан Робинсон, отчаянно рыдая, колотила маленькими кулачками в дверь кабинета своего отца.

— Папочка!... Папочка!!! Папочка!!!..

Глава XVII

Облава на того, которого не было

Все произошло так быстро, что когда Джо позже пытался восстановить подробности тех нескольких минут, ему удалось это сделать с большим трудом.

Он взбежал по лестнице и очутился рядом с Джоан.

— Папочка! Папочка!!! Открой!!!

Мягко, но решительно он отодвинул Джоан и наклонился к замочной скважине. Ключа в ней не было. Хотя на дворе ярко светило солнце, в комнате горел свет. В кругу света лампы, которая стояла на столе, Алекс увидел то, чего не хотел увидеть: голову человека, лежащую на поверхности стола так, будто Ирвинг Эклстоун к чему-то прислушивался, приложив ухо к лежащим на столе бумагам. Лицо было обращено в другую сторону от двери. Джо не видел его.

— Он там? — спросила Джоан, жадно хватая воздух.

Алекс молча кивнул. В эту же секунду Николас Робинсон очутился возле них. Внизу Джо услышал быстрые шаги, хлопанье дверью, а потом те же шаги, бегущие наверх.

— Ломайте дверь! — закричала Джоан. — Он там, Ник! Ломайте дверь! Вы слышите?

Джо отступил, чтобы взять разгон. В этот момент на лестничном пролете показался Кемпт в расстегнутом халате, под которым виднелись его атлетическая грудь и мокрые голубые плавки. В одной руке он держал револьвер, а в другой — маленький мешочек с патронами, которые по дороге торопливо засовывал в барабан.

Джо всем телом ударил дверь. Она глухо задребезжала, но не дрогнула.

— Попробуем вместе! — Кемпт положил свой револьвер на стол возле шара с розами и встал рядом. Они налегли на тяжелую дубовую дверь вместе. С оглушительным треском одна из досок филенки расщепилась с внутренней стороны, и дверь прогнулась. В верхней части двери показалась узкая щель. Джоан стояла у стены, прижав к щекам ладони жестом испуганного ребенка.

— Еще раз, вместе! — они ударили с отчаянной силой, которой нет у человека, но которая рождается в нем из неизвестных источников, когда появляется необходимость. Замок лопнул, и дверь распахнулась. Джо, который находился посередине, влетел в комнату и остановился, удерживая равновесие. Того, что он увидел, оказалось достаточно. Он мгновенно повернулся и схватил Джоан, которая влетела следом за ним, расталкивая остальных мужчин.

— Прошу вас вывести жену, мистер Робинсон. Здесь... произошло... Одним словом, она не должна здесь оставаться.

Молодая женщина замерла неподвижно в его руках. Потом, не спуская глаз с отца, тихо сказала:

— Он мертв, правда? Вы можете меня не держать. Я никому ни в чем не буду мешать...

Джо тут же отпустил ее и подошел к письменному столу. Он склонился, потом выпрямился.

— Ваш отец умер мгновенно... — Джо проглотил слюну. — Я должен попросить вас всех, чтобы вы сюда не входили. Мне очень неприятно, но вы, миссис Робинсон, тоже... по крайней мере, не сейчас... — Он посмотрел на Николаса. — Вы все должны выйти из дома в сад. Лучше всего соберитесь за домиком садовника. Если... если это не было самоубийством... убийца еще может находиться в доме. Поэтому вы, миссис, не можете здесь оставаться. Вы все тоже...

Джо увидел Джилберна, стоящего в проеме выбитой двери. Известный юрист держал теперь трость в левой руке. А в правой руке он держал небольшой пистолет малого калибра. Мимолетно Джо подумал о том, как мало говорили эти люди об опасности и как много каждый из них думал о ней, если, как по волшебству, из четырех мужчин, находящихся в комнате, трое имели при себе оружие. А был еще пятый... он тоже держал в сжатой руке пистолет. Только он уже никогда из него не выстрелит.

— Я должен остаться здесь на некоторое время... — сказал Джо, обращаясь к Джилберну. — А вы, пожалуйста, спуститесь в холл и позвоните в полицию. Где сейчас может быть доктор Дюк? А может, найдется какой-нибудь другой врач. Пусть немедленно приезжает. Все должны покинуть дом... — Он посмотрел на Джоан. Она начала тихо плакать, спрятав лицо на груди мужа, который гладил ее по волосам и шептал:

— Тише, малышка, тише, тише...

— Я хочу, чтобы все присутствующие собрались за домиком садовника и никуда не уходили оттуда. Если это не самоубийство, убийца по-прежнему находится здесь, и тогда может возникнуть опасность... — Он кивнул Николасу, который ответил незаметным кивком и вышел, уводя с собой плачущую жену.

Кемпт вышел за ними. На пороге он на момент задержался.

— Не считаете ли вы, что я должен остаться здесь? Я вооружен и...

Джо отрицательно качнул головой.

— Нет. Это дело полиции. Идите с ними. Там находятся три женщины, и вы можете им понадобиться, если возникнет какая-нибудь необходимость... А где ваше оружие?

— Боже! Я оставил его на столе возле двери! — Томас выбежал из кабинета. Джо услышал его шаги на лестнице. Он тоже подошел к двери и остановился. Внизу Джилберн говорил по телефону.

Алекс вернулся и осмотрел комнату. Потом подошел к окну, осторожно отодвинул штору, открыл окно и выглянул. Это окно выходило не на ущелье, а на главную аллею парка. Прямо под ним находилась терраса. Он увидел сержанта Кларенса, спокойно прохаживающегося на расстоянии нескольких десятков ярдов от дома. Собака шла возле его ног, как будто их соединяла какая-то невидимая нить, не дающая возможности ни приблизиться, ни удалиться. Он увидел в руке сержанта блеск темно-оксидированного служебного пистолета.

— Все ли уже находятся за домиком садовника? — крикнул Джо.

Кларенс остановился.

— Да, сэр.

— Никого постороннего не заметили?

— Нет, сэр.

— Хорошо. Я сейчас спущусь вниз.

Он открыл шторы второго окна, выходящего на ущелье и Дьявольскую скалу. Потом медленно подошел к письменному столу. Перед Ирвингом

Эклстоуном и под его неподвижной головой лежали исписанные листы бумаги. Рядом с ними открытая авторучка. Слева несколько книг. Джо быстро наклонился. Нет. На этот раз Дьявол не захотел оставлять свою визитную карточку.

Осторожно, кончиками пальцев, Джо поднял старый, натянутый на тонкую дощечку переплет книги. Боден¹, «*Demonomanie des sorciers*», — великолепный редкий экземпляр первого издания 1575 года.

Он отошел от стола и осмотрелся. Потом вынул из кармана пистолет, который сунул туда, когда выбивал запертую дверь. Краем глаза он заметил какое-то движение в углу комнаты и молниеносно направил туда пистолет.

Длинная зеленая змея медленно ползла вверх по искусственному дереву, в центре террариума. На дне, между камнями, лежала вторая змея. Она свернулась в несколько колец, на которых покоилась ее голова. Некоторое время Алекс молча смотрел на змей.

Чувство, которое охватило его, когда он услышал выстрел, внезапно ушло, и он словно выбрался из кошмарного сна. До этой минуты он действовал автоматически: он говорил, но его собственные слова не доходили до его сознания, он знал, что живет, бежит, ломает дверь, отдает распоряжения беспомощным, испуганным людям... Но он сам продолжал оставаться в каком-то совершенно нереальном состоянии. Случилось то, чего не могло случиться. Не могло случиться. Не могло случиться...

Он потряс головой. Жизнь накатила огромной волной, и в мозгу вспыхнули тысячи маленьких ярких лампочек. Опять зазвенели в подсознании тревожные звонки. Теперь он обязан действовать быстро, как можно быстрее. Он еще раз посмотрел на стол. Но не осмотр был сейчас самым главным. Длинная струйка крови, вытекшей из виска умершего на стол, а затем исчезающая за его краем, начала засыхать. Джо еще раз внимательно осмотрел комнату, стараясь запомнить каждую мельчайшую деталь. Потом он вышел и, держа пистолет в руке, начал спускаться вниз, с обостренным зрением и напряженными мышцами останавливаясь и прислушиваясь на каждом шагу.

Когда он появился на террасе, то не увидел никого, кроме сержанта Кларенса, который на расстоянии в несколько десятков ярдов от дома продолжал прохаживаться то быстрее, то медленнее, но не спуская глаз с входной двери. Джо, зная, что Кларенс меняет темп ходьбы, чтобы затруднить прицел возможному стрелку, повернулся и внимательно осмотрел все окна в радиусе его поля зрения. Потом он направился в сторону сержанта, испытывая неприятное чувство, что его спина выросла до размеров огромной мишени для стрельбы, в которую без всяких усилий мог бы легко попасть любой ребенок. Но одновременно он хотел, чтобы человек, скрывающийся в доме (если, конечно, в доме кто-то прятался!), проявил бы хоть какую-нибудь деятельность и вступил в борьбу. Тогда все стало бы ясно...

Он шел не спеша и отдавал себе отчет, что им сейчас руководит не здравый смысл, а обыкновенный мальчишеский стыд, как бы кто не подумал, что он боится.

— Сэр Александр Джилберн соединился с нашим управлением в графстве, — сообщил ему сержант. — Через несколько минут полиция должна быть здесь. Они сказали также, что сейчас же сообщат в Лондон. Похоже на то, что Скотленд-Ярд велел им информировать о каждом происшествии здесь...

¹ Жан Боден — французский мыслитель (1530—1596).

— Да... — Джо стоял с пистолетом в руке, чувствуя на своей спине солнечный жар, не уменьшившийся с приближением вечера. — А доктор?

— Сэр Джилберн звонил также к аптекарю в Блю Медоуз. Доктор Дюк ездит туда каждое воскресенье играть в бридж. На этот раз он тоже там был, но почувствовал себя плохо и уехал на своем автомобиле в час дня, то есть три часа назад.

— Куда уехал?

— Сэру Александру сказали, что домой.

— Домой? Это значит сюда?

— Да, сэр. Может, в дороге у него испортилась машина, а может, его плохо поняли?

— Узнаем, — Джо еще раз окинул взглядом мертвые окна дома. — Думаю, что мы попросим сэра Александра и мистера Кемпта вести наблюдение за домом. Они оба вооружены. А мы с вами вместе с собакой обойдем все комнаты внутри. Не будем терять времени...

Он хотел еще что-то прибавить, но не сказал ни слова, потому что из-за деревьев послышался характерный звук автомобильного мотора, работающего на первой скорости. Потом звук утих. Машина въехала на ровное место. Через минуту Джо увидел доктора Арчибальда Дюка за рулем автомобиля. Три часа назад доктор выехал из Блю Медоуз, до которого всего-то пятнадцать минут езды.

Глава XVIII

«Чего ты от меня хочешь?..»

— Чего ты от меня хочешь? — устало спросил Бенжамин Паркер и посмотрел на Алекса почти с неприязнью. Они стояли друг против друга в кабинете Ирвинга Эклстоуна, останки которого уже давно исчезли за выломанной дверью, вынесенные двумя рослыми санитарами в серой форме.

— Я хочу только одного... — Джо тоже выглядел уставшим. Его лицо выражало столь сильное напряжение, что походило на маску, застывшую в судороге боли, — чтобы ты довел это расследование до конца и дал мне возможность понять, что здесь, собственно, случилось, Бен.

— Что случилось?! Человек умирает в собственном кабинете, запертый в нем на ключ, от пули из собственного пистолета, и экспертиза это подтверждает. Даже ты сам можешь заявить под присягой, что в момент выстрела в доме не было никого, кроме него. Мы осмотрели весь дом и не нашли никакого тайного хода, коридора или какого-либо иного способа сообщения с домом извне. Все окна дома забраны решетками, а единственные два выхода находились в момент трагедии под твоим наблюдением. К тому же, словно чудом, на месте оказался сержант полиции со своей полицейской собакой. Вы обыскали весь дом. В нем никого не оказалось. Вся окружающая территория обследована и обыскана в течение получаса после происшествия... Нет никакого физического способа, чтобы кто-нибудь мог убить этого человека. Снаружи его тоже не могли убить. Не говоря уже о том, что он точно погиб от пули из того же пистолета, который держал в руке. Однако, чтобы в этом деле уже все абсолютно было ясно, Провидение велело этому человеку работать днем при закрытых окнах и плотно задвинутых шторах... В комнате не оказалось никаких тайных приборов или устройств, которыми любят щеголять авторы криминальных романов. Никаких автоматов, ловушек, подъемников и тому подобного... Нет никакой физической возможности, чтобы это *не было самоубийством!* Никто

в мире не может подвергнуть сомнению этот факт, не рискуя быть всеми осмеянным. А если речь идет о моей скромной персоне, то ты знаешь, что я работал с тобой в самых разных необычных ситуациях. Но ты ведь не хочешь сказать, что предлагаешь мне провести вечер и ночь для разбора того, что фантасты называют *идеальным преступлением*? Разве что сам Дьявол принимает в этом участие. Но в этом случае ты должен пригласить на помощь не полицейского, а священника. Мои компетенции и возможности находятся в реальном мире, и я ничем не могу тебе помочь. Мы должны собрать свое барахло и сваливать отсюда. А по дороге я напишу рапорт для местных властей. Через пару дней соберется жюри коронера и даст свое заключение... На этом дело будет закончено. Хочешь мне еще что-нибудь сказать?

— Да... — Джо устало кивнул головой. — Я ничего не имею против твоих рассуждений... Но я хочу... я хочу попросить тебя лишь об одной услуге. Я еще не понимаю всего... Это, в некотором смысле, *невозможно* понять. Но прошу тебя, Бен, лично, поскольку ты всегда был и остаешься моим другом, и у меня никогда не было оснований сомневаться в твоей дружбе... прошу тебя, давай задержимся здесь еще немного, и ты, авторитетом своей власти, поддержишь все мои абсурдные идеи. Пообещай мне, что ты и твои люди останетесь со мной, пока я не скажу тебе, что сдаюсь. Согласен?

Паркер пожал плечами, а потом посмотрел на него исподлобья.

— Джо... Пойми — я не могу! Это бессмысленно. Это так, будто ты хочешь убедить меня в том, что человек может находиться в двух местах одновременно... Но... — он заколебался. — Я видел твои победы, Джо. Я знаю, что у тебя, действительно, огромный талант. Ты оказал нам столько услуг, что я не могу тебе отказать, если настаиваешь. Но если ты говоришь о нашей дружбе, то лично, как друг, должен тебе сказать, что...

— Спасибо... — Джо кивнул головой. — Не заканчивай. Я знаю, что ты хочешь сказать. Но я ловлю тебя на слове, Бен.

— Хорошо. Но ты должен четко и точно определить, чего от меня требуешь.

— Мы должны допросить этих людей. В этом деле есть несколько моментов, которые мне непонятны, и я хочу их прояснить.

— А когда ты прояснишь эти моменты — что потом?

— Потом, может быть... — Алекс прервал, затем покивал головой. — Да, я хорошо тебя понимаю. Это должно выглядеть идиотизмом. — Тебе, вероятно, стыдно за меня, да?

— О!.. — Паркер сделал неопределенный жест рукой. — Я просто думаю, что ты зашел в тупик уже тогда, когда этот бедняга Джилберн, мечтая о том, чтобы самоубийство его любимой оказалось чем-то менее для него неприятным, пришел к тебе и подействовал на твое воображение всякими там дьяволами. Теперь то же самое воображение толкает тебя к абсурдным поступкам. Но я слишком хорошо тебя знаю и слишком высоко ценю твой ум, а потому уверен, что это не продлится долго. Я готов помочь и я — к твоим услугам... — Он улыбнулся, подошел к Алексу и положил руку на его плечо. — Не огорчайся. Все проходит... С другой стороны, я не понимаю, почему ты, имея перед собой *стопроцентное* самоубийство, хочешь навязать какому-то ни в чем не повинному человеку ответственность за него?

Но Джо, как бы не обращая внимания на его слова, вглядывался в маленькую зеленую муху, которая прогуливалась по темному пятну на письменном столе.

— Посмотри, Бен... — он указал пальцем. Муха, как бы угадывая, что жест касается ее взлета, сделала круг и снова села на то же место, откуда взлетела. — Дьявол Вельзевул был богом мух. Не он один. Киренейцы почитали Акарона, бога мух, а греки — Зевса ...

— Что? — спросил Паркер. — И что из этого?

— Да нет, ничего! — Алекс подошел к письменному столу. — Как ты смотришь на то, чтобы заглянуть в ящики письменного стола? Даже если принять гипотезу самоубийства, ты бы хотел, вероятно, в своем рапорте отметить предлагаемый мотив. Сэр Ирвинг Эклстоун не был рядовым серым человеком, смерть которого не заслуживает даже пары строк в газетах. Он был наследником огромного состояния, нашим крупнейшим знатоком дел Дьявола и Инквизиции, а кроме того, отцом нашей самой знаменитой спортсменки. Если добавить к этому обстоятельства, о которых пресса узнает раньше, чем мы себе воображаем, а также тот факт, что его сестра погибла месяц назад при столь же таинственных обстоятельствах, не говоря уже о том, что над этой семьей тяготеет проклятие, которое — о чудо! — сбылось в десятом поколении, можешь себе представить тот шум, который поднимется в прессе и обществе, когда новость о его смерти станет широко известной?! Хотя бы по этой причине я советую тебе быть очень внимательным и аккуратным...

— Да... — Паркер покивал головой. — Я уже думал об этом. Но в моей профессии это неизбежно. И в конце концов, полиция существует не для того, чтобы удерживать взрослых людей, живущих в деревне, от самоубийства... Однако думаю, что тут ты прав. Мы должны пробиться сквозь все дебри неясностей до конца. Уже сам факт того, что здесь совершилось два самоубийства в течение одного месяца, даст обществу мнению обширную почву для размышлений. Мне следует все об этом знать.

И не ожидая Алекса, он выдвинул верхний ящик стола. Они бегло просмотрели заметки и бумаги, которые не дали ничего интересного и касались исключительно библиографии. В другом ящике почти ничего не было, за исключением нескольких писем из-за границы. Паркер перелистал их. Джо открыл ящик с другой стороны стола. Он вынул из него завернутый в бумагу пакет, взвесил его в руке, потом открыл. Некоторое время он разглядывал его содержимое. Потом тихо свистнул.

— Что случилось? — Паркер бросил в ящик последнее письмо и повернулся к нему. — Что это?

Алекс осторожно, через платок взял первый из двух находящихся в пакете предметов. На первый взгляд они производили впечатление слегка отесанных кусков дерева, с какой-то резьбой в нижней части.

— Можешь передать их на дактилоскопию, — пробормотал Джо, — хотя могу поспорить, что на них не будет найдено никаких отпечатков пальцев... Они влажные... — прибавил он через секунду. Потом насупил брови и некоторое время стоял не двигаясь.

— Но что это такое? — Паркер склонился и непонимающим взглядом скользнул по деревяшкам.

— Если я не ошибаюсь, а видимо, не ошибаюсь, это и есть дьявольские копыта, оттиски которых вызвали такой переполох в доме...

— Ты хочешь сказать, что он сделал оттиски в гроте и на книге своей умершей сестры...

Паркер склонился над предметами с внезапным любопытством.

— Постой! — воскликнул он. — Я начинаю понимать!

— Что понимать? — Джо поднял взгляд, как бы внимательный, но на деле лишенный всякого выражения.

— Ты знаешь, что... — Паркер остановился, а затем быстро продолжал: — Это, конечно, только временная гипотеза... Я подумал, что этот человек, как-никак, слегка чокнутый демонолог... ведь все о нем так говорят, правда?... Мог... мог так проникнуться этим предсказанием, что сам... понимаешь?

— Ты хочешь сказать, что он убил свою сестру, а потом себя, чтобы привести в исполнение приговор, вынесенный его семье несколько веков назад? Я тоже подумал о такой вероятности...

— Правда? Ну, во всяком случае, это объяснило бы сразу оба этих дела. Ты абсолютно убежден, что Патриция Линч не совершила самоубийство?

— Абсолютно.

— А почему?

— Именно из-за этих копыт, — сказал Джо тихо. — Цианистый калий она могла привезти с собой, письма могла не оставить, дверь с грехом пополам могла закрыть и ключ положить на стол, но я не могу понять, как случилось, что на книге, взятой в тот же вечер у сэра Александра Джилберна, оказался утром оттиск дьявольского копыта. Она сама наверняка так бы не поступила. Прежде всего, в комнате не нашли никакого копыта. Во-вторых, психологически совершенно невозможно, чтобы женщина, находящаяся в депрессии по совершенно человеческой, бытовой причине, могла с заранее обдуманном намерением поставить оттиск дьявольского копыта на чужой книге, а затем вынести это копыто в такое место, где его никто не мог бы найти, а потом вернуться и совершить самоубийство. При этом лично для нее этот символ не имел никакого смысла. А если даже допустить, что существует нечто, о чем мы не имеем ни малейшего понятия, и символ этот имел для нее смысл, то как объяснить факт повторения таинственных явлений после ее смерти? Это означало бы, что Патриция Линч имела сообщника, который остался и действовал дальше. А это очевидный абсурд, потому что: 1) самоубийцы не имеют сообщников, 2) если даже один на миллион и имеет сообщника, то не могла его иметь женщина, которая приехала сюда спустя много лет, находилась в Норфорд Мэнор очень короткое время, и практически лишь один Джилберн был для нее близким человеком. А Джилберн, в свою очередь, не мог бы переворачивать портрет сэра Джона в Норфорд Мэнор. Таким образом, Патриция Линч могла совершить самоубийство, но без сопровождения дьявольских штук, или могла быть убита, и тогда эти фокусы являются лишь частью общего плана, в котором ее смерть — только эпизод... Ты понимаешь?

— Понимаю. Но это не исключает того, что Ирвинг Эклстоун мог убить свою сестру, а потом совершить самоубийство, правда? И даже подтверждает это.

— Да. Этого нельзя исключить. Но сначала мы должны быть уверены, что Ирвинг Эклстоун *совершил самоубийство*. Если же он его не совершил, то как его смерть, так и смерть его сестры относятся к плану какого-то третьего лица, которое я предлагаю условно назвать Дьяволом.

— Но ведь Ирвинг Эклстоун *совершил* самоубийство! — Паркер развел руками и покачал головой, как бы желая сказать, что перед человеком, который упорно не хочет признавать фактов, любая аргументация бессильна... — Должен ли я тебе повторять, что человек, который стреляет себе в голову, находясь в совершенно пустом доме, в запертой изнутри комнате, и делая это на глазах многочисленных свидетелей, из которых, по крайней мере, двое достойны всяческого доверия, не может быть убитым кем-то другим? Или ты действительно веришь в сверхъестественные силы? Джо, дружище, скажи, чего ты от меня хочешь?

Глава XIX

«А рядом с ней змея...»

— Чего я от тебя хочу? Не знаю. Если бы знал, мы могли бы через пять минут распрощаться с этим очаровательным уголком нашей страны и уехать в менее очаровательный Лондон, где мне, быть может, удалось бы закончить в срок эту кошмарную книжицу и улететь в Грецию... Но я уже перестал в это верить. Однако оставим мечты и давай попробуем все это привести в какой-то порядок.

— Я буду счастлив, — пробормотал Паркер. — Потому что, как только ты приведешь в порядок то, что собираешься, мы тотчас уедем. Так мне подсказывает интуиция...

Паркер вздохнул и сел в кресло напротив письменного стола, с явным отвращением разглядывая змею мужского рода, которая прогуливалась по дну террариума, время от времени прикасаясь головой к боковому стеклу, будто пыталась найти в этом хорошо знакомом ей окружении что-то новое.

Алекс выдвинул ящик стола, где еще раньше заметил чистую писчую бумагу, вынул один лист и положил перед собой.

— Прежде всего, я хочу выписать фамилии всех проживающих в этом доме лиц, а потом установить, где они находились в момент убийства...

— Зачем? — Паркер оторвал взгляд от змеи и с тоской посмотрел на друга. — Ведь ты сам можешь под присягой показать, что никто из них не убил Ирвинга Эклстоуна.

— О господи... — Джо вынул платок и отер пот со лба. — Ты обещал мне помочь. Так хотя бы не мешай сейчас...

— Но ведь... — Паркер умолк.

— Начнем с прислуги... — Алекс вынул перо: —

1. Джозеф Райс — лакей
 2. Марта Коули — кухарка
 3. Синди Роуленд — горничная
- И садовник. Как же его фамилия?

Паркер посмотрел в свою записную книжку.

— Филд.

— Точно. 4. Садовник Филд. Кто дальше? Медицинский персонал, если можно так сказать. А именно:

5. Доктор Арчибальд Дюк
6. Агнес Стоун, медсестра.

Дальше идет семья:

1. Джоан Робинсон
2. Николас Робинсон
3. Томас Кемпт.

Можно сюда добавить еще сэра Александра Джилберна, которому дадим номер десятый. И на этом закончим наш список.

— Но ведь в расчет может входить и кто-то чужой? — заметил Паркер.

— Ты сам сказал, что в расчет не может входить никто... — Алекс невольно улыбнулся, но тут же стал серьезным. Он посмотрел в окно.

Над полосой поросших деревьями холмов по-прежнему раскинулось безоблачное вечернее небо, но вдруг где-то далеко на нем возник и погас отблеск далекой молнии.

— Гроза... — Паркер глубоко вздохнул. — Наконец-то. Лишь бы только не прошла мимо... — Он подошел к террариуму, на дне которого непод-

вижно лежали змеи. — Даже эти создания потеряли все свои силы... — Он склонился над ними. — А это еще что такое?

Алекс оторвал взгляд от бумаги, на которой делал маленькие, ему одному понятные отметки рядом с фамилиями.

— Что случилось? Ты что-то нашел?

— Да. Это похоже на отмычку. А рядом с ней змея.

Джо подошел и посмотрел.

— Они не кусаются? — спросил заместитель начальника Департамента уголовного розыска Скотленд-Ярда с детской неуверенностью, которая Алексу, знающему его безграничную храбрость в борьбе с вооруженными людьми, показалась почти трогательной. — Надо это как-нибудь достать.

— Попробую, — Джо открыл дверцы клетки. Одна из змей подняла голову и зашипела.

— Осторожно! — сказал Паркер.

Алекс взял металлический предмет в руку, и тут змея нанесла удар. Ее голова молниеносно метнулась к ладони и ударилась о нее. Джо тряхнул рукой. Змея упала на дно. Она тихо зашипела и отклонилась назад для второго удара.

— Она тебя укусила! — Паркер быстро закрыл дверцу террариума. — Сейчас позвоню нашему доктору! — и двинулся к двери.

Алекс остановил его.

— Они не ядовитые. И к тому же она меня не укусила.

— Покажи...

На ребре ладони виднелось два небольших покраснения. Зубы, удары которых могли нести смерть лягушкам и ящерицам, не смогли пробить человеческую кожу.

— Ты слишком слаб — ведь ты всего лишь Дьявол.

Отбрось обличье людское и уйди,

Змеей пятнистой ползая на брюхе!

Моих заклятий сила правит даже адом,

Ты первый мощь их ощутишь! — тихо продекламировал Алекс.

Где-то над скалами снова сверкнула молния. Послышалось эхо далекого грома.

— О господи! — тряхнул головой Джо. — А ты знаешь, что в подлиннике сразу за этим текстом следует ремарка: «Гром и молния над скалами. Скала поглощает Дьявола».

— О чем это ты говоришь? — Паркер протянул руку, чтобы взять у Алекса предмет, вынутый из террариума.

— Это отрывок из пятого акта пьесы «Рождение Мерлина», частичное авторство которой приписывают Шекспиру.

— Что? — Паркер покачал головой, разглядывая предмет.

— Это часть...

— Я слышал, но что *это* такое?

— Вероятнее всего, ключ.

— Наверно. У него очень интересный узор на ободке, как бы предназначенный для старинного сложного замка. Но изготовлен недавно...

— Да. И если следовать твоей теории о том, что сумасшедший демонолог убил свою сестру, то ключ должен точно подходить только и исключительно к двери комнаты, в которой умерла Патриция Линч... — сказал Алекс тихо.

— Что? — Паркер быстро взглянул на него. — Я не подумал об этом...

— Может, проверим это сразу? — Джо взял ключ из руки друга, подошел к двери и попробовал вложить в сломанный замок. — Здесь точно не подходит...

Он вышел в коридор, по которому прохаживался полицейский в мундире, миновал его и приблизился к двери комнаты, которую Джилберн указал ему вчера.

— Если я хорошо запомнил расположение комнат, то, кажется, вот эта...

Джо остановился и подождал, пока Паркер поравняется с ним. Потом нажал ручку двери, открыл ее и заглянул в комнату. Ключ торчал в замке по ту сторону двери. Алекс вынул его и вложил в замочную скважину ключ, найденный в клетке. Замок легко и бесшумно сработал, закрывшись и открывшись.

— Действует! — Паркер попробовал сам, а потом положил ключ в карман. — Проклятая гроза! — пробормотал он. — Совсем забыл об отпечатках пальцев. Эта духота может самого Дьявола вывести из равновесия.

— Не думаю... — Джо вложил в замок ключ, который находился там раньше, потом медленно направился в сторону кабинета Ирвинга.

— Ну, уж теперь-то, я думаю, ты полностью убежден, — Паркер остановился посреди комнаты, — все настолько ясно, что не требует ни слова комментария. Он убил ее, а потом себя. С детских лет этот человек находился под впечатлением всяких историй о Дьяволе. Потом это перешло в тихое безумие. У этих спокойных пожилых джентльменов иногда бывают странные увлечения. Такого рода увлечение и свело его с ума. Впрочем, *ничего другого и не могло случиться*. Никто не мог его убить, а в его комнате найдено доказательство, указывающее на то, что он сам был убийцей.

— Вот именно... — сказал Джо очень тихо. — Вот именно.

— Не понимаю! — Паркер подошел и положил руку ему на плечо. — Я действительно перестаю тебя понимать, Джо. Пожалуй, впервые в жизни я перестаю тебя понимать, причем настолько, что не знаю, как с тобой разговаривать. Подумай! — он невольно повысил голос. — Ты отдаешь себе отчет, в какой смешной ситуации мы сейчас находимся? У нас есть все доказательства самоубийства, абсолютное доказательство убийства, совершенного безумцем, у нас есть мотив его действий, и мы со стопроцентной уверенностью знаем, что этот человек *должен был* отнять у себя жизнь. Что тебе еще нужно?

— Во-первых, чтобы ты перестал на меня кричать. А во-вторых, — он умолк на секунду, — в твоих рассуждениях есть один небольшой изъян.

— Изъян? — возмутился Паркер. — Не шути со мной!

— Прежде всего, — Джо выпрямился, — я хотел бы обратить твое внимание на то, что именно я сразу сказал, к какой двери подойдет этот ключ. Во-вторых, — и это самое главное, — если мы примем гипотезу, что Ирвинг Эклстоун был безумцем, то зачем он оставил столь явные и убедительные улики, указывающие на него как на убийцу собственной сестры? Безумец (насколько я понимаю мотивы поведения такого склада ума) старался бы показать всем, что проклятие, действующее в десятом поколении, исполнено не им, а Дьяволом. Поэтому я не очень понимаю, зачем он так ясно дает понять, что именно он, а не Дьявол, убил Патрицию Линч? Ведь в первом случае найден отпечаток дьявольского копыта, найдены следы в Гроуте, а портрет сэра Джона повернулся лицом к стене. Сэр Джон действительно является лицом, которому проклятие было брошено, и поворотом лицом к стене его портрета без отпечатков пальцев на раме — весьма эффектное событие, демонстрирующее действие сверхъестественных сил так же, впрочем, как и остальные необыкновенные и сверхъестественные явления, о которых я уже говорил. Но тогда возникает вопрос: почему Ирвинг Эклстоун действует столь непоследовательно? Он ведь мог легко

спрятать в совершенно недоступном месте и этот ключ-отмычку, которым, как ты предполагаешь, он запер дверь комнаты Патриции Линч, положив ее собственный ключ на стол после совершения убийства, и эти деревянные обрубки с дьявольскими копытами. Но он не сделал этого, уничтожая раз и навсегда весь эффект, достигнутый им в результате предыдущих хитроумных, хотя и несколько театральных действий. Все это вместе взятое как-то не вяжется, правда?

— Я полагаю, ты не требуешь, чтобы я ожидал от безумца полной последовательности его действий, Джо? — Паркер развел руками. — Я не психиатр. Но я думаю, что даже десятилетний ребенок, если представить ему: а) факт, что Ирвинга Эклстоуна никто не мог убить и б) факт, что он держал все эти приспособления при себе, — должен был бы сделать только один вывод.

— Знаю... — Алекс кивнул головой. — К сожалению, я не десятилетний ребенок и не хочу верить тому, что вижу, а хочу увиденное понять. Ты уж не сердись на меня за это.

Паркер упал в кресло.

— Я ни за что на тебя не сержусь. То, что в этом сумасшедшем доме ты ведешь себя, как безумец, тоже меня не удивляет. Ничего меня не удивляет. Но я сыт всем этим по горло. Ты просил меня во имя дружбы, чтобы и я вместе с тобой вел себя, как безумец. Ты — мой друг, и настал день, когда ты решил испытать мою дружбу. Хорошо. Я буду с тобой до последней секунды, если даже с завтрашнего дня все мои подчиненные будут громко хохотать при моем появлении. Делай что хочешь. Я и весь мой полицейский аппарат — в твоём распоряжении. Но очерти какие-нибудь границы этого абсурда, а когда ты поймешь, что действуешь вопреки законам элементарной логики, тогда сдайся, как честный, побежденный в честном бою солдат, хорошо?

Джо не ответил. Он смотрел в окно. Наступали сумерки. На линии высокого горизонта, разорванного верхушками деревьев и высоким пиком скалы, выросла темная туча, первый предвестник наступающей грозы. Далекий гром глухо перекатился и утих. Алекс повернулся и подошел к Паркеру. Он остановился перед ним и, положив руки на подлокотник кресла, в котором сидел его друг, наклонился к нему. Паркер увидел вблизи его худое бледное лицо, с которого ни на секунду не сходило выражение болезненного усилия. Короткие, почти рыжие волосы слегка шевельнулись, когда сквозь окно в комнату проникло первое парное дуновение грозового ветра.

— Знакомо ли тебе, Бен, такое странное чувство, которое интуитивно твердит тебе: «здесь что-то не в порядке»?

Он говорил очень серьезно и тихо, почти шепотом. Паркер кивнул головой.

— Ты имеешь в виду некую неопределенную мысль, которую нельзя схватить, и в то же время кажется, что ее можно каким-то образом конкретизировать, только неизвестно, каким именно?

— Да. Я думаю об ощущении, что я нечто увидел, заметил, но это нечто в тот момент не сформировалось в моем сознании, а спряталось где-то в глубине и не дает покоя. Мне все время кажется, что это нечто припомнится, картинка сразу сложится целиком, и тогда я внезапно в одну секунду все пойму. А потом это ощущение вновь исчезает, и я опять беспомощен. Но это пройдет, Бен. Я знаю, что это пройдет. Я даже знаю, *когда* это ощущение у меня возникло! Это было два раза.

— И ты никак не можешь сформулировать его?

— Нет. Кроме того, что я наверняка знаю...

— Что знаешь? — Паркер невольно наклонился вперед.
 — ...знаю, что в обоих случаях это ощущение не имело *ничего общего с Ирвингом Эклстоуном*.

Глава XX

Лакей — кухарка — горничная — где садовник?

Паркер встал и начал прохаживаться по комнате. Затем остановился.

— Джо, — сказал он почти ласково, — если причина твоего беспокойства кроется лишь в этом, то это тебя полностью оправдывает. Но ничто не может оправдать меня в этой абсурдной ситуации. Ведь мы оба знаем, что...

— Да, да, конечно. Мы знаем, что никто не мог его убить, что мы обнаружили доказательства, объясняющие смерть его сестры, что... одним словом, что я безумец. Но позволь мне действовать... еще немного.

— Ну ладно, хорошо! Действуй сколько хочешь. В конце концов, в противоположность покойному Эклстоуну, твое безумие имеет хоть какую-то логику. Ну и потом — это ведь ты открыл этот ключ в террариуме...

— Теодорос из Самоса... — пробормотал Джо, склонившись над листком с записями.

— Какой Теодорос? А это еще кто? О чем ты вообще говоришь?

— Я говорю — Теодорос из Самоса открыл, точнее, изобрел ключ. Приблизительно в пятисотом году до рождества Христова... Джозеф Райс, лакей...

— Что?

— Я думаю, что надо попытаться допросить этих людей... у меня есть к ним несколько вопросов, Бен, если ты не имеешь ничего против.

— О, конечно нет... Чем скорее ты их допросишь, тем скорее мы уедем отсюда. Я надеюсь, что успеем выехать еще до грозы.

— Я хотел бы начать с прислуги. Точнее говоря, с Джозефа Райса, лакея мужа леди Элизабет, который живет здесь как бы на пенсии.

Паркер подошел к двери и тихо отдал распоряжение дежурившему в холле полицейскому.

Некоторое время они ожидали молча. Паркер просматривал разложенные на столе письма. Раздался тихий стук в дверь. Джо сказал: «Войдите!», выломанная дверь громко скрипнула, и в комнату осторожно вошел широкоплечий старик высокого роста с гордо поднятой головой. Густая сеть морщин на его лице, потемневшем от многолетнего загара под тропическим солнцем, указывала на его возраст. Он остановился у двери и чуть склонил голову, приветствуя присутствующих. Джо заметил, что старик невольно взглянул на письменный стол, но тотчас отвел глаза.

— Садитесь, пожалуйста, — Алекс указал ему на свободный стул возле книжного шкафа.

Старый слуга заколебался, но потом медленно подошел к стулу и присел на краешек.

— Скажите нам, пожалуйста, — быстро спросил Джо без каких-либо вступлений, — где мистер Ирвинг Эклстоун хранил свой пистолет?

Старик вздрогнул и поднял голову.

— Пистолет?.. — переспросил он, как бы не понимая, но тут же ответил: — Пистолет всегда находился в спальне. Мистер Ирвинг держал его в ящике ночного столика.

Джо поднял брови.

— Неужели он чего-нибудь опасался? В таком доме, как Норфорд Мэнор, где все окна закрыты решетками, а ночью никто не может войти, и где, как-никак, всегда находятся несколько взрослых мужчин, такого рода средство безопасности кажется странным... Вас это никогда не удивляло?

— О, нет, сэр... — тень улыбки промелькнула по лицу слуги и тут же исчезла. — Мистер Ирвинг, как я думаю, не хотел расставаться с пистолетом, потому что им гордился.

— Гордился?

— Да, сэр. Мистер Ирвинг очень плохо видел. Уже с ранних лет он носил очки, а потом, когда прочел столько книг и так много писал при электрическом освещении, его глаза еще больше испортились. Когда началась война, он хотел, как все, поступить в армию, но его не приняли как раз из-за слабого зрения. Зато его назначили офицером территориальной обороны в нашей местности, и тогда он купил пистолет. После войны он сохранил его... Мистер Ирвинг всегда гордился своей службой в территориальной обороне. Если вы заглянете в спальню, то увидите большую фотографию мистера Ирвинга в мундире. Он сам всегда чистил и смазывал этот пистолет. — Старый слуга вдруг умолк. Потом посмотрел на Алекса. — Это из него, если можно спросить, мистер Ирвинг застрелился?

— Да, — Джо кивнул головой. — Этот ящик ночного столика, конечно, не закрывался?

— Нет, сэр. Детей в доме нет, а в спальню кроме мистера Ирвинга входили лишь горничная Синди Роулэнд и я. Впрочем, у ночных столиков нет запирающихся замков.

— Теперь я хочу спросить вас о другом. Вы работаете в семье Эклстоунов уже много лет, не так ли?

— Свыше пятидесяти, сэр. Но двадцать из них я провел в Малайзии со старшим хозяином.

— А родом вы отсюда?

— Да, сэр, из деревни Норфорд, как и вся прислуга.

— Не слышали ли вы когда-нибудь о каком-либо тайном ходе, коридоре или подвале, словом, о каком-то никому не известном сообщении между домом и внешним миром? В средние века здесь находился небольшой укрепленный замок, и наверно, должен был существовать путь для бегства или для доставки продовольствия на случай осады.

— Нет, сэр. То есть, да. В скале внизу вырублен вход в какой-то коридор, который идет наверх. Но, как видно, во время строительства этого дома коридор засыпали, потому что я был там несколько раз и добирался только до груды развалин и щебня. Со стороны дома этот ход начинался от котельной в подвале. Но он завален камнями и замурован. Еще в те времена, когда тут был замок...

Паркер тихо встал, вышел в коридор и что-то сказал дежурному полицейскому. Потом просунул голову в дверь и показал жестом, что уходит.

— А где вы находились в тот момент, когда произошел этот трагический случай?

— Из того, что мне известно об этом случае, — то я в это время был в Блю Медоуз, в трактире «Под Уткой и Львом». Я беседовал там за кружкой пива с парочкой знакомых с давних времен, с теми немногими, кто еще жив, потому что мне семьдесят пять лет, сэр, а в этом возрасте у человека остается уже мало знакомых со времен молодости... Так вот, я с ними разговаривал, а потом приехал полицейский автомобиль и забрал всех слуг из Норфорд Мэнор, то есть, Марту Коули, нашу кухарку, и меня, потому что ни Синди, ни садовника Филда не нашли. Ну, я и приехал на этом автомобиле сюда, сэр.

Джо встал с кресла, и старый слуга поднялся почти одновременно с ним.

— Большое спасибо, мистер Райс... Ага, еще одно. — Он подошел к столу и приподнял платок, который прикрывал обе деревяшки, найденные в столе Ирвинга. — Вы видели когда-нибудь эти предметы?

Старик подошел, вынул из кармана футляр, а из него очки в тонкой серебряной оправе, надел их и низко наклонился.

— Только не прикасайтесь к ним... — Джо сделал предупредительное движение рукой. Но Райс тут же выпрямился.

— Нет, сэр. Похоже, будто кто-то обработал два куска березового дерева и вырезал на них какие-то узоры... Нет я не видел у нас ничего похожего.

— А мистер Ирвинг или кто-нибудь другой из домочадцев занимался когда-нибудь мелкими столярными работами в доме?

— Нет, сэр, пожалуй, никто... Разве что Филд? Я иногда вижу, как он что-то стругает возле цветов, какие-то колышки, деревянные решетки... Но для всех столярных работ мы привлекаем Брэдли, столяра из Норфорда.

— Так... — Джо склонил голову. В эту минуту вошел Паркер.

Алекс подошел к нему и вернулся к старому слуге. — Вы видели когда-нибудь этот предмет?

Выцветшие глаза посмотрели на странный блестящий ключ.

— Нет, сэр. Никогда.

— Это все. Спасибо большое.

Когда дверь за Райсом закрылась, Паркер сказал:

— Он прав. Тот средневековый ход замурован, и не только замурован, но и перекрыт котлом центрального отопления. Стена не дает никакого отзвука. Очевидно, и здесь часть коридора засыпана и завалена камнями. Что теперь? Ты хочешь еще кого-нибудь допросить?

— Конечно. Я должен, Бен. Сейчас я хотел бы поговорить с Мартой Коули, кухаркой.

— Если должен... — заместитель начальника Департамента уголовного розыска пожал плечами, но сразу овладел собой. Уж слишком он любил Алекса, чтобы не понимать, чего ему стоит в эту минуту бессмысленная борьба с логикой и непреодолимыми аргументами, которые подсовывала действительность.

Марта Коули оказалась полной женщиной неопределенного возраста, между сорока и шестидесятью годами. Это была особа со взрывным, динамичным характером, что выяснилось после первого же вопроса.

— Где я была? В Блю Медоуз! Это все могут подтвердить. Слава Богу, я живу здесь со дня рождения и никогда не имела никаких дел с полицией! И я не знаю, за что меня так осрамили! Приехали за нами на полицейской машине — за стариком Райсом и за мной — и забрали нас среди бела дня, как каких-то воришек, а ведь там полно людей, и при этом все знакомые! Я теперь никогда уже не смогу показаться людям на глаза! И все потому, что бедный мистер Ирвинг покончил самоубийством... Все постоянно говорили, что над ними висит проклятие и когда-нибудь оно исполнится... Но кто просил полицию забирать нас и почему? Ведь полиция для того, чтобы ловить воров, а не порядочных женщин, которые в своей жизни даже пенса не украли, хотя легко могли бы, потому что мне здесь доверяют, как родственнице, и все покупки я сама делаю и плачу поставщикам, да, сэр!

Она умолкла так же внезапно, как и начала говорить, и посмотрела на мужчин глазами, говорящими о ее готовности произнести десять слов в ответ на одно и что она никому не позволит сказать последнее слово, даже если ее повесят, как тех четырнадцать женщин из ее деревни много столетий назад.

— Мы должны были это сделать... — Джо спокойно покивал головой. — И вы, и мистер Райс живете здесь издавна и наверняка знаете больше всех посторонних об этой семье и ее обычаях... Но не о семейных делах Эклстоунов мы хотим с вами говорить... — прибавил он быстро, заметив жест протеста. — Я хотел спросить вас о другом. Человек, который так же хорошо знает этот дом, как вы, и который, безусловно, является наблюдательным и сумеет заметить всякое необычное явление, мог бы, возможно, сказать нам, не случилось ли здесь в течение последних часов, а может быть, дней, что-нибудь такое, что вызвало ваш интерес или, скажем, что-то такое, что вы посчитали необычным?

Джо произносил эти слова легко, без нажима, но одновременно внимательно смотрел на ее круглое лицо, и внезапная перемена, которую он заметил, заставила его встать и подойти к сидящей на стуле женщине совсем близко.

— Прошу вас не забывать, что мы здесь ведем расследование по делу о смерти вашего хозяина, и каждая, даже мельчайшая деталь может иметь значение.

— Но ведь... — голос Марты Коули потерял свое воинственное звучание. — ... Этот бедняга, то есть, я хочу сказать — мистер Ирвинг, он ведь сам себя убил, верно? Все говорят, что сам, сэр.

— Сам себя убил или не сам, но обязанностью каждого честного человека является помощь полиции в этом расследовании, правда? Раз мы ведем следствие, то, очевидно, еще не знаем всего наверняка и хотим установить некоторые факты. — Он умолк и тут же услышал за своей спиной тяжелый вздох Паркера.

Марта Коули сидела неподвижно и молчала. Но ее короткие, толстые пальцы нервно теребили край белого фартука. Вдруг она подняла голову.

— Я не хотела говорить об этом, сэр, потому что это меня не касается. Даже если девушка немного свихнутая, то ведь это ее дело, верно? К тому же я с детских лет знаю ее родителей, и мне бы не хотелось нанести кому-нибудь вред своей болтовней...

Она снова умолкла.

— Расскажите нам все. — Джо наклонил голову. — Полиция не сплетничает и уж точно не обидит невиновного. В этом вы можете быть уверены.

Кухарка кивнула.

— Ну, я так и подумала. Но все же лучше не говорить чужим всего, что знаешь. Разве что мистер Ирвинг умер... Ну, вообще-то, ничего такого я вам не скажу... Просто ночью стояла жара, а у меня слабое сердце, ну не то чтобы я болела, но я всю жизнь толкусь у огня, а стало так душно, что нечем дышать, и я не могла уснуть. А потом сердце начало сильно стучать, и я испугалась... Я лежала и думала, что, наверно, умру, если что-нибудь не сделать, потому что пот лил с меня ручьем. Тогда я встала и подошла к двери и подумала, что разбужу Синди, которая спит в соседней комнате. Я боялась, что могу умереть и у меня даже не хватит сил, чтобы крикнуть. А ведь у нас в доме есть доктор, и она бы легко сбегала и разбудила его. Так вот, значит, я вошла к ней, повернула выключатель... и увидела, что никого нет!

— А кровать была застелена? — быстро спросил Джо, помня о вечерней прогулке в Грот.

— Нет. Покрывало снято, и видно, что она спала в кровати. Я подошла, даже подушка была еще теплая... Я подумала, что она на минутку пошла в ванную и сейчас вернется, и я присела на край кровати и стала ждать. Но она не возвращалась. Сидела там я, наверно, с полчаса и даже забыла о своем

недомогании... Я даже подумала, что, может, ей стало плохо, и пошла заглянула в нашу ванную комнату для слуг, но там ее тоже не было. Я начала прислушиваться и заглянула на кухню, потом в кладовую, но ее нигде не было. Тогда я проверила ход для слуг, потому что уже не знала, что и думать, но и та дверь была заперта, как всегда. Тогда я вернулась к себе и легла, а потом, наверно, как-то уснула. А утром, когда я встала, она была уже на ногах и сказала, что ходила на верхний этаж, потому что подумала, будто кто-то возится во дворе у входной двери — так ей якобы показалось. Но как ей это могло показаться, если окна ее комнаты, так же как и мои, находятся прямо с противоположной стороны и выходят на скалы?.. И что она там так долго делала? Но я не тогда подумала об этом, а утром, когда узнала, что портрет снова перевернулся, сразу все вспомнила, что ее не было у себя в комнате ночью, потому что эта Синди немного чокнутая, особенно если с ней заговорить о чертах. Вот... А больше я ничего не знаю, сэр.

— Так... — впервые отозвался Паркер. — А который мог быть тогда час?

— Было два часа, а потом полтретьего, потому что, помню, я два раза смотрела на мой будильник возле кровати, сэр, первый раз, когда выходила, а второй раз, когда вернулась.

Паркер хотел еще что-то сказать, но Джо неожиданно встал и, показывая Марте Коули ключ, а потом деревяшки, обратился к ней с тем же вопросом, с которым обращался к старому Райсу.

— Нет, я никогда их не видела, сэр... — ответила кухарка без колебаний.

Алекс поблагодарил ее и отпустил прежде, чем его друг заговорил.

— Не понимаю, — Паркер поднял брови, — наконец-то ты получаешь какой-то смутный пункт зацепки, хотя, правду говоря, не знаю, за что тут цепляться, но тут же отбрасываешь его, не задавая никаких дополнительных вопросов и не пытаясь свести этих женщин на очную ставку.

Алекс медленно повернулся к нему. Выражение драматического напряжения, которое отражалось на его лице с момента взлома двери после смерти Ирвинга Эклстоуна, вдруг исчезло, уступая место выражению легкой растерянности, которое Паркер так хорошо знал и которое никак не ожидал увидеть сейчас на лице друга.

— Что случилось?

— О, ничего, — Алекс махнул рукой. — Так, вспомнил кое-что, Бен.

— Что ты вспомнил?

— Я уже говорил тебе об этом. У меня сегодня дважды возникало чувство, будто *что-то не так*. Теперь я понял, в чем дело. Мне только хочется точно узнать, почему все происходило именно так, а не иначе... — Он повернулся в сторону письменного стола и некоторое время смотрел на него. Потом перевел взгляд на изумленное лицо Паркера. — Я думаю, что надо допросить Синди Роулэнд. Как ты считаешь?

— Боюсь, ты и в самом деле свихнулся, — сказал Паркер серьезно.

— О нет... — голос Алекса зазвучал иначе. — Я не свихнулся, Бен. — Он замолчал, потом покачал головой. — Хотя не знаю, может, ты и прав... Потому что либо я сошел с ума, либо...

— Либо?

— Попроси сюда мисс Роулэнд, а потом подумаем, как меня лечить. Я ведь не слишком буйно себя веду, правда? Наверно, это такое легкое, тихое помешательство. Наверно, просто я слишком долго занимаюсь делами о насильственной смерти. Мне полагается отпуск, Бен.

— Я в этом абсолютно уверен, — сказал Паркер и подошел к двери, чтобы отдать распоряжение дежурному полицейскому.

Но Синди Роуленд оказалась трудной собеседницей.

— Нет, сэр, я ничего об этом не знаю, чтобы я не спала у себя в комнате... — сказала она спокойно, хотя ее лицо при этих словах покрылось густым румянцем. — Я выходила только, чтобы проверить, не шатается ли кто-нибудь перед домом, потому что мне показалось, будто я что-то слышу...

— Но ведь ваша комната расположена со стороны скал, в противоположном конце дома.

— Ночью все очень хорошо слышно, сэр. Иногда, когда собаку еще не отравили, я слышала ее через весь коридор, когда она бегала по ту сторону дома. Я пошла наверх в холл, а потом, когда подошла к двери и ничего не услышала, остановилась у окна и смотрела на луну. Ночью стояла очень большая луна, сэр, и видно было всю долину... А потом я возвратилась к себе и уснула. Я не знала, что Марта заходила ко мне, сэр. Я бы, конечно, сейчас же пошла к ней, чтобы помочь, раз она плохо себя чувствовала.

Синди говорила с подчеркнутой уверенностью, и мужчины заметили это. Но Джо не задал ей никакого вопроса по этому поводу. Когда так же, как и ее предшественники, она отрицательно ответила на вопросы о ключе и деревьяшках, он указал на террариум со змеями.

— Вы заботитесь об этих созданиях, правда?

— Да, сэр. И я как раз хотела попросить вас, не могу ли я принести им лягушек, сэр, потому что они всегда едят после захода солнца. Мистер Ирвинг велел их так кормить.

— Может, немного позже... — Алекс кивнул головой. — Мы скоро уйдем отсюда, и вы сможете привести комнату в порядок. Я хотел только спросить: часто ли вы убираете террариум?

— Два раза в неделю, сэр. Я меняю песок и воду.

— А когда вы убрали в последний раз?

— Сегодня утром, сэр. Перед самым уходом в Блю Медоуз.

— А вы были в Блю Медоуз?

Лицо Синди Роуленд опять покраснело, и пожалуй, даже больше, чем в первый раз.

— Я подумала, сэр... было слишком жарко, чтобы находиться там весь день в толпе, и я пошла в лес... а потом уснула.

— Это точно? — Джо пристально посмотрел на нее.

— Да, сэр.

Она сжала губы и посмотрела ему прямо в глаза. И хотя Алекс и Паркер видели, что она лжет, Джо не стал припирать ее к стенке, а когда она ответила отрицательно на показанные ей ключ и деревьяшки, отпустил ее, и они остались вдвоем.

Почти одновременно в дверях показалось симпатичное, круглое лицо сержанта Джонса, одетого в безукоризненный костюм из серого твида, являющийся, очевидно, результатом строгой экономии в рамках скромного бюджета полицейского.

— Мы нашли садовника в лесу, сэр. Он так напился, что не ощутил бы вскрытия собственного тела. Что с ним делать? Он сейчас в своем домике и лежит на кровати, а Томсон сидит возле него.

— Привести в чувство, — резко сказал Паркер. — А когда будет в состоянии разговаривать, мы, возможно, с ним побеседуем.

— Слушаюсь, сэр, — Джонс исчез.

— Слуги этого дома проявляют большую склонность к продолжительному пребыванию в лесу... — пробормотал Алекс. — Меня интересует, не отдыхал ли сегодня с ними еще кто-нибудь?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не знаю, — искренне сказал Джо. — Но, по крайней мере, знаю, что чего-то не знаю на определенную тему!

— Эта девушка лгала как по нотам... — Паркер вздохнул. — Но ведь это ее дело, где она была. Может лгать. По сути дела, я даже не имею права ее допрашивать, хотя она не знает об этом. Она ни в чем не подозревается. Она не могла ни убить Ирвинга Эклстоуна, ни даже помогать в убийстве Ирвинга Эклстоуна, и не может знать ничего интересного о смерти Ирвинга Эклстоуна. Никто не мог убить Ирвинга Эклстоуна. Ирвинг Эклстоун несомненно покончил жизнь самоубийством.

— Аминь, — Джо склонил голову. — Все это мы знали с самого начала.

— И столько же будем знать в конце, потому что никто ничего не добавит к этому самому убедительному из фактов. Что ты намерен делать сейчас?

— Теперь я хотел бы допросить Агнес Стоун и доктора Арчибалда Дюка, если позволишь...

— Пожалуйста, пожалуйста, ни в чем себе не отказывай... — Паркер подошел к двери и остановился. — Но, быть может, в конце концов, ты будешь так любезен, что скажешь мне, о чем ты вспомнил и что тебя так беспокоило в течение нескольких часов?

Алекс улыбнулся своей обычной вежливой, несколько рассеянной улыбкой.

— Я боюсь, что это наблюдение слишком незначительно и касается сущего пустяка... Ты можешь подождать еще полчаса? Если через полчаса я не скажу тебе, о чем думал, соберем пожитки и уедем, а тогда ты узнаешь обо всем в машине, во время поездки вместе с твоим окончательно сломленным другом, согласен?

— Согласен, — Паркер кивнул головой. — Пусть будет даже час. Но мне уже хочется уехать отсюда. Очень уж это скверное дело — вести следствие в условиях, когда правда известна заранее, а факт, что допрашиваемые лгут или нет, не имеет никакого значения.

— Хм... — Джо спокойно посмотрел на него. — Об этом мы узнаем через полчаса... А может, даже раньше. Однако, пригласи, пожалуйста медсестру Агнес Стоун, ладно?

— Я буду счастлив оказать тебе эту маленькую услугу, — сказал Паркер с мрачной улыбкой.

Глава XXI

Медсестра — врач

В тот момент, когда Агнес Стоун вошла в комнату, за скалами сверкнула молния, грянул гром и первые капли дождя затрепетали на оконных стеклах. Паркер быстро повернулся, чтобы закрыть окно, и одновременно подумал, что будь мисс Стоун убийцей, трудно было бы представить себе более эффектное появление на сцене событий.

Агнес по-прежнему была одета в фартук безукоризненной белизны, а белая шапочка закреплена на огненно-рыжих волосах с легким женским кокетством.

«Вполне симпатичная девушка, — подумал Алекс, — но слишком уж опрятная, будто эта опрятность не обычная человеческая черта, а сам человек является придатком, нужным лишь для того, чтобы эта чистота могла себя продемонстрировать».

Все движения медсестры тоже быть ограничены до необходимости. Она спокойно остановилась у входа, слегка кивнув головой, и стояла неподвижно, пока Джо широким жестом не пригласил ее сесть. Она даже не взглянула в сторону стола, за которым недавно разыгралась трагедия, а просто прошла мимо и села, прямая и стройная, с ногами, идеально соединенными в коленях и ступнях.

— Мисс Агнес Стоун, не так ли? — спросил Джо с улыбкой. — Я имел удовольствие быть представленным вам, если память мне не изменяет?

— Да, сэр, — она еще раз кивнула.

— Вы выступали в качестве свидетеля при подписании завещания леди Эклстоун, не так ли?

Джо задал вопрос очень непринужденно, но, как видно, он оказался настолько неожиданным, что Агнес подняла голову и посмотрела на него с легким удивлением, которое тотчас исчезло.

— Да, сэр.

— Вы говорили кому-нибудь об этом?

— Нет, сэр. Я дала обещание соблюдать тайну.

— Вы совершенно в этом уверены?

— Да, сэр.

— Даже дома, во время отпуска в разговоре с семьей?

— У меня нет семьи, сэр. Я поступила в школу медсестер из сиротского дома для подкидышей.

И снова полное отсутствие интонации, будто сиротский дом для подкидышей или полное отсутствие родственников относятся к самым незначительным и не заслуживающим внимания эпизодам ее жизни.

— Понимаю, — кивнул Джо. — Значит, вы с полной уверенностью утверждаете, что никогда и ни при каких обстоятельствах не нарушили даже малейшей части тайны завещания?

— Да, сэр.

— Не могли бы вы коротко рассказать все, что вы делали... ну, скажем, с момента окончания ланча?

— Да, сэр. Сразу после завтрака я измерила давление и температуру больной. Все было в норме, и я немного почтала ей, как обычно это делаю. Солнце сильно пекло, и я задержала больную в комнате, а позже, когда солнце немного опустилось, вывезла ее на террасу. Еще раньше я приготовила томатный сок, но оставила его в комнате, и теперь взглянула на часы и увидела, что пора его подавать. Тогда я вошла в комнату и тут же услышала выстрел наверху. А поскольку перед этим я видела издали группу людей в главной аллее, я выбежала и крикнула... А дальше вы уже знаете, правда?

— Да. А в котором часу мистер Кемпт отправился в бассейн?

— Мне трудно сказать точно, сэр, я, конечно, не смотрела на часы, когда он проходил. Но я заметила его, потому что он вышел в халате и, проходя мимо, что-то сказал мне. Я не помню точно слов, но вроде того, что, мол, страшная жара, а я ответила, что, мол, да, очень жарко и, вероятно, будет гроза. Потом мистер Кемпт направился через газон к бассейну. Это было примерно за четверть часа перед выстрелом, а может, чуть меньше. Я не могу определить точно, сэр.

— А немного позже или сразу перед выстрелом вы никого не видели в доме или в саду?

— Видела, сэр. Через несколько минут после того, как мистер Кемпт двинулся в сторону бассейна, на террасу вышел мистер Эклстоун, то есть мистер Ирвинг Эклстоун.

— Да?! — Паркер подошел к ней. — Ну-ка, ну-ка, расскажите подробнее, как он выглядел и что сказал, если говорил.

— Выглядел он как обычно, сэ... то есть, я хочу сказать, что не заметила в нем ничего особенного. Он вышел на террасу и спросил меня, не вернулась ли Джоан. Он сказал, кажется, так: «Агнес, вы не видели здесь моей дочери?» А я ответила, что не видела и что в доме никого нет. Тогда он кивнул головой, а потом подошел к креслу, наклонился к старой леди и, кажется, сказал: «моя любимая», но я не могла бы присягнуть, точно ли так он сказал, потому что говорил он тогда очень тихо. Потом выпрямился и вернулся в дом.

— Не показалось ли вам это странным?

— Нет, сэ. Мистер Ирвинг вообще вел себя несколько иначе, чем другие люди в его возрасте и в его положении, если можно так сказать. У него было очень неровное поведение. Иногда он приходил в комнату старой леди, садился напротив нее и пытался с ней разговаривать или гладил ее по руке, а иногда проходила неделя или две, а он, казалось, ее вовсе не замечает. Так что я никак не могла предвидеть... Если бы могла...

Она развела руками коротким сдержанным движением, которое, по видимому, должно было означать, что тогда она сделала бы все, что было в ее силах, чтобы предотвратить это бессмысленное, с точки зрения ее рациональной психики, самоубийство.

— Сколько вам лет? — Джо закурил и улыбнулся ей.

Агнес не ответила улыбкой.

— Двадцать восемь, сэ.

— Это ваша первая работа, да?

— Да, сэ. Я пришла сюда прямо из школы медсестер.

— А как вы намерены устроить свою судьбу после... скажем прямо, после смерти леди Эклстоун?

— Леди Эклстоун чувствует себя в настоящее время очень хорошо, сэ, насколько это возможно при ее болезни.

— Разумеется. Но я имею в виду, что вы на полвека моложе ее и эта должность не будет вечной. Есть ли у вас какие-нибудь жизненные планы?

— Да, сэ. Работая здесь, я накопила немного денег. Мои планы, как у любой женщины: я хотела бы выйти замуж и иметь детей.

— А... вы любите кого-нибудь?

Агнес внезапно покраснела.

— Это, наверно, не относится к делу, не правда ли, сэ?

— О, мы стараемся узнать как можно больше обо всех вас. Полиция — это ведь не личные знакомые. Нам можно смело отвечать на все наши вопросы.

— Да, сэ. Я понимаю, сэ. Нет, я еще не люблю никого, но я, конечно, очень бы хотела полюбить, потому что никто ведь не хочет прожить жизнь одиноко. У меня нет ни родителей, ни родных, и поэтому тем более, сэ, я хотела бы иметь в жизни свой угол и своих близких.

— Я вас прекрасно понимаю. Расскажите мне во всех деталях, что вы делали после того, как я вбежал на террасу. Я имею в виду, когда я вбежал на лестницу. Мне кажется, что вы не поднимались наверх вместе с нами, правда?

— Нет, сэ. Когда миссис Джоан, вы, мистер Николас и мистер Кемпт пробежали мимо, я вбежала за вами в холл, но потом остановилась, потому что подумала: если кто-то стреляет в доме, то, может, все еще существует какая-нибудь опасность, а я отвечаю за старую леди, которая ведь не может двигаться. Тогда я вернулась на террасу и встала рядом с ней. Тут сэ Александр Джилберн тоже поднялся на террасу, а полицейский крикнул мне, чтобы я выкатила коляску со старой леди за домик садовника. Я так и сде-

лала и оставалась там до тех пор, пока не приехали полицейские машины и уже можно было вернуться домой.

Алекс показал ей ключ и деревянные. Агнес Стоун дважды отрицательно покачала головой. Нет, она никогда их не видела. Паркер проводил ее к двери и вернулся. На его лице отразилось огорчение.

— Ну и чего ты добиваешься, Джо? Ведь, честно говоря, нет никакого смысла допрашивать их всех. Ну какой может быть толк от допроса этой медсестры, которая все время была на террасе, вошла на несколько секунд в комнату на нижнем этаже и тут же выбежала, услышав выстрел, что ты и сам, впрочем, хорошо видел? Ведь она никак не могла вбежать наверх, убить Эклстоуна, вложить ему в руку пистолет, предварительно вытерев свои отпечатки пальцев, положить ключ от его комнаты на письменный стол, заперев дверь другим ключом, сбежать вниз, спрятать этот ключ, выбежать на террасу и крикнуть вам! А кроме нее, в доме никого не было — не было, Джо! Кого же тут подозревать? Ну, не ее ведь, ибо какой мотив для убийства людей может быть у бедной девушки, которая совершенно лишена возможности извлечь из этого хоть минимальную выгоду? Впрочем, она не могла бы это сделать еще и потому, что не обнаружено никаких хитроумных приспособлений, которые могли бы умертвить человека на расстоянии. Ну, и остаются у нас еще люди, которые вместе с тобой и сержантом Кларенсом находились в парке в момент выстрела. А никого другого вообще не было на этой территории. Собака бы сразу вынюхала! Все двери под наблюдением, все решетки не нарушены. Это бред, Джо!

— Не знаю... — Алекс развел руками. — Наверно, я рассчитываю на чудо... впрочем, сам не знаю, на что...

И к изумлению Паркера, он улыбнулся.

— О господи... — вздохнул чиновник Скотленд-Ярда. — Уж не хочешь ли ты сказать, что кто-то из этих людей мог быть одновременно в двух местах?

— То, что человек не может быть одновременно в двух местах, — сонным голосом сказал Алекс, — это естественно и логично, но не для мира чудес. Я много раз читал упоминания об этом, даже в житиях святых. Но мы имеем дело с Дьяволом.

— В таком случае, — пробормотал Паркер, — я рекомендую тебе вступить в какое-нибудь религиозное общество или постричься в одном из красивых испанских монастырей... Там можно спокойно поразмышлять о всяких чудесных возможностях такого рода, не поднимая при этом на ноги без всякого смысла и повода полицейские силы Ее Королевского Величества.

— Наверно... — Джо покивал головой. — В конце концов я, вероятно, так и сделаю! Но сначала хотел бы допросить доктора Арчибальда Дюка. Меня очень интересует этот человек, гораздо больше, чем можно было бы предполагать из очень остроумных высказываний моих старых друзей, с которыми мы вместе так много раз стояли перед множеством больших и маленьких загадок этого самого веселого из миров...

И Паркер снова уступил.

На этот раз доктор Арчибальд Дюк не был в том хорошем настроении, в каком Джо увидел его, когда они встретились впервые. При этом оказалось достаточно нескольких вступительных предложений, чтобы убедиться: нервозность молодого врача вызвана не только трагическим происшествием, имевшим здесь место.

За закрытыми окнами ливень уже шумел на крутых скалах ущелья и барабанил по стеклам окон. Частые удары грома и вспышки молний, раз-

резающих уже совсем темное небо, выхватывали комнату из полумрака и погружали вновь в тень, лежащую за светлым кругом лампы на столе.

— Где вы находились с той минуты, как выехали из Блю Медоуз? Меня интересует, что вы делали с момента выезда из Блю Медоуз и до того момента, когда мы увидели вас въезжающим в Норфорд Мэнор.

— Я ремонтировал машину... — доктор Дюк пожал плечами. — Она испортилась по дороге в лесу, и я не знал, что делать. Не оставлять же ее, а кроме того, спешить было некуда. Я открыл капот и начал осматривать двигатель.

— Как долго это продолжалось?

— Может быть, час, а может — два! Я, правда, не смотрел на часы. Меня волновала неисправность. К сожалению, я впервые купил машину лишь в этом году. Раньше у меня никогда не было автомобиля... Я не механик и даже не любитель... А потом двигатель вдруг сам заработал. До сих пор не могу понять, что с ним, собственно, случилось...

Дверь приоткрылась, и сержант Джонс просунул в щель голову. В руке он держал записку. Паркер утвердительно кивнул, подошел к нему, взял записку, пробежал ее глазами и через секунду передал Алексу. Джо мельком прочел записку, а затем перевел взгляд на доктора.

— Машина испортилась на дороге?

— Да. Но когда она стала сбавлять ход, я решил, что, возможно, не в порядке что-то с подачей горючего. Чтобы посмотреть, в чем дело, я свернул с дороги прямо в лес, выехал на поляну... ну и там... начал обследовать внутренности этого изумительного транспортного средства.

— Понимаю, — Джо кивнул головой. — Тем не менее, я хотел бы понять еще одно. Какой рефлекс руководил вами, когда вы свернули с шоссе и, как утверждаете, довели двигающуюся по инерции машину до кустарников, среди которых вы надежно спрятали ее с целью осмотра строптивного двигателя? Вы должны признать, что естественное стремление водителя состоит обычно в том, чтобы оставить машину на шоссе. Во-первых, гораздо легче тронуться с места по асфальту, чем по траве, а во-вторых, редко кому придет в голову съехать с дороги без причины. Или я ошибаюсь?

Доктор Дюк потер рукой лоб и заколебался на секунду. Но тотчас же ответил:

— Я затрудняюсь сказать, почему так поступил. Если бы я рассуждал логично, как вы, я безусловно оставил бы машину на шоссе. Но... — он опять заколебался, — я всего лишь начинающий водитель. Я думаю, что, — он улыбнулся, — мной руководила глупая мальчишеская гордость. Я не хотел, чтобы кто-то видел меня копающимся в моторе. Уже два раза эта машина глохла на шоссе без всякой причины...

— Так... — Джо еще раз прочел записку. — Здесь нам сообщают, что след вашей машины тянется от шоссе в лес примерно ярдов сто и что вы остановили ее за кустами в роще. Получается, вы ехали как бы в гору, правда?

— Да... Но машина в последнюю минуту прибавила скорость. То есть, я нажал на педаль, и она немного рванулась вперед, а потом остановилась.

— Да-а... очень интересная у вас машина... особенно любопытен двигатель... Сначала замирает, а потом вдруг оживает... Ну, ничего. Вы никого не встретили во время столь продолжительного ремонта?

— Нет, — Дюк потряс головой.

— Но вы бы заметили кого-нибудь идущего по дороге?

— Я не уверен в этом. Однако ваш тон...

— Мой тон не имеет значения. Мы ищем истину, а не более или менее

приятные интонации. Значит, вы не уверены, проходил ли тогда кто-нибудь по дороге?

— Нет, я никого не видел... — Дюк снова потряс головой. — Но я не понимаю, почему...

— О господи! — Джо встал и начал прогуливаться по комнате, провожаемый взглядами обоих мужчин. — Дорогой доктор, неужели вы хотите, чтобы мы поверили всему этому?

Он остановился и резко повернулся к сидящему врачу.

Дюк прикрыл глаза. Потом открыл их и спокойно посмотрел на Алекса.

— Меня это совершенно не интересует... Меня в чем-то подозревают? Если так, я прошу разрешения вызвать адвоката. Мне не нравится все это.

Он встал.

— Нет, — Паркер приблизился к нему. — Вас ни в чем не подозревают. Если мы хотим, чтобы вы говорили правду, то, как вы знаете, мы имеем право этого требовать... Но мы не имеем права вас вынудить...

— Вот и хорошо... — Дюк направился к двери. — Я ответил на все ваши вопросы. Теперь я могу быть свободен?

— Разумеется... — Джо кивнул головой. — Вы совершенно свободны. Но, как мне кажется, не только вы и я знаем, что вы делали в лесу кроме попытки ремонта изумительного двигателя вашего автомобиля.

Дюк остановился и медленно повернулся к Алексу. На его лице выступил румянец, и Алекс подумал, что уже третий человек из опрошенных сегодня свидетелей краснеет при разговоре с полицией.

— Что вы имеете в виду?

— Вероятно, нечто меньшее, чем вы, доктор. Но вы пока свободны. Мы благодарим вас.

Дюк открыл было рот, словно хотел что-то сказать, но потом резко повернулся и вышел.

Глава XXII

Дьявол нарисованный

Джоан Эклстоун находилась в своей комнате на втором этаже. Когда они постучали, дверь приоткрыл Николас и тихо сказал:

— Она плачет...

— Мы ненадолго... — Алекс проскользнул в дверь, а за ним Паркер. — Мы хотим задать вашей жене пару вопросов и сейчас же уйдем, а вас прошу подождать в своей комнате...

Джоан встала с кресла у окна. На ее лице виднелись слезы, и Алекс подумал, что он никогда бы не ожидал от нее столь сильной эмоциональной реакции на смерть отца, к которому при жизни она, казалось, относилась довольно сдержанно.

— Примите наши сердечные соболезнования и извинения, миссис Робинсон, но мы должны задать вам несколько вопросов. Один из них весьма щепетильного свойства. Очень прошу вас овладеть собой и быстро ответить...

— О, я постараюсь... — ответила она тихо.

Дождь заканчивался. Гроза уходила, глухо гремя за невидимым горизонтом. Приближалась тишина с затухающими мягкими всплесками теплых капель.

— Я могу остаться здесь? — спросил Николас.

— Если вы подождете у себя в комнате, мы будем вам очень благодарны. Это отнимет не больше двух минут.

— Хорошо... — Николас развел руками. — Только прошу ее не расстраивать...

— О, Ник... — сказала она тихо. — Какое это сейчас имеет значение... — Ее голос снова перешел в плач, но она выпрямилась и, достав платок, совсем по-детски ребром ладони вытерла глаза. Робинсон вышел и тихо закрыл за собой дверь.

— Вы извините, что я не зажигаю верхнего света... — сказала Джоан. — Прошу вас, садитесь...

— У меня лишь несколько слов... — Джо глубоко вздохнул. — Мы должны, к сожалению, выяснить до конца все обстоятельства смерти вашей тетушки и сегодняшней трагедии. В состоянии ли вы в настоящую минуту отвечать ясно? Вы не слишком устали?

— Пожалуйста, спрашивайте... — Джо видел в слабом свете маленькой лампочки на столике болезненные черты ее изможденного лица. Но плечи Джоан были прямыми и голову она держала высоко.

— Вы знакомы с завещанием вашей бабушки?

— Нет... — Джоан потрясла головой. — Я никогда его не видела.

— А вы слышали о нем?

— Да. Бабушка говорила мне об этом уже давно, года полтора назад, а может, и раньше, перед тем, как ее разбил паралич. Она говорила, что я ничего не получу, если у меня не будет детей.

— Как вы приняли это известие?

— О... — она легко пожала плечами. — Меня это не очень тронуло. Я даже точно не помню, что она говорила.

— А вы действительно не хотите иметь детей?

Джоан замолчала. Потом тихо сказала:

— Я предпочла бы не говорить с вами на эту тему.

Алекс встал и подошел к ней.

— Миссис Робинсон... — сказал он тихо. — Я веду следствие по делу о смерти вашего отца. Еще не все ясно. Прошу вас не отказывать мне в помощи.

— Как? — Джоан стремительно встала и опять опустилась на кресло. — Вы хотите сказать, что... — она умолкла.

— Я очень прошу вас дать мне полную и точную информацию, которая кажется мне крайне необходимой. Иначе я не мучил бы вас вопросами, тем более сегодня.

Джоан закрыла глаза. Потом открыла их и посмотрела Алексу в лицо.

— Все думают, что я не хочу иметь детей, потому что спорт для меня важнее, — сказала она тихо. — Это неправда. И Николас, и я очень хотели бы иметь ребенка. Но, вероятно, его у нас не будет. Это... Это такой органический недостаток... какая-то мелочь, исправить которую врачи не в состоянии... Я никогда никому не говорила об этом, но я лечилась без перерыва два года. Я приезжала сюда и продолжала лечение... Агнес втайне от всех домашних сделала мне целую серию уколов. Но ничего не помогло... Это неправда, что медали интересуют меня больше, чем ребенок. Я бы завтра же бросила спорт, если бы... если бы...

Очевидно, голос опять отказал ей, потому что она приложила руку к губам и тихо зарыдала. Алекс встал и кивнул Паркеру.

— Мы больше не будем мучить вас, миссис Робинсон, — сказал он тихо. — Возможно, позже я позволю себе спросить вас еще кое о чем. Прошу вас не сердиться на меня.

Она молча склонила голову, а потом спрятала лицо в ладонях. Джо направился к небольшой боковой двери, за которой исчез Николас Робинсон. Он тихо постучал и, не ожидая приглашения, вошел. Паркер не отставал ни на шаг.

Вторая комната казалась менее уютной. В ней почти отсутствовала мебель, кроме столика и нескольких кресел, на которых были разбросаны листы картона и стояли маленькие баночки с красками. На стенах висело несколько полотен, «очень абстракционистских», как определил для себя Паркер, закрывая дверь.

Николас Робинсон ходил большими шагами по комнате, задевая кресла и топчась лежащие на полу тряпки и клочки бумаги. При виде Алекса и Паркера он остановился, а потом подошел к ним.

— Вы уже закончили? Я могу идти к ней?

— Конечно, — Джо остановился на середине комнаты. — Я хочу задать вам пару вопросов, если можно.

— Слушаю, — Николас остановился возле двери и повернулся к ним.

— Вы обещали сказать нам сегодня вечером, что вы делали так рано вне дома, мистер Робинсон.

— Что? Я?.. — Николас открыл рот, а потом Алекс увидел, что его покрытое веснушками лицо явно бледнеет под ярким светом большой лампы, висящей у потолка. — Я? — повторил он, с явным усилием стараясь овладеть собой. — Я? Я писал, конечно. Я был на натуре, я ведь для этого сюда приехал...

— Да, я понимаю. А вы не могли бы показать нам ту картину, над которой сегодня работали?.. — Алекс не закончил. Он быстро подошел к стене и взял двумя пальцами край натянутого на подрамник полотна. Прежде чем Николас успел помешать ему, он повернул картину к свету.

— А это еще что такое? — тихо спросил Паркер и почти прыжком очутился напротив холста, на котором посреди совершенно реалистического пейзажа, представляющего Дьявольскую скалу и Норфорд Мэнор, в блеске восходящего солнца Дьявол, окруженный ночными бабочками, чудовищами и головами без туловища, стремительно уносил, сжимая в когтях и колотя перепончатыми крыльями, маленького человечка с большой карикатурной головой. А человечком этим был Ирвинг Эклстоун, изображенный с таким поразительным сходством, что у Джо перехватило дыхание. Картина была выдержана в лучших традициях Иеронима Босха.

— Я... то есть... — Николас оглянулся с внезапным ужасом. — Она не должна это увидеть. Я совсем забыл о картине, когда все это случилось. О боже...

— Значит именно это вы писали сегодня утром... — сказал Джо. — Как же пророчески...

— Я лишь хотел... Вы помните, что он сказал во время ланча? Он говорил, что мы, абстракционисты, не умеем рисовать так, как рисовали когда-то. Это должен был быть подарок ему...

— Подарок! — пробормотал Паркер. — Очевидно, на день рождения.

— Что вы берете с собой, когда идете писать на натуре? — быстро спросил Джо.

— Что? Я?.. — Николас по-прежнему не мог оторвать глаз от своей картины. — Это ужасно... — прошептал он. — Я должен ее уничтожить, немедленно...

— О, нет... — возразил Паркер. — Вы не сделаете этого. Картина слишком интересна.

— Бен, — Алекс повернулся к нему, — думаю, что будет лучше, если мистер Робинсон сам будет решать судьбу своих картин. Однако пока я хотел бы получить ответ на мой вопрос.

— Что беру? Краски, конечно, полотно, мольберт...

— Вот этот? Или нет? — Джо показал на обычный деревянный мольберт, на котором сейчас ничего не было.

— Нет. У меня есть великолепный швейцарский мольберт, складной, как штатив... Еще беру кисти и что-нибудь поесть... Позвольте мне повернуть ее к стене. Она может войти сюда, и это было бы ужасно.

Джо повернул к стене эту поразительную картину и, увидев в глазах Николааса выражение глубокого облегчения, с пониманием кивнул головой.

— Ваша жена, я надеюсь, никогда не узнает, что вы написали. Но я прошу вас ответить еще на один вопрос. Когда вы возвращаетесь с натуры, вы все это уносите сюда, наверх, не так ли?

— Да. Только мольберт я оставляю внизу, потому что он мне здесь не нужен. Я вкладываю его в гнездо для зонтиков на вешалке в холле. Он складывается, как штатив...

— Так, — Алекс вдруг повернулся к двери. — Спасибо вам. И прошу вас идти к жене. Она очень нуждается в вас.

— А разве... — Николаас глянул на свою картину. — А вы... вы, надеюсь, не станете упоминать об этой картине, потому что я ни за что не хотел бы, чтобы Джоан... — он развел руками.

— Мы постараемся сохранить эту тайну, — Алекс кивнул ему головой и вышел. Однако он не направился обратно в сторону кабинета Ирвинга, а начал спускаться вниз.

Паркер шел за ним, тихонько посвистывая и оглядываясь по сторонам.

Глава XXIII

Пари на один шиллинг

Внизу, в холле, Томас Кемпт, стоя у двери своей комнаты, разговаривал с доктором Дюком. Увидев Паркера и Алекса, они замолчали.

— Можно вас на пару слов? — быстро спросил Джо молодого архитектора и, не ожидая ответа, нажал ручку двери.

Паркер вошел за ним с тем же выражением рассеянности, которое старательно скрывал от посторонних. Но Джо, который знал его много лет, понимал, что заместителя начальника Департамента уголовного розыска начинает интересовать эта на первый взгляд бессмысленная ситуация.

Кемпт вошел за ними и закрыл дверь.

— Чем могу быть полезен? — спросил он тихо.

Джо осмотрел комнату, обставленную почти по-спартански. В углу стояла низкая кушетка, а всю длину стены под окном занимал чертежный стол с разбросанными на нем бумагами. На стене висела старинная гравюра, представляющая погоню за лисой охотников в ярких красных фраках. На маленькой вешалке висели брезентовая рыбацкая шляпа и бинокль, и тут же стояли две удочки.

— Что вы думаете о Николасе Робинсоне? — спросил Алекс напрямик.

— О Николасе? Уж не хотите ли вы сказать, что... Что думаю?.. Я его очень люблю и думаю, что это самый порядочный человек в мире.

— Так. А его жена? Вы знакомы с детства, не правда ли?

— Да. Я старше Джоан и знаю ее практически со дня, когда она родилась. Могу о ней сказать лишь то, что и о нем, а может, даже больше

и лучше, потому что знаю ее дольше и мог бы положить за нее голову в любом деле, от самого пустякового до самого серьезного. Джоан — кристальная девушка.

— Благодарю... — Алекс склонил голову. — Возможно, позже я спрошу вас еще о некоторых подробностях. А пока...

Не закончив фразы, он вышел из комнаты, а изумленный Паркер следом за ним.

В холле уже не было доктора Дюка, зато стоял сержант Джонс.

— Этот садовник уже начинает приходить в чувство, сэр! — сказал Джонс. — Что с ним делать?

Паркер посмотрел на Алекса.

— Наверно, ты мечтаешь допросить его, Джо?

— Нет, не мечтаю, но это может пригодиться. Сам не знаю. Во всяком случае, надо с ним обменяться парой слов. Он у себя в домике?

— Да, сэр.

Джо шагнул к двери, но вдруг остановился.

— Ах, какой же я дурак! Какой я поразительный дурак, Бен! — он понизил голос. — Умоляю тебя, нужно немедленно собрать всех этих людей где-нибудь, лучше всего в столовой. Кроме доктора Дюка... Джонс, найдите доктора Дюка и приведите его сюда. Наверно, он у себя в комнате или там, — указал рукой, — у старой леди Эклстоун.

Джонс резко повернулся, подошел к двери комнаты Дюка и постучал. Через секунду он вошел и почти тут же вышел в обществе молодого врача.

— Если вы... — начал Дюк.

Алекс быстрым движением руки остановил его.

— Давайте покончим с нелепостями. Дело слишком серьезное. Вам необходимо немедленно отправиться в комнату старой леди Эклстоун и не оставлять ее ни на секунду до тех пор, пока я не приду и не освобожу вас. Я возлагаю на вас полную ответственность за ее жизнь и здоровье. Вы поняли меня?

Дюк невольно выпрямился.

— Вы... вы это серьезно?..

— Доктор, я не знаю, служили ли вы в армии, но считайте, что это приказ, независимо от того, что вы думаете о своих гражданских свободах. Вы находитесь здесь только для того, чтобы ее охранять, и я ничего от вас не требую, кроме того, чтобы вы в критический момент выполнили свою обязанность. И прошу вас ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не оставлять комнату леди ни с ней, ни без нее.

— Слушаюсь, — сказал доктор Дюк и без слов направился к двери спальни владелицы Норфорд Мэнор.

Когда дверь за ним закрылась, Джо резко повернулся и направил указательный палец в грудь Джонса.

— Сержант! Нужно сделать это очень точно!

— Что именно, сэр?

— Собрать их всех в столовой, за исключением доктора Дюка и старушки, которые не имеют права покидать спальню. Мы вернемся через десять минут.

— Слушаюсь, сэр.

Алекс опять круто повернулся и двинулся вперед, захватив по дороге с вешалки металлический мольберт, который впервые увидел у Николаса Робинсона в день своего приезда, когда встретил его на дорожке в лесу. Паркер шел за ним, бормоча что-то. У входной двери, за которой спокойно прогуливался полицейский в форме, он остановил Алекса.

— Джо, уж не хочешь ли ты сказать, что...

— Могу держать с тобой пари на один шиллинг, что еще сегодня мы откроем наиболее изумительную криминальную тайну этого столетия. — Алекс рассмеялся и сразу же стал серьезным. — Ах, какой же я дурак! — сказал он громко, несмотря на изумление дежурного полицейского. — Если бы я мог предположить...

— Господи, да что случилось-то? — удивился Паркер. — Я знаю, что ты не можешь выиграть этот шиллинг, потому что никто не может его выиграть в данной ситуации. **Я знаю**, что Ирвинг Эклстоун покончил самоубийством! Но, Джо... Скажи, бога ради, в чем дело?!

— Еще не сейчас, Бен, еще через четверть часа... — Алекс остановился в открытых дверях, глядя во влажную тьму ночи. Внезапно он наморщил брови. — А если я ошибаюсь? — спросил он себя тихо. — Я же могу ошибаться... — Секунду он стоял без движения, потом решительно заявил: — Нет! Не могу! Это было бы еще невероятнее! Ох, Бен, эти абстрактные доводы! Эта красота мысли! Я богаче на один шиллинг.

И не ожидая ответа, нырнул в темноту.

Глава XXIV

«Щепку, Бен, самую выдающуюся щепку в истории криминалистики!»

Когда они вошли в домик садовника, полицейский, сидевший на стуле возле кровати, сорвался с места. У окна стоял детектив в гражданской одежде, которого Джо, зная с виду, приветствовал кивком головы.

— Мистер Филд приходит в себя, если можно так выразиться, — улыбнулся детектив, но увидев на лице Алекса напряжение, выпрямился, и его лицо приняло серьезное выражение.

— Мистер Филд, — сказал Джо, склонившись над лежащим садовником, — можете ли вы рассказать нам, как провели сегодняшний день до момента, когда... гм... когда вы потеряли сознание?

Филд поднял голову. Это был уже немолодой человек. На его бледном лице проявились темные полосы побритой рано утром и уже начавшей отрастать бороды.

— Люди, чего вы от меня хотите? — ворчливо спросил он. — Я что-нибудь украл? Нет. Я никогда никому не сделал ничего плохого. Ну, может, только мышам... Разве это преступление, если человек пойдет себе в воскресенье в лес и выпьет пару капель за свое здоровье? Этого полиция как будто никому не запрещает?

Он сел на кровати и спустил с нее ноги в дешевых хлопчатобумажных носках.

— Мистер Филд... — Джо положил руку ему на плечо. — Месяц назад в этом доме погибла леди Патриция Линч. Сегодня умер сэр Ирвинг Эклстоун, умер именно после полудня, когда вы выпивали свои капли за свое здоровье. Его нашли с пулей в голове. Если мы не узнаем, как умер мистер Эклстоун, возможно, через месяц нам придется хоронить Джоан Робинсон. А вы ведь, кажется, немного ее любите, не так ли?

Филд потер голову, в которую, вероятно, медленно и с трудом проникали слова Алекса, не желая принимать нужный порядок и последовательность. Внезапно часть этих слов, очевидно, достигла его сознания.

— Барышня погибла?! — совсем придя в себя, он сорвался с постели. — Джоан! Погибла! — у него перехватило дыхание.

— Нет! Не погибла! Погиб мистер Ирвинг, — Алекс потряс старика за плечи. — Я хочу, чтобы вы кратко рассказали, видели ли вы сегодня в лесу что-нибудь необычное, прежде чем выпить, или нет?

— Видел ли я, сэр... — Филд вдруг выпрямился и потрогал рукой небритый подбородок. — Вы меня извините... человек иногда... — он опустил голову. — Мистер Ирвинг умер... Видел ли я?... Но это не имеет никакого значения...

— Вы не можете знать, что имеет значение, а что не имеет в этом деле. Мы должны установить, где были все домочадцы в момент смерти мистера Ирвинга. Вы видели кого-нибудь из домочадцев во время вашей утренней прогулки?

— А откуда вы знаете? — Филд с подозрением посмотрел на Джо. — Ведь они меня не видели...

— Не знаю, я не знаю! Я хочу знать, кого вы встретили? Уж не Синди Роулэнд с доктором Дюком случайно?

— А, значит, вы знаете? Вы ведь знаете!.. Значит, они вам сказали... Но они меня не видели, как же они могли сказать? — Он поднял на Алекса непонимающий изумленный взгляд, потом снова потер рукой голову. — Я не хочу об этом говорить... — сказал он тихо. — Не надо такие вещи никому рассказывать...

Джо наклонился к нему и положил руку на его плечо:

— Никто об этом не узнает, если не будет крайней необходимости. Помните, что жизни Джоан Робинсон может угрожать большая опасность, если мы быстро не узнаем всей правды.

Выражение глаз Филда напоминало сейчас выражение глаз раненого зверька.

Джо выпрямился и одобрительно кивнул головой.

— Говорите, Филд, я советую вам как друг.

— Ладно... — садовник тяжело вздохнул. — Я расскажу. Я лежал на траве... в кустах, на краю поляны, рядом с дорогой на Норфорд Мэнор. К этому времени я уже, наверно, все выпил, и мне было хорошо. Я ни за что не двинулся бы оттуда до самого вечера... Солнышко грело, птички красиво пели, а мне ничего, совсем ничего не хотелось. Даже пальцем пошевелить. Я увидел их издали, сквозь листья... Они подошли прямо к поляне. Я даже слышал, что они говорили, кроме тех случаев, когда переходили на шепот... Он говорил, что ее любит, а она, что ему не верит... и при этом они все время целовались. И он ей клялся, как обычно клянутся мужчины девушкам перед... Если бы я был трезвый, то, может, и не выдержал бы, встал бы и сказал ему пару слов насчет того, что я думаю об образованном джентльмене, который обнимает в лесу горничных и шепчет им на ухо всякие глупости... Я ведь знаю ее отца... мы вместе ходили в школу. Но эта бутылка немного меня разморила. Всегда со мной так. У меня не было сил двинуться, и мне было все безразлично. Даже не хотелось смеяться над этой глупышкой. А они снова стали целоваться. Пока вдруг она не протрезвела и не пришла в себя. Тогда она вырвалась из его объятий и крикнула: «Слушай!» или, может: «Слушай, кто-то выстрелил?..» Уже не помню точно... Но я и сам услышал что-то такое, как бы со стороны дома... потому что мы были в таком месте, где склон так легонько понижается, и издали хорошо виден дом, только совсем с другой стороны, чем из парка... Они просидели минуту без движения, а потом доктор, кажется, сказал: «Да, кто-то выстрелил», а Синди закричала: «Это он, Люцифер...» Потом вскочила и побежала, а он за ней, но не догнал, сел в машину и выехал на шоссе. А она где-то пропала в лесу... А потом я уснул, потому что, хотя я родом из этих краев, но ни в какого Дьявола не верю, даже в Люцифера...

А потом этот господин меня нашел. — Он указал рукой на детектива, стоящего у окна. — Пожалуй, я спал бы там до сих пор, а может, гроза бы меня разбудила?

Он хотел еще что-то сказать, но Джо круто повернулся и потянул Паркера за рукав.

— Идем, Бен! Спасибо, мистер Филд.

Они вышли.

— Ну и что? — спросил Паркер. — Мы знаем теперь точно, где были эти двое и что делали доктор Дюк и эта мисс Роулэнд. Быть может, доктор Дюк — проказник, который от недостатка других занятий соблазняет деревенских девушек, но это не значит, что я должен его допрашивать... Или ее... Это, в конце концов, их дело, причем дело самое личное из личных. Девушка-то совершеннолетняя.

Алекс остановился. В темноте Паркер слышал его ровное, спокойное дыхание. Тем не менее голос, которым Джо начал говорить, был несколько приглушен, будто внутреннее возбуждение не позволяло ему легко подыскивать очередные слова.

— Уже сейчас, Бен... Уже сейчас я мог бы тебе сказать, кто убил Ирвинга Эклстоуна и Патрицию Линч!

— Что? — переспросил Паркер, и в его голосе прозвучала заботливая тревога. — Уж не помешался ли ты от всего этого?

— Нет... — Алекс не шелохнулся. — Я здоров как никогда, Бен.

— Тогда кто же, по-твоему, а прежде всего — *как* убил Ирвинга Эклстоуна?

— Ответ на это... — Алекс говорил уже совсем спокойно, — изумительно прост. Но у меня нет еще ни одного доказательства, кроме полной уверенности в том, что все было проделано лишь одним-единственным возможным способом... Мне очень стыдно, Бен! Я должен был это понять значительно раньше. Но в свое оправдание могу сказать лишь одно: замысел был так безумно отважен, что почти не укладывался в голове! Сейчас мы пойдем за этими доказательствами, Бен! И мы должны их найти! Должны, должны, должны! Потому что, как сказал наш друг Аристотель, только сверхъестественные вещи не подлежат наблюдению. А у нашего Дьявола есть руки и ноги, глаза и мозг! Да еще какой мозг, Бен!

Возле темной клумбы, на которую падал свет из открытых окон дома, Джо повернул в сторону террасы, а Бен Паркер шел за ним, ругаясь про себя последними словами. Он ведь знал с абсолютной уверенностью, что никто не мог убить Ирвинга Эклстоуна. Но с другой стороны, в глубине души у него таилась почти языческая вера в невероятные способности своего друга к расследованию криминальных дел.

У ступенек дома Джо остановился и некоторое время стоял, глядя на запертую входную дверь. Потом отступил на несколько шагов, провел глазами по фасаду и вытянул в ту сторону руку, как будто что-то считал. Паркер заметил, что он по-прежнему держит в руке то устройство, которое вынул из вешалки для зонтов, когда они отправлялись в домик садовника.

— Да, я не могу ошибаться... — Алекс утвердительно кивнул головой. — Но в том случае, это неизбежно должно быть в...

Не dokonчив фразы, он двинулся к двери. Когда они появились в холле, к ним подошел сержант Джонс.

— Готово, сэр! — сказал он Паркеру. — Они все в столовой. Доктор находится у старушки и караулит ее. Больше в доме никого нет.

— Замечательно! — Джо направился к двери спальни Элизабет Эклстоун и постучал. Через минуту дверь приоткрылась и выглянул доктор Дюк.

— Вы уложили в постель леди Эклстоун? — спросил Алекс тихо.

— Нет, еще нет. Она сидит в кресле. Я не знаю, что делать. Вы говорили так таинственно, что я встревожился за нее и ожидал вас...

— Никто сюда не входил в наше отсутствие?

— Нет, никто. Агнес была с ней все время, а потом я отпустил ее, когда пришел этот молодой человек в штатском и вызвал всех, кроме меня, в столовую... Я совершенно не понимаю, почему вы...

Алекс остановил его движением руки.

— Я тоже не понимаю некоторых ваших действий, доктор, — сказал Джо спокойно. — Но об этом позже. А пока что... — он осмотрелся. — Вы не могли бы перевезти отсюда леди Эклстоун в какое-нибудь другое помещение и оставить ее там на несколько минут. Кто-нибудь из наших людей останется при ней. Я надеюсь, что с ней ничего не случится.

— Надеюсь, что нет... — Дюк пожал плечами. — А что я должен сделать потом?

— Перевести ее, а потом вернуться к нам, хорошо?

— Пожалуйста.

Дюк пожал плечами, ушел в глубину комнаты и сейчас же показался, толкая перед собой коляску, в которой сидела закутанная в шаль старая, неподвижная женщина, смотрящая в пространство невидящими глазами.

— Здесь рядом есть небольшая гостиная... — указал он на дверь. — Это подходит?

— Как нельзя лучше, доктор... Мы ждем вас... — он обратился к Джонсу. — Пусть кто-нибудь из ваших людей останется с той дамой в гостиной. Он не должен ничего делать. Пусть просто ее охраняет. Это ненадолго.

Джонс кивнул головой. Алекс и Паркер вошли в спальню старой леди. Джо зажег все лампы и остановился посреди комнаты, осматриваясь. В руке он продолжал держать тот прибор, который Николас Робинсон называл мольбертом.

— Что теперь? — спросил Паркер.

— Теперь я буду стараться выиграть мой шиллинг и одновременно вернуть долг одному человеку, который, как никто до сих пор, был близок к награждению меня дипломом патентованного идиота и недооценил меня так, как никто еще до сих пор. Но подождем конца... Подождем конца.

Он вынул мольберт из футляра, осмотрел его, а потом выдвинул длинные складные плечики устройства.

— Посмотри: мольберт легкий и состоит из алюминиевых трубок, которые входят одна в другую. Нижний конец вбивается в землю, а два верхних плечика держат холст в раме... Вот здесь, на концах, у них есть такие красивые маленькие держатели для рамы... Посмотри...

Джо подошел к стене и, манипулируя мольбертом, захватил держателями тяжелую раму старинной картины, висевшей на одной из стен. Потом без усилия оторвал картину от стены и перевернул ее в воздухе.

— Как ты думаешь, я оставил отпечатки пальцев? — улыбнулся он.

— Да... — Паркер покивал головой. — Это объясняет способ, посредством которого портрет в столовой менял свое положение. Но отсюда еще далеко до утверждения, что мистер Николас Робинсон убил своего тестя. И это после того, как вы вместе провели весь день, а потом он стоял рядом с тобой, когда раздался выстрел. Я думаю, ты не хочешь уговорить меня поверить во что-нибудь подобное?

— Ох, Бен... — Алекс повернулся к нему. — Подумай только, Бен... Если это не было самоубийством, то как...

Он не закончил, потому что раздался стук в дверь, вошел доктор Арчибальд Дюк и остановился на пороге.

— Я к вашим услугам, джентльмены.

— Доктор, — Алекс не смотрел на него, он стоял посреди комнаты, быстро оглядываясь, — вы извините меня, что я врываюсь в то, что можно назвать интимной областью вашей жизни, но мы хотели бы знать, как вы относитесь к Синди Роулэнд? Вы ее просто соблазняете или, быть может, вы на самом деле хотели бы на ней жениться?

Джо предполагал, что Дюк взорвется, но молодой врач ответил очень спокойно:

— Я не знаю, почему вас это интересует, и никак не могу понять какую это может иметь связь со смертью Ирвинга Эклстоуна, но если вы настаиваете и предполагаете, что это необходимо для пользы следствия, то должен вам сказать, что я действительно хочу на ней жениться, и причем в ближайшее время.

— Серьезно?

— Да, я люблю Синди, а ее характер, красота и манеры могут быть украшением любого дома, даже дома провинциального врача. — При этом он легко улыбнулся. — Я сказал это, впрочем, только потому, что, по-видимому, для вас выглядит странным супружество врача и горничной.

— А она знает об этом?

— Я сказал ей это даже сегодня. Но я не знаю, верит ли она мне. Она убеждена, что... что между нами существует слишком большое социальное неравенство... Но мне наплевать на социальные неравенства! — закончил он резко, как будто ожесточенно спорил с кем-то, кто упрекает его в этом супружестве.

— Вы совершенно правы, — сказал Джо, по-прежнему оглядываясь и как бы не обращая внимания на слова молодого врача. — Поздравляю вас с выбором! Это очень красивая молодая девушка. Я хотел бы только, чтобы вы ей повторили все это при нас, хорошо?

— С большим удовольствием... — сухо сказал Дюк.

Джо подошел к двери и сказал полушепотом несколько слов Джонсу. Затем вернулся и опять встал посреди комнаты, оглядываясь. Потом подошел к большой старинной кровати и поднял покрывало. За этим занятием его и застала Синди Роулэнд. Джо опустил покрывало и улыбнулся ей.

— Доктор Дюк очень хочет сделать в нашем присутствии некое заявление... — Алекс по-прежнему оглядывал комнату, что вконец расстроило Паркера. Заместитель начальника Департамента уголовного розыска громко кашлянул. Джо, как бы не замечая этого, продолжал: — Он сказал нам, что просил вашей руки и что вы согласны выйти за него замуж в ближайшее время. Это правда?

— Он сказал... вам... — ее красивые полные губы начали дрожать.

— Конечно, я сказал! — Дюк подошел к девушке и обнял ее за плечи. — Я ведь сам родом из деревни. Моя мать наверняка обрадуется, когда я привезу ей не капризную городскую барышню, а такое красивое создание, как ты!

И тогда Синди Роулэнд сделала нечто совершенно неожиданное. Она взяла себя в руки, легко высвободилась из объятий доктора и сказала тихо:

— Он меня выслушал...

— Не думаю! — Алекс перестал разглядывать комнату и с улыбкой посмотрел на девушку. — Во всяком случае, не благодарите его. Говорят, Дьявол отнюдь не лучший друг молодых замужних женщин. И... — он погрозил пальцем, — я советую вам больше не заглядывать в тот Грот.

Синди Роулэнд посмотрела на него в полном изумлении и невольно перекрестилась.

— Господи помилуй... — прошептала она.

— Вот это уже лучше. А кроме того, мне кажется, что Дьявол не занимается влюбленными, по крайней мере, до тех пор, пока они влюбленные. Дети мои, я очень доволен вами! Идите теперь за старой леди Эклстоун, вкатите ее в столовую и ожидайте нас. Мы сейчас придем туда.

— Позвольте, — спросил Дюк. — Я не понимаю, что общего имеет Дьявол с...

— Ох, доктор, как много в мире есть вещей, которых разум наш... и так далее. Вы ведь понимаете, что я хочу сказать. Ступайте, мы благословляем вас от имени следственной службы Ее Королевского Величества. А не каждому удастся получить такое благословение в день помолвки!

Он проводил их взглядом до выхода, и когда дверь за ними закрылась, выражение игривости исчезло с его лица так внезапно, будто кто-то невидимый стер его губкой.

— Здесь есть только два места, Бен! — сказал быстро Джо. — Одно — это кровать, а другое — это стеной шкаф.

— Два места для чего? — Паркер подошел к нему. — Что ты ищешь?

— Шиллинг, на который мы держим пари.

И не говоря ни слова, Джо подошел к шкафу. Как варвар, он начал выбрасывать из него аккуратно сложенные в штабеля белье, шали, свитеры. Потом быстро, сантиметр за сантиметром осмотрел стенки шкафа снизу доверху.

— Ничего нет... — пробормотал он и повернулся к кровати. — Впрочем, я этому не верил, потому что это слишком сложно...

Он сорвал с кровати покрывало, потом одеяло, простыню, отогнул матрац и...

— Ничего... — сказал тихо. — Абсолютно ничего... Возможно ли это? Это должно быть здесь... Должно, Бен, или...

— Что должно? Начни, наконец, говорить! Ведь со мной-то, я полагаю, ты не собираешься играть в прятки?

— Подожди, дай мне подумать... дай мне подумать! — Он ударил себя ладонью по лбу. — Конечно! Ах, какой же я дурак!

Вдруг он остановился и насупил брови. С минуту простоял так молча, потом поднял на Паркера глаза, и Бен заметил в них внезапно мелькнувший страх.

— Послушай... — Алекс потер лоб рукой. — Ведь это не может быть... Это не может быть идеальным преступлением... Я ничего не понимаю... Подожди... Ах, нет, ну конечно! Конечно! — он схватил друга за плечи. — Бен! Надо немедленно спустить воду из бассейна. Возьми пару твоих людей с самыми мощными фонариками и идем туда! К счастью, окна столовой не выходят в парк. И не разрешай ни под каким предлогом никому двинуться из столовой! Вот сейчас я не могу ошибаться! Какая же удивительная личность этот Дьявол! Поразительно!

— Но что ты надеялся найти здесь?

— Щепку, Бен, самую выдающуюся щепку в истории криминалистики! Тем временем оказалось, что я всего лишь глупый мальчишка, а он старый, мудрый Сатана! Но спектакль еще не окончен. О нет!

И не ожидая ответа, Джо выбежал из комнаты.

Глава XXV

«По крайней мере — два предмета!»

Тучи начали расходиться, и луна светила над Дьявольской скалой, которая отражала ее свет блестящей влажной верхушкой. Маленькая группа людей стояла неподвижно, всматриваясь в медленно опадающую поверхность воды бассейна. Доступ воды был перекрыт, а стальной клапан, который регулировал слив, открыт. Лунный шар, отраженный на поверхности воды, медленно опускался вглубь.

— Еще пару минут, — сказал Джо тихо, — и мы сможем туда спуститься.

— Что ты хочешь найти здесь?

— По крайней мере — два предмета! Маленький металлический цилиндр и еще один ключ, очень похожий на тот, который мы нашли в террариуме мистера Ирвинга Эклстоуна. На этот раз, я так уверен, что готов держать пари на другой шиллинг... Я хотел бы, чтоб твои люди простучали все днище бассейна, каждую его плитку. Здесь должен быть тайник, должен быть, Бен!

Луна на дне бассейна внезапно исчезла. Джо наклонился. Дно уже отчетливо виднелось, в бледном свете блестили ровные ряды темных мокрых плит, аккуратно прилегающих друг к другу.

Джо спустился вниз по металлической лесенке, а за ним остальные мужчины, цепь силуэтов, поочередно исчезающих внизу. Зажглись фонарики. Паркер установил людей цепочкой, и они начали медленно передвигаться, нагибаясь, освещая дно бассейна и тихонько постукивая по нему.

Алекс шел за ними, освещая и внимательно рассматривая плиты, которыми были выложены стенки бассейна. Вдруг он остановился. Ему показалось, что вместо узкой полоски цемента, которыми были скреплены отдельные плиты, он заметил блеск стали. Он подошел, приблизил фонарик почти к самой стенке и начал внимательно осматривать это место. Затем он вытянул руку и попробовал сдвинуть плиту вверх. Она даже не дрогнула. Он попробовал с левой стороны, потом с правой. Ничего. Наконец нажал на нижний край. И тут плита повернулась на невидимой оси, открывая темное отверстие небольшого углубления, из которого полилась вода. Когда она стекла, Джо осветил вглубь. Некоторое время он смотрел туда, потом повернулся к Паркеру.

— Бен! — позвал он тихо. — Уже можно не искать. Я нашел!

Цепочка остановилась, потом распалась, и темные человеческие фигуры начали приближаться к Алексу, а затем остановились на расстоянии нескольких ярдов. Свет фонариков погас.

— Что ты нашел? — Паркер стоял рядом. В руке он держал фонарик, направленный в сторону отверстия, будто целился из пистолета в невидимого врага.

— Коробка... — Алекс указал на небольшой никелированный ящичек, лежавший в углу ниши. — И я предполагаю, что в ней находятся два предмета: ключ и маленький железный цилиндр, один из тех, которые ты хорошо знаешь...

Паркер ничего не увидел, потому что ему мешал свет его собственного фонарика, но услышал тихий шелест ног по дну бассейна. Его люди подошли к отверстию.

— Осторожно, Бен! — сказал быстро Джо. — На этой коробке наверняка есть отпечатки пальцев! А я думаю, что они нам крайне необходимы, если мы хотим, чтобы Дьявол вернулся в ад, при нашем самом сердечном

участии. Паркер вынул платок и с большой осторожностью протянул руку к коробке. Он оторыл ее кончиками пальцев. Внутри лежали маленький железный цилиндр странной формы и плоский ключ необычной конструкции, очень напоминающей другой ключ, найденный ими в террариуме покойного Ирвинга Эклстоуна!

— Джонс! — тихо сказал заместитель начальника Департамента уголовного розыска.

— Его здесь нет... — ответил чей-то голос. — Он караулит их там, в столовой.

— Карузерс, отнеси это сразу же в нашу передвижную лабораторию. Я думаю, что эксперт еще не уснул.

— Не уснул... — прозвучал голос из темноты. — Я пришел сюда за вами, чтобы не умереть от скуки.

— У вас есть отпечатки пальцев всех домочадцев, верно? Немедленно сравните и скажите, кому принадлежат эти.

— Это я могу сказать тебе без помощи науки, — Джо двинулся в сторону лесенки. Паркер догнал его.

— Скажи!

И Алекс сказал ему.

— То есть как? — Паркер схватил его за руку. — Но это же невозможно!

— Подожди... — они поднялись наверх и остановились на темном газоне. Туча закрывала луну. В сумраке Паркер увидел блеск белых зубов друга. — Не только возможно, но единственно возможно, Бен. Уже несколько часов я знал, что лишь у одного человека были одновременно и мотив, и возможности, но гипотеза, как ты сам видишь, была настолько неправдоподобной и необъяснимой при помощи здравого смысла, что... — он умолк. — И только тогда я применил *действительно здравый смысл*. И вдруг оказалось, что с определенной точки зрения, дело это чрезвычайно простое и банальное. Но сначала следовало исключить все другие варианты. Речь шла не обо мне. Я уже знал все, что надо, хотя несколько раз ошибся в деталях. Я думал о тебе. Ты был так сильно настроен против этого бессмысленного расследования. Впрочем, пока я точно не узнал, где находились все жители дома в момент убийства, у меня не было абсолютной уверенности. В этом фантастическом деле всегда оставалась какая-то неизвестная, еще более фантастическая возможность... К счастью, когда я применил элементарную логику, факты начали складываться в том порядке, в каком и должны были сложиться. Однако это преступление, по-своему гениальное, содержало одну ошибку. Оно было *почти* идеальным и в связи с этим исключало все возможности, кроме одной: *действительной*. Однако, если бы не удалось отыскать эту единственную возможность в гуще иллюзий и лабиринтов этого дьявольского плана, преступление автоматически становилось бы *преступлением идеальным*, то есть превращалось в самоубийство Ирвинга Эклстоуна, что, в свою очередь, означало бы для нашего Дьявола полный триумф и достижение задуманной цели...

— Но я по-прежнему не понимаю, каким же образом это преступление...

— Подожди, Бен. Позволь мне получить одно маленькое удовольствие.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Паркер подавленно. Он был прекрасным следственным офицером и очень честным человеком. Даже сейчас он ни на минуту не забывал о том, что еще два часа назад уговаривал Алекса прекратить бессмысленные поиски и уехать отсюда.

— Скажи... Позволь мне на основании моего удостоверения, разумеется, в твоём присутствии, самому произвести арест. Я очень зол на этого Дьявола. Он заранее обдумал и спланировал не столько идеальное преступление, сколько идеальное издевательство надо мной и моей скромной известностью, к которой я, искренне говоря, немного привязан. Я хотел бы лично объявить ему о его поражении.

— О, конечно, сделай это! Я даже беру на себя всю ответственность за твои возможные ошибки, если ты забудешь какие-нибудь слова из текста процедуры ареста. Лишь бы только мы не совершили ошибки, Джо. Я не хочу даже думать об этом.

— О, я уже сказал тебе, что у этого поразительного дела есть один поразительный аспект: *оно не может иметь иного решения*, если, конечно, не учитывать вмешательства сверхъестественных сил. Впрочем, наше последнее открытие исключает даже эту прекрасную возможность.

Они приблизились к дому. Алекс выпрямился, прошел мимо патрулирующего на террасе полицейского и вошел в холл.

Слыша позади шаги Паркера и нескольких входящих за ним детективов, он прошел к двери столовой, распахнул ее и остановился на пороге.

Некоторое время Джо молча смотрел на собравшихся. Двое стояли под портретом сэра Джона. Это были Синди Роулэнд и доктор Арчибалд Дюк, углубленные в тихую беседу, которую прервало появление Джо Алекса. Напротив входа, за столом сидели Джоан Робинсон и Николас Робинсон, по другую сторону стола, на стульях, ближе к двери Кемпт и Джилберн со своей неизменной тростью, зажатой меж колен. Агнес Стоун в безукоризненно белом фартуке и белой шапочке стояла, выпрямившись, в углу комнаты рядом с креслом, в котором неподвижная старушка глядела неподвижными глазами в пространство. Марта Коули и старик Райс стояли недалеко от них, по-видимому, не смея сесть в присутствии владельцев дома. Все молчали. Глаза их были направлены на вошедшего. Сержант Джонс, который спокойно стоял у двери, отодвинулся, уступая Алексу место и шепотом спросил Паркера:

— Уже, шеф?

Паркер едва заметно кивнул.

— Простите, что заставили вас так долго ждать... — сказал Джо. — Дело в том, что возникли некоторые неожиданные обстоятельства, которые немного затянули ход расследования... Это расследование, впрочем, оказалось нелегким, так как убийство было запланировано с невероятной ловкостью...

— Боже! — тихо произнесла Джоан. — Убийство... Значит он, папочка...

— К сожалению, — Алекс развел руками, — это было убийство, запланированное с неслыханной, совершенно беспримечной бравадой... если можно применить это в известной степени, позитивное слово к самой изощренной подлости, какую человек может совершить на земле. И здесь мы должны признать, к великому нашему стыду, что чуть было не пали жертвой ловкости убийцы, который сплел практически безошибочную, весьма сложную сеть мистификаций и пытался поймать нас в нее так умело, что если бы не... — Он остановился, потом начал снова: — Но мистификация — это всего лишь мистификация. Уже две с половиной тысячи лет назад некий старый мудрый грек Парменид из Элеи¹ написал в своей поэме «Путь иллюзий» слова, которые я снова вспомнил сегодня

¹ Парменид (конец 6 века до н. э.) — древнегреческий философ, представитель элейской школы.

вечером: «Не допускайте, чтобы привычка, возникшая из повторяющегося опыта, направила вас на путь, где средствами познания служат слепой глаз и ухо, вторящее звукам, но пытайтесь с помощью разума...» Я не буду цитировать дальше. Мы перестали верить глазам и ушам, привлекли к этому делу наш разум, и результат этих действий вынуждает меня произнести здесь и сейчас те самые известные всем слова: «Именем закона я арестую вас по обвинению в преднамеренном убийстве Патриции Линч и Ирвинга Эклстоуна и предупреждаю: все, что вы скажете, с этого момента может быть использовано против вас...»

— Но... но кого это касается? — спросил сдавленным голосом сэра Александр Джилберн.

— Слова эти относятся к присутствующим здесь Томасу Кемпту и Агнес Стоун... — спокойно сказал Алекс и в ту же секунду прикусил язык, потому что увидел в руке, которую Томас Кемпт выхватил из кармана, револьвер. А ствол этого револьвера был направлен прямо в его, Джо Алекса, грудь. И в эту долю секунды он с тоской подумал, что ни к чему оказались все уроки доктора Ямамото, ибо вот сейчас он стоит, открытый и беззащитный на линии выстрела, и если отпрыгнет, откроет стоящего за его спиной Паркера. А Кемпт был слишком далеко, чтобы можно было его достать.

Но все эти мысли, а вернее, их маленькие бессвязные обрывки едва лишь успели вспыхнуть, как грянул выстрел. Одна из женщин вскрикнула.

Джо стоял секунду, изумленный тем, что ничего не чувствует, подсознательно отыскивая всеми нервными клетками то место, куда вошла в его тело пуля. Но не под ним согнулись колени. Это Томас Кемпт медленно опустил голову, затем руки и тяжело, как кукла, рухнул на землю.

Алекс молниеносно обернулся. Пухлый сержант Джонс стоял со служебным пистолетом, медленно опуская его ствол вниз.

— Я ношу его в кобуре под мышкой, шеф... — сказал он негромко Паркеру. — И всегда, когда этим голубчикам объявляют их судьбу, скрещиваю руки на груди, как Наполеон... А в одной из этих рук я и держу его со снятым предохранителем и пулей в стволе... на всякий случай.

Но Паркер не расслышал его последних слов.

— Ты, Дьявол... — Агнес Стоун смотрела на Алекса страшным, полным отчаяния взглядом. Потом она выхватила руку из кармана фартука. Но в этой руке не было оружия. Она мгновенно поднесла руку ко рту.

И в этот момент случилась вторая неожиданная вещь: Джоан Робинсон пулей вылетела из своего кресла и повисла на ее руке. За ней вскочили Николас Робинсон и остальные присутствующие. Через минуту Агнес стояла с наручниками на руках, неподвижная, бледная и совершенно спокойная.

Паркер с силой разжал ее стиснутую ладонь и вынул оттуда маленькую белую ампулу.

— Цианистый калий... — пробормотал он и покивал головой. — Я думаю, что, пожалуй, это окажется цианистый калий.

Сержант Джонс положил руку на плечо Агнес.

— Пойдемте... — сказал он спокойно.

Она двинулась впереди полицейского, неестественно выпрямившись, с поднятой головой в белой крахмальной шапочке. Их провожали взгляды всех присутствующих. И лишь старая женщина в коляске даже не дрогнула и по-прежнему смотрела невидящим взором в бесконечное пространство, равнодушная и неподвижная, как изваяние.

Глава XXVI

«Но как это вообще было возможно?»

Автомобиль тронулся.

— Но как это вообще было возможно? — спросил Паркер, глядя в широкую спину водителя.

Джо ответил не сразу. Он сидел вполборота и смотрел через заднее стекло на освещенные окна Норфорд Мэнор. За ними поочередно выезжали на дорогу другие машины, прорезая темноту белыми крыльями фар. Джо вздохнул и, повернувшись, сел поудобнее, устроившись в углу полицейского автомобиля.

— Думаю, это был человек с болезненно развитой фантазией... — сказал он. — Я вынужден признать, что никто и никогда не подводил меня так близко к поражению. Не говоря уже о том, что если бы не твой неоценимый Джонс, он, в конце концов, убил бы меня, беззащитного, как ребенка. Я слишком разболтался. Я всегда знал, что именно риторические склонности в один прекрасный день станут причиной моей гибели. К счастью, наша полиция была начеку.

— Да... — Паркер в темноте щелкнул пальцами. — Полиция начеку! — добавил он язвительно. — Если бы не ты, опасаясь, что я, а вместе со мной и весь мой штаб детективов, дактилоскопистов, экспертов и компьютеров преспокойно уехали бы отсюда, оставляя на свободе эту парочку убийц, свободных и счастливых, как пара голубков! Но расскажи, наконец, как ты до всего этого дошел?

— Уже в первый день, когда приехали Кемпт и Джилберн, мне очень не понравилась загадочная смерть одного из наследников старой леди Эклстоун. Ибо Патриция была для меня прежде всего одним из наследников огромного состояния, единственным владельцем которого являлась доживающая свой век парализованная старушка. Самоубийство Патриции тоже казалось по меньшей мере загадочным. Вынула ключ из двери — зачем? Приняла цианистый калий во время чтения книги? — Почему? На книге найден отпечаток дьявольского копыта, но в комнате умершей не найдено никакого предмета, который мог бы этот отпечаток оставить. Ночью, перед смертью, повернут лицом к стене портрет Джона Эклстоуна, потомком которого в десятом поколении она и была, а нам, в свою очередь, известно, что род Эклстоунов по воле Дьявола был обречен на гибель именно в десятом поколении. Мне трудно было вообразить себе, что эта несчастная женщина, измученная долгой тяжелой болезнью мужа, начала вдруг вытворять какие-то дьявольские штучки, перед тем как покончить с собой. Кроме того, мне показалось неправдоподобным, чтобы эта, как-никак, порядочная, хотя, быть может, действующая иногда под влиянием внезапного импульса женщина могла вторично заморочить голову бедному Джилберну, а потом снова разрушить его жизнь, даже не написав ему нескольких прощальных слов с объяснением своего шага. Этот ключ на столе тоже вызвал недоумение. Если она приняла цианистый калий, дочитав «Пигмалион» до 110-й страницы, потому что книга была раскрыта именно на этой странице, когда ее нашли умершей, то зачем вынимала ключ? И наконец, что в «Пигмалионе», этой милой и мудрой комедии, может вдруг стать причиной такого рода решения?.. Я не мог ответить себе на все эти вопросы. Но я приехал, прежде всего, потому, что меня встревожило повторение явлений, сопровождающих смерть Патриции Линч. Снова перевернут портрет, и опять следы Дьявола появились в Гроте. Это еще больше укрепило меня в уверенности, что Патриция была убита. Ввиду этого возникал вопрос: кто

мог убить ее в собственной комнате? Кто-то, от кого она спокойно приняла бы яд, не отдавая себе в этом отчета? Для такой возможности подходили практически все домочадцы, кроме Николаса Робинсона, которого могла заметить Джоан, если бы Патриция попросила их дать ей лекарство. Это могла сделать Синди, горничная, которая, наверно, заглядывает в комнаты дам, спрашивая, не нужно ли чего-нибудь перед сном. Это мог сделать старый слуга, кухарка, медсестра, доктор, даже Ирвинг... Я исключил, после обдумывания, Кемпта, потому что было менее всего правдоподобным, чтобы он среди ночи мог вручить ей порошок. Конечно, его мог дать ей также Джилберн, провозжая домой. Она ведь жаловалась на головную боль. Она могла принять порошок во время чтения книги и умереть. Но тогда она не вынимала бы ключ из замка. Итак, если Патриция Линч была убита, то, безусловно, этого не мог сделать Джилберн, потому что он единственный из подозреваемых, кто не находился ночью в доме и не мог выйти, заперев дверь другим ключом и оставив настоящий ключ от комнаты на столе умершей. Впрочем, предмет, который нанес отпечаток дьявольского копыта на книге, должен быть принесен извне. Но не от Джилберна, потому что самый невероятный шанс, по теории вероятности, не оставлял никакой возможности предполагать, что Джилберн сделал отпечаток на одной из страниц, а Патриция, дочитав как раз до этой страницы, приняла яд. Тогда где находился этот предмет, которым сделан отпечаток на книге и на песке в Гроуте? Если бы сама Патриция сделала отпечаток, ей пришлось бы выйти из комнаты, спрятать этот предмет, а потом вернуться и отравиться. Это очевидная бессмыслица, принимая во внимание, что после ее смерти, этот предмет был снова использован для той же цели. Следы в гроте вновь появились и оказались идентичными. Этот факт имел двойное значение:

1. Джилберн *не мог* быть убийцей Патриции, поскольку не имел ночью доступа в дом и не мог сделать отпечаток на книге, а потом спрятать предмет, которым оставил отпечаток. А ведь совершенно ясно, что след этот оставил убийца, с пока еще непонятной целью.

2. Повторение фокуса с портретом и вторичное появление отпечатков копыт в гроте производило в первый момент удивительное впечатление. А именно: *убийца хочет объявить о своем существовании* и обратить внимание более тонкого наблюдателя на факт, что Патриция Линч не совершила самоубийства. В первый момент это было очень трудно понять. Если кто-то совершает убийство и ему удастся убедить полицию в том, что убитый совершил самоубийство, казалось бы, он должен больше всего на свете мечтать о том, чтобы никогда себя не обнаружить и избежать правосудия. А между тем, наш убийца начинает действовать как полный безумец. Из этого можно было сделать только два вывода:

1. Что он действительно безумец.

2. Что он хочет свалить это убийство на кого-то другого и уверен, что ему это удастся.

Дополнительный и самый грозный вывод из вторичного переворачивания портрета и появления следов в Гроуте был таков:

«Поскольку убийца действует дальше, дело не закончится убийством Патриции Линч, и в далеком Норфорд Мэноре произойдут какие-то новые события».

Конечно, убийца с самого начала имел надо мной огромное преимущество. Я не был на месте преступления сразу после смерти Патриции Линч, а с тех пор прошел целый месяц. Я не знал, к чему он стремится и что хочет сделать, а он, разумеется, знал это отлично. Факт, что смерть Патриции полиция признала самоубийством, указывал на то, что если он безумец, то, во всяком случае, наделен способностью весьма здраво рассуждать.

А если он не безумец, то мы имеем дело с необыкновенным талантом в мире преступности, провоцирующим полицию к возобновлению уже закрытого следствия по преступлению, которое уже произошло, и возможно, к открытию нового следствия по преступлению, которое еще не совершено. Эта невероятная уверенность преступника в себе побудила меня к немедленному выезду на место. По пути мне казалось, что если я даже не схвачу его, то, по крайней мере, парализую его действия до такой степени, чтобы он не совершил нового преступления. Между прочим, лишь для этого я как можно скорее отказался от своего псевдонима. Я хотел, чтобы все в Норфолд знали, что приехал, как-никак, профессионал по раскрытию преступлений. Со стыдом признаю, что тогда я даже не предполагал, что он настолько отважен, чтобы избрать именно меня в качестве свидетеля своего идеального алиби...

...И я приехал. Тут же я мгновенно окунулся в лабиринт метафизических рассуждений о Дьяволе и ведьмах. Это тоже прекрасно спланировал наш убийца, и сделал это по-своему гениально. Местность буквально лопалась от преданий и демонологических легенд. Ирвинг Эклстоун был демонологом, над родом которого тяготело проклятие. Ближайшие к месту действия объекты: Дьявольский грот и Дьявольская скала, а в придачу появление отпечатков дьявольских копыт...

Трудно было не принимать все это во внимание, хотя, как потом оказалось, все это можно было игнорировать и заняться единственным разумным мотивом преступления — богатством Эклстоунов. Однако я по-прежнему не знал, не имеем ли мы дело с убийцей-маньяком. Ну и наконец, нельзя было не принимать во внимание, что Синди Роулэнд и ее родители были жителями этих мест. Это тоже могло иметь некоторое значение. Синди была впечатлительной девушкой, фантазию которой пробудил Ирвинг Эклстоун своими рассказами об истории Дьявола в этой окрестности. Синди, несомненно, знала, что ее пра-пра-пра-прабабушку когда-то повесили при помощи кого-то из Эклстоунов и что Дьявол обещал отомстить всему этому роду. Это могло стать навязчивым бредом, незаметным для окружающих. Бывают такие тихие мании. Она сама относилась к физическому «типу ведьмы», со сросшимися бровями и черными длинными волосами. К счастью, у Синди это выразилось лишь в молитвах Сатане и любви к доктору Арчибальду Дюку. Но узнал я об этом значительно позже, хотя признаю, что подозревал это, услышав слова ее молитвы. Другое дело, что я принимал тогда во внимание Кемпта как потенциального убийцу, который имел серьезный мотив поголовного убийства всех Эклстоунов, а ее я подозревал в соучастии... Да, это все было непросто. Она ведь могла с легкостью дать Патриции Линч порошок с ядом, оставив отпечатки в гроте, перевернуть портрет утром, когда все еще спали, а она всегда первая вставала... и так далее. Она могла любить Кемпта, а навязчивый бред по поводу мести Сатаны и ее, как орудия этой мести за ту, давнюю Синди, был вполне возможен...

Но с того момента, когда я прочел завещание старой леди, я понял, что человеком, у которого есть самый серьезный мотив желать гибели семьи Эклстоунов, является Томас Кемпт. Он ведь внук сестры Джекоба Эклстоуна, и если бы исчезли все наследники, он один остался бы лицом «в жилах которого» — как говорит завещание — «текла кровь этого рода».

Джоан была исключена вследствие оговорки, говорящей о бездетности, а ввиду того, что старая леди уже никогда не изменит завещания из-за своего здоровья, Кемпт спокойно стал бы владельцем многомиллионного состояния, которое старый Джекоб выжал из своих малайских плантаций и предприятий на территории страны. Поэтому, когда утром выяснилось, что

портрет опять переменял положение, мы, то есть я и Джилберн, немедленно прибыли в Норфорд Мэнор, и я прямым текстом предупредил Кемпта, когда мы уезжали оттуда. Я, разумеется, не мог сделать ничего больше, потому что у меня тогда еще не было никаких улик против него. Напротив, именно он уговорил Джилберна прийти ко мне со своими подозрениями. Кроме того, в четыре часа я должен был перебраться в Норфорд Мэнор и просто не мог поверить, что кто-нибудь попытается рискнуть нанести удар в таких обстоятельствах. В довершение ко всему, я послал сержанта Кларенса с полицейской собакой только для того, чтобы возможный убийца видел, как они ходят по парку и в окрестностях дома с самого утра... И быть может, Кемпт не рискнул бы, не будь его план так прост, так безошибочен и так идеально «безопасен». Признаюсь тебе, Бен, что я видел много преступлений, также, как и ты их видел много, но такого плана, такого исполнения и настолько точной реализации разработанного проекта я не видел еще никогда. Ты сам, впрочем, знаешь, как это выглядело на первый взгляд... Убийство казалось совершенно невозможным, а все улики указывали на самоубийство, мало того, они вселяли уверенность, что это именно Ирвинг был маниакальным безумцем, который убил свою сестру и покончил с собой под влиянием навязчивой мысли о мести Дьявола в десятом поколении...

— О, разве я не знаю об этом! — Паркер приложил ладони к щекам. — Меня бросает в дрожь от воспоминания о том, что я говорил тебе и как я смотрел на тебя. Нет, честно, я законченный осел, Джо!

— Я не относился бы к этому так трагически... — Алекс говорил совершенно серьезно. — Думаю, что ни один полицейский в мире на твоём месте не поступил бы иначе. Вы связаны законами, методикой расследования, то есть тем, что мы называем уликами и доказательствами. А тем временем я все больше начинаю верить, что такие вещи, как доказательства, отпечатки пальцев и тому подобное, в наше время больше нужны умным убийцам, чем полиции. Убийца всегда имеет то поразительное преимущество перед полицией, что он располагает неограниченным временем для того, чтобы обдумать и испытать свой метод, а мы можем рассчитывать лишь на его ошибки и неточности. В этом случае убийца не совершил ни одной ошибки, ни одной неточности и был настолько убежден в своей безнаказанности, что пригласил меня в качестве свидетеля, когда совершил убийство! Ты понимаешь это, Бен? Этот человек только одного не принял во внимание: того, что я заранее был готов к фальшивым доводам и фальшивой видимости. Иначе он никогда бы не устраивал всех этих фокусов перед убийством. И проделывал он их лишь потому, что хотел, чтобы интеллигентный представитель закона оказался на месте преступления и сделал бы те выводы, которые он ему навяжет. А поскольку он сумел расположить мнимые доказательства так, что они представляли абсолютно всем идеальное алиби, то смерть Патриции, равно как и Ирвинга, должны квалифицироваться как проявление маниакальности последнего, а он, Томас Кемпт, после вскрытия завещания Элизабет Эклстоун стал бы владельцем — к своему изумлению, конечно! — всего огромного состояния Эклстоунов...

И здесь таился слабый пункт его плана. Дело в том, что Кемпт (как я тебе позже подробно объясню) преднамеренно постарался, чтобы я оказался свидетелем или скорее слушателем того выстрела. Когда мы ворвались в комнату Ирвинга, кровь, вытекающая из раны, как раз начала застывать. Это автоматически наверняка исключало в качестве убийц Джоан Робинсон, Николаса Робинсона и сэра Александра Джилберна, которые не расставались со мной в течение нескольких часов, следовательно, никаким

образом не могли оказаться в комнате Ирвинга. После дальнейших допросов выяснилось, что никто из остальных домочадцев не находился вблизи дома в момент убийства. Ближе всех были Синди и доктор Дюк, но они имели железное алиби в лице садовника, о присутствии которого поблизости даже не подозревали. Из его показаний вытекало, что они находились в лесу, когда услышали выстрел. Значит, они тоже не могли убить Ирвинга. А в связи с этим вся таинственность поведения Синди, ее ночное отсутствие и моления в гроте получали простое и ясное, хотя несколько деликатное объяснение, которое, я полагаю, не стоит обсуждать. Остались у нас лишь Агнес Стоун и Томас Кемпт. Он: потенциальный наследник богатства Эклстоунов, она — лицо, которое легко могло отравить Патрицию Линч, а кроме того, единственный человек (кроме Джилберна), который мог сообщить Кемпту, что:

а) Джоан Робинсон лишена наследства, при условии, если у нее не будет детей;

б) Джоан Робинсон хотела иметь ребенка, но она никогда не сможет его иметь.

Первый факт был известен Агнес как свидетельнице завещания, второй — как доверенному лицу, которое делало Джоан уколы, когда та проводила в Норфорд Мэнор курс лечения против бесплодия. Этому, впрочем, следует приписывать то счастливое для Джоан стечение обстоятельств, что ей не была уготована судьба ее отца и тетушки. Она выбыла из игры как конкурент на наследство.

Все это я начал окончательно понимать только во время допросов. Я понял это еще лучше, когда увидел на столе Ирвинга ключ от его комнаты и когда мы нашли в ящике стола эти деревяшки с резьбой дьявольских копыт, а в террариуме ключ номер два от комнаты Патриции.

Убийца дал нам в руки все доказательства, подтверждающие, что Ирвинг убил свою сестру и себя самого. Одновременно он создал такую ситуацию, в которой, на первый взгляд, ни он сам, ни кто-либо другой не могли совершить это убийство. В результате он был настолько уверен в наших выводах, что пожалуй, даже в минуту смерти от руки нашего неопределенного Джонса он так и не понял, как вышло, что такой идеальный план провалился...

— Если бы не ты... — начал Паркер.

— Ба, если бы не я! Но ведь он сам меня сюда пригласил! Дай мне, впрочем, закончить. Помнишь, я говорил, что в моем подсознании застряли два факта, которые меня тревожат и которые как-то не согласуются с окружающей их обстановкой. Когда я вспомнил о них во время допросов, я уже был уверен, что это Кемпт, но по-прежнему не мог детально все сопоставить. Так вот, первое смутное ощущение, которое меня раздражало, возникло утром, когда мы с Джилберном приехали, узнав о том, что портрет снова перевернут. Тогда Кемпт сказал нам, что он как раз шел искупаться в бассейн. А ведь он одет был в халат и пижаму. Разве кто-нибудь в мире идет купаться в пижаме? Вторично я испытал такое же чувство, когда после выстрела вбежал на террасу, споткнулся и оглянулся. И вот тогда я увидел Кемпта в плавках и в расстегнутом развевающимся халате, бегущего за Николасом и путающегося в складках этого халата. А ведь было бы совершенно естественным на ходу легко сбросить с плеч мешающий бежать халат...

Но что это могло значить? В первый момент у меня возникло неясное предчувствие, что я нахожусь на шаг от истины. Казалось — еще секунда и я все пойму. Когда Агнес Стоун показала, что Ирвинг сошел вниз после ухода Кемпта в бассейн, я уже знал, что она его сообщница. Ее показания

мог подтвердить только покойный Ирвинг. А ведь оно создавало абсолютнейшее из абсолютных алиби для Кемпта. Она сама тоже не могла убить, и хотя в момент выстрела находилась вне поля моего зрения, но просто не успела бы вбежать наверх... И хотя в убийстве был заинтересован один лишь Кемпт, однако без ее помощи он не мог бы совершить ни одного из двух убийств таким образом, каким они были совершены. Но как он совершил второе убийство? А в том, что он совершил его, я был абсолютно уверен. Ведь Ирвинг Эклстоун погиб при таких же неясных обстоятельствах, как и его сестра. Ключ снова находился в комнате, а не в замочной скважине запертой изнутри двери, что даже меня вынудило бы к признанию самоубийства. Погиб он, также не написав ни слова, среди разбросанных книг и записок, мало того, рядом с умершим находилась открытая авторучка. Он условился со мной о встрече в четыре часа, пригласил меня в дом, он был влюблен в свою работу и рассказал мне о своих издательских планах на ближайшее время и на будущее. Если он сошел вниз и спросил, находится ли его дочь поблизости, как показывала Агнес, то мог задать такой вопрос исключительно для того, чтобы избежать ее присутствия в момент, когда собирался совершить самоубийство. Почему же он совершил его тогда, когда она уже появилась здесь, вместе с нами всеми, и он прекрасно видел ее из окна своей комнаты? И почему эти деревяшки с вырезанными дьявольскими копытами были влажными? Когда и зачем их опускали в воду? Они почти высохли, это правда, но дерево сохраняет влагу, или, вернее, ее следы, очень надолго. И тогда я подумал о Кемпте и о бассейне. Но ведь Кемпт находился рядом со мной, когда прозвучал выстрел...

И тогда мне пришла на ум цитата из Парменида: «Не допускайте, чтобы привычка, возникшая из повторяющегося опыта, направила вас на путь, где средствами познания служат слепой глаз и ухо, вторящее звукам, но пытайтесь с помощью разума...»

И я попытался пересмотреть все «при помощи разума». Я принял за аксиому, что Ирвинг Эклстоун не совершал самоубийства, несмотря на то, что все, казалось, подтверждало обратное. Если в момент выстрела никого не было дома, кроме него, значит, он погиб раньше.

И вдруг у меня открылись глаза. Мне оставалось только установить, где находились домочадцы, а потом обдумать все возможности этой пары. В моей теоретической предпосылке точно было одно: если Ирвинг погиб раньше, то он не мог погибнуть намного раньше, самое большее на несколько минут, ибо в противном случае мы нашли бы убитого с явными признаками смерти. Как тебе известно, трудно установить, погиб человек три часа назад или три с половиной часа назад, но значительно легче установить, погиб ли человек минуту или полчаса назад.

Но как это случилось? И кто выстрелил, когда мы услышали выстрел? Выстрелить могла только Агнес, так как никого, кроме нее и Ирвинга, в доме не было. А могла она выстрелить только тогда, когда увидела нас и Кемпта, — тогда она вошла в комнату старой леди и... тут же выбежала на террасу, указывая на окно Ирвинга. Расстояние, конечно, сделало невозможным определить точное место выстрела внутри дома, а ее убедительный указывающий жест и невероятность предположения, что медсестра, которая возится на террасе у больной и входит зачем-то на секунду в ее комнату, может именно в эту секунду выстрелить, выбежать и указывать в другое близкое место, — довершили дело. И тут я совершил первую ошибку. Когда я со всей очевидностью понял, что это единственная возможность, первой мыслью, которая появилась, была мысль обыскать комнату старой дамы для того, чтобы найти место, куда попала пуля. Конечно, это должно было быть дерево: значит, шкаф или кровать... Я думал, что Агнес

заранее откинула матрас, выстрелила снизу в толстую деревянную кровать, одним движением поправила постель, спрятала оружие под фартуком и выбежала в полной уверенности, что никто возле нее не остановится и никто не будет ее обыскивать... И, конечно, я ничего не нашел. Тогда я понял, что такой предусмотрительный убийца, как Кемпт, подумал о такой важной мелочи. Разумеется, заряд был холостой. Нужно было всего лишь произвести приглушенный выстрел из глубины дома. И вот Агнес, которая находилась на террасе, направила все наше внимание на то место, откуда якобы прозвучал выстрел. А мы, послушные ей и этому внушению, обречены были бежать в указанное место, то есть в кабинет Ирвинга, бороться с тяжелой дверью, что заняло несколько минут, а потом войти и увидеть его с пистолетом в руке, умершего в одиночестве, в пустом доме в окружении доказательств его вины, которые указывали на него как на убийцу сестры и тихого безумца.

Но тут же возникли следующие вопросы.

1. Что Агнес сделала с оружием, из которого стреляла? Не могла же она и дальше держать его при себе, так же как не могла спрятать где-либо дома, потому что если бы мы его нашли, пошатнулась бы столь идеальная инсценировка самоубийства.

2. Что случилось со вторым ключом? Ведь если Агнес и Кемпт убили Ирвинга, то должен был существовать ключ, которым они заперли дверь его кабинета после убийства. Что с ним случилось? Не могли же они держать его при себе, так же как и не могли спрятать дома, из-за боязни обыска, во время которого мог быть найден ключ и тогда бы провалилась версия о самоубийстве, а следствие встало бы на путь, катастрофический для убийц. На то, чтобы его где-то закопать или надежно укрыть, у них было всего несколько минут времени. Я сомневался, что они его зарыли в землю, так как должны были опасаться полицейской собаки, которая легко бы его обнаружила. Полиция, в конце концов, могла бы найти ключ в любом месте на территории дома. Стало быть, где же он?

3. Где глушитель? Пистолет Ирвинга Эклстоуна всегда находился в незапертом ящике, и каждый мог войти, зарядить его, направиться в кабинет Ирвинга, выстрелить ему в голову, вытереть отпечатки пальцев и вложить пистолет умершему в руку. Но это убийство было совершенно невозможно без применения глушителя. Норфорд Мэнор расположен на возвышенном месте и окружен лесом. Кто-нибудь незамеченный мог бы находиться поблизости и услышал бы два выстрела — более ранний и более поздний. Тогда полиция стала бы задумываться и должна была, рано или поздно, понять, как это случилось. Поэтому для убийства необходимо было использовать глушитель, и этот глушитель должен быть вместе с ключом незаметно спрятан так, чтобы никто никогда не мог их найти.

На первый вопрос: что Агнес сделала с оружием? — ответ пришел быстро — именно поэтому Кемпт неуклюже бежал в халате, отставая от всей группы, чтобы: во-первых, иметь возможность спрятать в его складках револьвер, который Агнес передала ему, когда вбежала в холл, но не побежала наверх, вынув этот револьвер из-под фартука. Во-вторых, халат как бы естественно задерживал его бег и, таким образом, объяснял, почему Кемпт отстал от нас, хотя был молодым и тренированным мужчиной. Это ясно, потому что если б он влетел в холл вместе и Николасом или со мной, то никак не мог бы взять на бегу у Агнес револьвер, оставаясь никем не замеченным. А когда это произошло именно так, как произошло, Кемпт спокойно и лицемерно сделал вид, что забежал в свою комнату и оттуда взял этот револьвер. Потом хладнокровно, на наших глазах, он перезарядил его заново, якобы для того, чтобы вместе с нами бороться с укрывшимся

в доме неизвестным убийцей. Таким образом, следы второго выстрела исчезли.

Ответы на вопросы второй и третий: что случилось с глушителем и с ключом, были идентичны. Если удастся найти глушитель и ключ, тогда все дело будет выяснено. И здесь мне помогли эти деревяшки с резьбой дьявольских копыт, эти влажные деревяшки. Я подумал, что убийца ведь и эти деревяшки должен был бы все время держать где-то в укрытии, не считая того времени, когда он использовал их для нанесения следов. Если бы полиция обнаружила их после смерти Патриции Линч или если бы кто-нибудь случайно их заметил, тогда все дело приобрело бы совсем другое направление. Стало быть, деревянные необходимо было надежно спрятать. Ни их, ни ключей никогда и никто из прислуги не видел. Впрочем, я знал, что они спрятаны вне дома. Но где? Уже давно не было дождя. А убийца достал их, вероятно, перед самым убийством. И тогда я вспомнил, как кто-то говорил мне, какой замечательный молодой человек этот Кемпт. Лично помогал рабочим строить бассейн и сам его проектировал! Кроме того, Кемпт через несколько минут после убийства направился в бассейн, и мы встретили его выходящим оттуда. Следовательно, он взял и ключ, и глушитель, чтобы спрятать их в каком-то укрытии в бассейне. Это единственное логичное решение, позволяющее понять, почему деревянные оказались влажными. Впрочем, трудно было бы найти другое место, где он мог бы спрятать их так быстро. Там их не обнаружила бы полицейская собака и никакой самый зоркий глаз. Это было идеальное место, а Кемпт выглядел человеком, который идеально все придумал, и стало быть, должен был найти идеальный тайник для своих злодейских орудий... Ну, и оказалось, что я прав...

— Так... ясно... Но я не понимаю одного: каким образом это преступление, настолько зависящее от времени, буквально от каждой минуты, могло быть так идеально рассчитано? Откуда он знал, что вы должны прибыть именно в это время, а не чуть позже или чуть раньше?

— О, это очень просто. Из окон Норфорд Мэнор виден луг, окружающий Велли Хауз... И хотя это далеко...

— Не хочешь ли ты сказать, что невооруженным глазом...

— Нет. Не хочу. Поэтому я и влетел в комнату Кемпта, чтобы задать ему какой-то банальный вопрос. Я увидел большой, солидный морской бинокль. С его помощью он легко видел нас, выходящих из дома и направляющихся к калитке в каменном заборе по пути, который вел только в Норфорд Мэнор и на преодоление которого мы должны были истратить точно известное ему время, так как он, вероятно, не раз ходил по этой дороге с сэром Александром. А он, конечно, знал, что темп нашего движения будет зависеть от быстроты движения калеки Джилберна. Тогда он, вероятно, начал отсчет времени. Пистолет Ирвинга был уже, вероятно, готов и снабжен глушителем. Агнес уже держала под фартуком револьвер Кемпта с холостым патроном в стволе. Решив, что время пришло, он открыл дверь кабинета Ирвинга, вошел под любым предлогом и выстрелил ему в голову с близкого расстояния, а потом вложил в его руку пистолет, сняв предварительно глушитель и вытерев рукоятку, чтоб не остались отпечатки пальцев. Ключ от комнаты Патриции он бросил в террариум, а деревянные положил в ящик стола. Потом вынул ключ из двери Ирвинга, положил его на стол, вышел, запер дверь ключом номер два, сошел вниз, сказал ожидавшей его соучастнице, что дело сделано, и направился в сторону бассейна. Там он спрятал в тайнике ключ и глушитель, вышел из воды и направился нам навстречу, а когда Агнес выстрелила, побежал за нами, взяв у нее в холле револьвер, а остальное ты уже знаешь...

— Так... — Паркер в темноте покачал головой. — Все это очень просто.

— Правда? — Джо закурил. Какое-то время огонь спички освещал лица обоих мужчин, усталые, но торжествующие.

— И еще одно... Почему же тогда он сказал, что идет купаться, раз он был в пижаме и в халате?

— Я думаю, что Синди застала его врасплох, встав в это утро слишком рано. Он только закончил переворачивать портрет, при помощи этого швейцарского штатива, когда, быть может, услышал ее... Он, конечно, как и никто в доме, не знал о ее романе с доктором Дюком. И тут он сказал ей, что шел купаться, а я подсознательно зафиксировал эту ошибку в его одежде. Конечно, сам этот факт еще ничего не значил. Но потом он явился дополнительным толчком к моей неуступчивости относительно теории убийства, а не самоубийства.

— Так, понимаю, — Паркер кивнул головой. — И еще одно...

— Что?

— Возьми.

Бен в темноте протянул руку. Джо ощутил в своей руке холодный металлический кружок.

— Что это? — спросил он.

— Боже мой... — Паркер вздохнул. — И подумать только, что человек, который решает такие задачи, не может без фонарика распознать английский шиллинг, держа его при этом в руке!

Джо улыбнулся.

— Я думал о другом... — сказал он.

И действительно, он думал в эту минуту о далекой солнечной стране, где одна красивая девушка, вероятно, давно уже спала в палатке на территории археологических раскопок после тяжелого трудового дня...

*Перевод с польского Роберта СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО
при участии Владимира КУКУНИ.*

